



НОВАЯ ПОЛЬША 9/2018

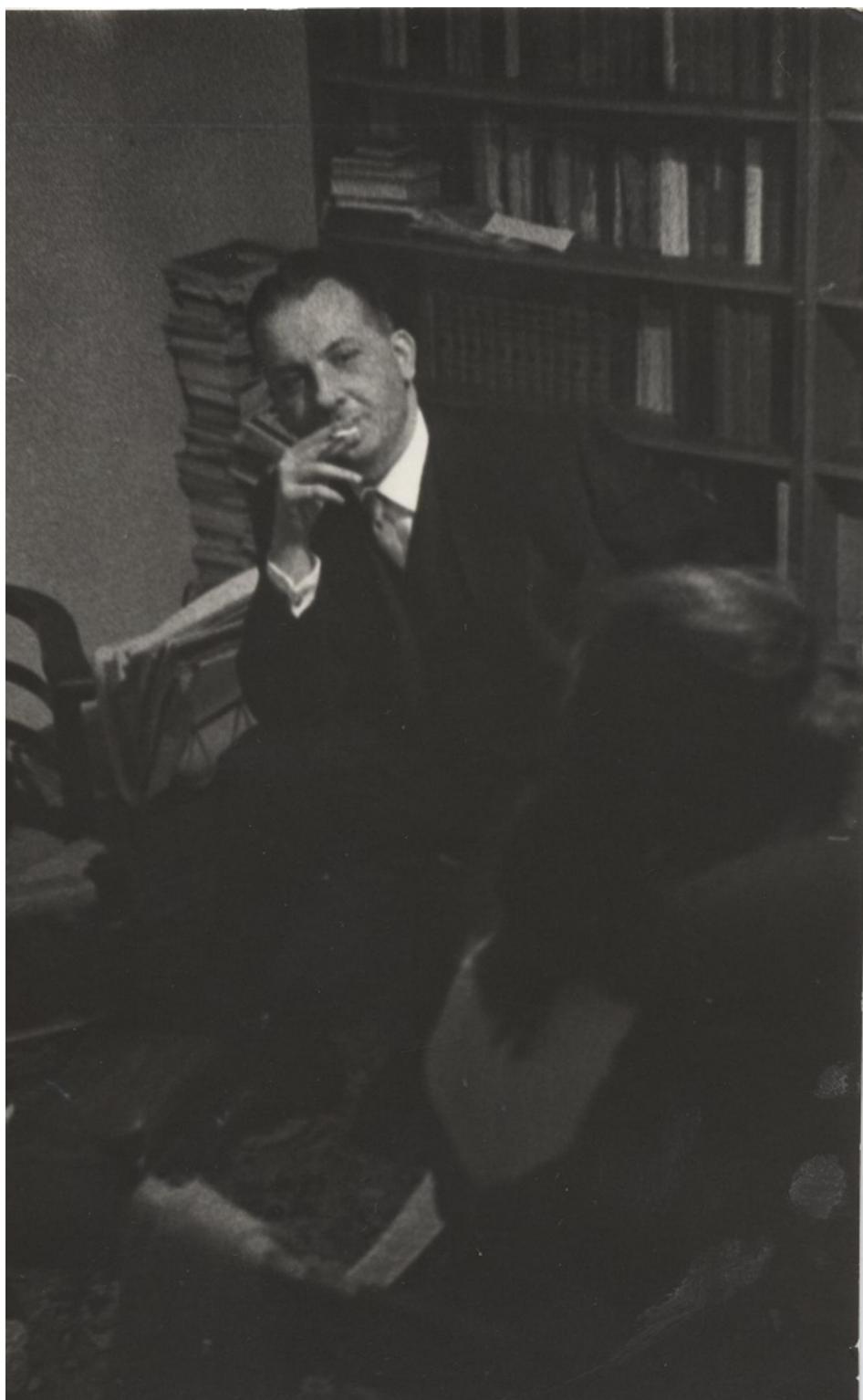
Выпуск изображений



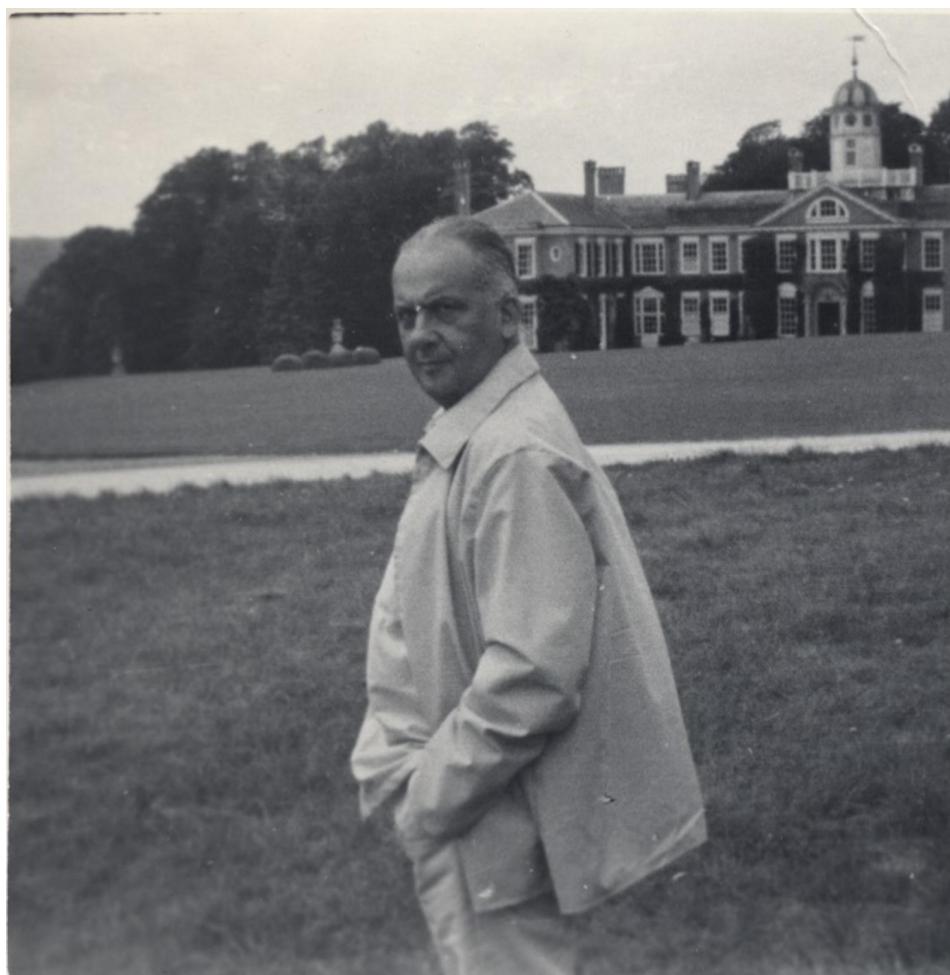
Павел Герц (1918–2001) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, а также издатель. Дебютировал как поэт еще до II мировой войны. Арестованный НКВД во Львове в 1940 г. попал в лагерь, после освобождения по амнистии и до конца войны пребывал в СССР. Свои переживания того времени описал в частности в книге «Седан» (1948). В Польшу вернулся в декабре 1945 г., сначала в Лодзь. С 1949 жил в Варшаве, где занимался творчеством, а также работал редактором, в том числе заведовал редакцией классической русской литературы в издательстве PIW (1949–1952).



Творчество Герца причисляют к неоклассицизму. Он был очень активный как эссеист, переводчик и издатель. Сам переводил главным образом с русского и французского. Среди его авторов были: Иван Тургенев, Лев Толстой, Антон Чехов, Илья Эренбург, Марсель Пруст, Анатоль Франс, Анна Ахматова, Иосиф Бродский. Подготовил польские издания собранных произведений Достоевского, Пушкина, Льва Толстого. За свои переводческие и издательские достижения был многократно награжден.



Павел Герц – варшавянин. «Варшава Герца имеет словно бы двойное обличье, это город, который был, и город, который есть. Не всегда эти два мира гармонируют друг с другом. Герц пишет о том, что видит и о том, что помнит. (...) Благодаря Герцу, я вижу Варшаву более красивой, чем она есть на самом деле, смотрю на сменяющие друг друга времена года и разные городские пейзажи, и вспоминаю людей, с которыми тут познакомился». Марек Заганьчик, Варшавские прогулки, НП, 9/2018



«Уходящее время имеет обыкновение уносить с собой грязь, ил и пену нашей жизни, оставляя промытую картинку прошлого. Вот на этой-то картинке я и вижу самую родную мне родину: улицу, на которой я родился. А поскольку нам теперь не удается жить и умирать там, где мы родились, у каждого, вероятно, есть такая же, и каждый обращается к ней в иные поспешные, суэтные, трудные дни». Павел Герц, Ипотечная НП, 9/2018

Содержание

1. Экономика на тормозе
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Make life harder
5. Сто лет грез и крах мечтаний
6. Польский сталинизм
7. Невероятно политическая музыка
8. Выписки из культурной периодики
9. Курсы
10. Варшавские прогулки
11. Ипотечная
12. Проходя через варшавское гетто
13. Культурная хроника
14. Богини не умирают
15. Из песен Коры
16. Стихотворения
17. Поэт-рыцарь
18. Чудо из Фараса в Варшаве
19. А теперь положи смычок на струну
20. Смысл награды

Ежи Хауснер, Мирослав Гроницкий

Экономика на тормозе

В IV квартале 2017 г. и в I квартале 2018 г. польская экономика миновала пик своего подъема. Это не значит, что ее динамика резко снизится. Однако мы вошли в фазу циклического торможения, когда возникают конъюнктурные угрозы, как внутренние, так и внешние, — отмечают экономисты.

Росту польской экономики в 2017 г. способствовали два основных фактора — индивидуальное потребление и экспорт. И если темпы роста потребления стабильно увеличивались (с 4,5% до 5% в масштабе года) в основном благодаря программе «Семья 500+»^[1] и ускорению динамики роста зарплат, то экспорт зависел от ситуации на базовых рынках, а она была исключительно шаткой. В масштабе года динамика экспорта была относительно высокой (8,2%), но этот относительно высокий темп роста за последние месяцы снизился.

Инвестиционные затраты на основные средства, отвечающие за сдерживание экономического роста в 2016 г., возросли во второй половине 2017 г. (с 1,4% в I квартале до 5,4% в IV квартале), однако темп роста не позволил достичь уровня 2015 г. (затраты уменьшились на 8,2% и выросли на 3,3% в 2016 и 2017 гг. соответственно).

Прогнозы

Мы, однако, ожидаем снижения динамики потребления. Номинальные доходы могут вырасти по сравнению с 2017 г., главным образом благодаря увеличению зарплат (занятость может расти несколько медленнее, а размер средней заработной платы существенно быстрее в сравнении с 2017 г.), а также за счет стремительно растущих социальных выплат. Инфляция после изменения потребительской корзины вновь снизилась (за период с ноября 2017 по апрель 2018 г. она сократилась с 2,5% до 1,6%) и даже если в следующие месяцы повысится, то ее влияние на уменьшение реальных доходов будет незначительным.

Общая динамика доходов будет сдерживаться скорее другими факторами (прибылью и другими доходами от экономической деятельности). Подоходные налоги, вероятнее всего, никак не повлияют на рост располагаемых доходов, а в сфере сбережений домашних хозяйств трудно ожидать радикальных изменений.

Если зарплатная инфляция (измеряемая ростом номинальной

средней заработной платы в секторе предприятий) удержится на том же уровне, на каком она была в последние кварталы, а золотой ослабнет, то вполне вероятным видится ускорение роста инфляции до уровня выше 3% к концу текущего года. Однако это не основной сценарий развития событий. Согласно же основному, предполагающему стабильность золотого, можно ожидать инфляции в пределах инфляционной цели Национального банка Польши (то есть 2,5%).

Представленное выше наблюдение следует интерпретировать так, что в польской экономике и ее международном окружении по-прежнему сохраняется хорошая конъюнктура, которая просуществует в таком виде на протяжении 3-4 кварталов. В текущем году динамика роста ВВП в Польше приблизится к уровню прошлого года, однако будет постепенно замедляться. На это указывают уже доступные данные, касающиеся промышленной продукции, розничной торговли и экспорта. Не уравновесит этого и рост инвестиционных затрат. Тем более что он повлечет за собой отрицательный вклад в рост ВВП нетто-экспорта. Если экспорт будет расти быстрее, тогда динамика ВВП может быть выше и наоборот.

Угроза видится нам в удержании более высокой, чем мы прогнозируем, динамики потребления, в частности вследствие увеличения публичных расходов, что может провоцировать ухудшение сальдо торгового и платежного баланса, тем сильнее, чем слабее будет динамика экспортa. А она в последний период ослабла. Отчасти и потому, что показатели конъюнктуры в Германии ухудшаются.

Внутренние угрозы

Последняя фискальная нотификация указывает на уменьшение дефицита сектора публичных финансов с 2,3% в 2016 г. до 1,7% ВВП в 2017 году. Вместе с тем резко снизился дефицит в центральном подсекторе — с 2,3% до 3,8% ВВП. Снижение дефицита всего сектора публичных финансов наступило благодаря излишку в подсекторе социального обеспечения. Снижение дефицита может подталкивать к мысли о фискальном ограничении, но его невыгодная структура не предвещает ничего хорошего для исполнения дефицита в 2018 году.

Ожидания Министерства финансов, что дефицит центрального сектора составит 3% ВВП, могут оправдаться, но, если учесть, что центральный подсектор по-прежнему будет проявлять экспансию (см. новые расходные предложения и отсутствие информации о сбережениях или о новых налогах), трудно будет улучшить результат 2017 года. Более вероятным видится увеличение дефицита.

Велика также вероятность того, что ухудшится результат

подсектора самоуправления (выборы!), и здесь незначительное его повышение (0,1% ВВП) сменится дефицитом, хотя и небольшим в силу правового регулирования.

Значительные излишки в подсекторе фондов общественной защиты (2% ВВП) с большой долей вероятности существенно уменьшатся.

Таким образом, главные внутренние угрозы мы усматриваем в растущем дефиците средств труда, росте заработной платы, превышающем динамику производительности труда, и в базировании экономического роста на экспансивной (учитывая фазу конъюнктуры) фискальной и монетарной политике.

Ситуация предприятий

Симптомом отрицательной тенденции в микроэкономическом объеме является то, что в подавляющем большинстве анализируемых нами областей экономики мы прогнозируем более низкую динамику второй части проекции по сравнению с первой. В результате, несмотря на хорошую конъюнктуру, мы предполагаем увеличение угрозы банкротства, особенно в случае средних предприятий и предприятий сферы услуг. Последние испытывают особые проблемы с нарастающей в Польше гонкой за уровнем оплаты труда. Им всё труднее удовлетворить требования работников, поскольку доля заработной платы в статье расходов таких предприятий велика. И у них нет возможности, как у других предприятий, урезать прочие расходы.

Весьма важной с аналитической и практической стороны является сфера строительства. Здесь текущие данные показывают довольно высокую динамику роста продаж, а вместе с тем значительный рост угрозы банкротства в этом секторе.

Это требует пристального внимания и дополнительного изучения. Правительство должно как можно скорее организовать круглый стол с участием представителей этого сектора и независимых экспертов.

Кажется, что здесь мы имеем дело с новым синдромом, который характеризуется нехваткой рабочей силы, ростом цен на строительные материалы и несовершенством системы публичных заказов, что в совокупности провоцирует ограничение маржи прибыли и ухудшение финансовых показателей строительных предприятий. Заметны также симптомы перегрева конъюнктуры в жилищном строительстве и нарастание кредитно-ценового пузыря, чему способствует отрицательная реальная референтная ставка центрального банка.

В целом наши исследования указывают на то, что демография

польских предприятий постепенно ухудшается. Число малых предприятий непрерывно растет, однако только немногие из них становятся средними фирмами, которые могли бы интернационализировать свою деятельность, как это происходит в Германии.

В нашем случае это особенно существенно, поскольку именно средние фирмы часто являются производственной базой для заграничных предприятий и в то же время способны выступать их рыночным противовесом. И именно по отношению к этому роду предприятий мы наблюдаем наиболее высокий рост угрозы банкротства. Они становятся «мягким подбрюшьем» польской экономики, и потому структурная экономическая политика должна быть гораздо сильнее ориентирована на противодействие этой угрозе.

Что можно сделать?

С точки зрения экономической политики перечисленные здесь угрозы следует интерпретировать так, что ее целью, с одной стороны, становится предупреждение резкого снижения экономического роста. С другой стороны, важно избегать таких средств (как, например, фискальная стимуляция), которые могут поддерживать динамику экономики ценой углубления выявленных внутренних угроз. Лучше стимулировать рост продуктивности разных производственных факторов и устранять напряжение на рынке труда.

Одним из таких выходов является активное содействие притоку работников с Украины и из Беларуси, а также создание условий для того, чтобы они вместе со своими семьями приезжали в Польшу на постоянное место жительства. Такая мера является неотложной, так как для предприятий, особенно средних, низкие затраты на оплату труда были до сих пор одним из главных источников их развития.

Другой важной мерой, что мы решительно подчеркиваем в каждом рапорте, является стимулирование инвестиций в развитие частных предприятий, в том числе посредством устранения выявленных препятствий инвестирования.

Хорошая конъюнктура автоматически поддерживает экономический рост, однако для нее характерны циклические колебания.

Грядущие проблемы всегда начинаются в период хорошей конъюнктуры, а соответствующие адаптационные меры следует принимать до того, как конъюнктура ослабнет. На этом зиждется ведение антициклической экономической политики. К сожалению, в нашем случае мы имеем дело по большей части с проциклической политикой в экономике. В результате, когда произойдет более существенное ослабление темпа роста, у нас не будет возможностей стимулирования посредством

увеличения публичных расходов и/или снижения процентных ставок.



-
1. «Семья 500+» — действующая с 1 апреля 2016 г. государственная программа, целью которой является финансовая поддержка семей в воспитании детей, а также увеличение рождаемости и улучшение демографической ситуации в Польше. Согласно этой программе, на второго и каждого следующего ребенка выделяется 500 злотых в месяц, а в случае, если доход на члена семьи составляет менее 800 злотых в месяц, денежные средства могут выделяться и на воспитание первого ребенка. — Примеч. пер.

Виктор Кулерский

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Сегодня мы являемся одной из самых законопослушных европейских стран, я в этом абсолютно убежден», — премьер-министр Матеуш Моравецкий. («Сети», 2–8 июля)
- «У нас нет никаких проблем с соблюдением законности в ее подлинном значении. (...) Нам бы хотелось, чтобы и другие европейские страны пошли по нашему пути», — проф. Здзислав Краснодембский, вице-председатель Европейского парламента, партия «Право и справедливость». («Жечпосполита», 21 июня)
- «Во вторник Польша стала первой страной в истории, которую “заслушали” в рамках соответствующей процедуры в Совете Европейского союза. Польше пришлось объясняться по поводу реформы судебной системы и ее соответствия принципам правового государства». (Енджей Белецкий, «Жеспосполита», 27 июня)
- «В среду на своем очередном еженедельном заседании Европейская комиссия уполномочила вице-председателя Франса Тиммерманса начать в отношении Польши процедуру в связи с нарушением законодательства ЕС. (...) Во вторник в ходе трехчасовых слушаний польская сторона убеждала, что ни один из новых законов о судебной системе не представляет угрозу законности. Страны-члены ЕС могли задавать вопросы, и этим правом воспользовались 13 государств: Франция, Германия, Голландия, Дания, Испания, Ирландия, Португалия, Бельгия, Швеция, Финляндия, Люксембург, Кипр и Эстония. (...) Итог дискуссии подвел Франс Тиммерманс, который заявил, что не видит возможности для отмены процедуры. “Законность в Польше систематически находится под угрозой. Сегодня мы не услышали от Польши ничего, что позволило бы нам изменить наше мнение”, — подчеркнул голландец». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 28 июня)
- «В понедельник Брюссель запустил процедуру против Польши в связи с нарушением последней законодательства ЕС. Руководство Евросоюза полагает, что принудительная отправка на пенсию 26 из 72 судей Верховного суда, которая становится возможной с 3 июля, является нарушением ст. 19 договора о ЕС, где сказано, что государства-члены ЕС должны обеспечивать эффективную судебную защиту в сферах, регулируемых законодательством Евросоюза. (...) Теперь Европейский суд, а не

польские политики и судьи, решит, кто прав. Если будет признана правота Европейской комиссии, Польше придется остановить процесс кадровой ротации судей Верховного суда». (Войцех Тумидальский, Анна Слоевская, «Жечпосполита», 3 июля)

- «В среду Европейский суд принял решение по делу об экстрадиции поляка из Ирландии. Гражданин Польши был задержан 10 мая 2017 года на основании европейского ордера на арест. (...) Суд постановил: можно приостановить исполнение ордера, если суд другой страны посчитает, что оно угрожает эффективности рассмотрения им конкретного дела. Это судебное решение существенно усложнит своевременную выдачу Польше разыскиваемых ею лиц». (Елена Иванова, «Газета выборчая», 26 июля)
- «В Европейский суд по правам человека в Страсбурге поступил иск гражданина Польши о том, что в его стране поданную им жалобу рассматривали “узурпаторы”, заседающие в Конституционном трибунале». («Жечпосполита», 9 июля)
- «На вопрос “Как вы оцениваете работу Конституционного трибунала после изменений, введенных Сеймом?” 53% опрошенных ответили: “Негативно”, 30% — “Позитивно”, а еще 17% — “Не знаю”. Опрос Института рыночных и социологических исследований от 6–7 июля». («Жечпосполита», 12 июля)
- «Самая большая группа респондентов (48%), опрошенных Институтом рыночных и социологических исследований, считает, что ответственность за конфликт с Евросоюзом лежит на польском правительстве. Вдвое меньшая группа (21%) обвиняет в этом Европейскую комиссию. (...) 24% считают, что вина лежит на обеих сторонах». Опрос проводился 20–21 июня. («Жечпосполита», 26 июня)
- «Польша переживает самую настоящую трагедию, хотя большинство наших соотечественников по-прежнему не отдает себе в этом отчет. Ситуация, когда законно избранная власть абсолютно сознательно и планомерно уничтожает конституционный порядок в стране — это национальная драма. Цель этих действий очевидна: лидер правящего лагеря, выигравшего парламентские выборы осенью 2015 года, жаждет неограниченной, абсолютной власти. (...) Наша национальная драма — это когда в споре между Европейской комиссией и польским правительством Европейская комиссия отстаивает права и свободы поляков, а польское правительство — свои законы, ставящие крест на независимости судебной власти в стране и в перспективе на свободах польских граждан. (...) Сегодняшняя Польша не отвечает так наз. “копенгагенским” критериям, которые в 1993 году были сформулированы Европейским советом для государств, желающих быть

принятыми в состав Евросоюза. Самое важное из этих условий — это наличие институтов, гарантирующих стабильность демократии и правового государства. И это очень серьезный аспект польской драмы». (Александр Халль, «Жечпосполита», 11 июля)

• «Собрание 63 судей Верховного суда, ссылаясь на нормы Конституции, единогласно постановило, что Малгожата Герсдорф остается председателем Верховного суда до 30 апреля 2020 года. (...) “Для нас очевидно, что срок председательских полномочий Герсдорф в Верховном суде истекает 4 июля, — заявил Лукаш Пебяк, вице-министр юстиции. (...)

Сложившаяся ситуация угрожает двоевластием в Верховном суде и повторением сценария конфликта вокруг Конституционного трибунала». («Жечпосполита», 29 июня)

• «Итак, свершилось — прозвучал последний аккорд так наз. судебной реформы. Вступил в силу закон о Верховном суде, и ПИС, поставив страну перед свершившимся фактом, теперь полностью контролирует ключевой орган судебной власти. (...) “Идет самая настоящая чистка. Меня бесцеремонно лишили полномочий первого председателя Верховного суда”, — сообщила молодым юристам проф. Малгожата Герсдорф во время своей лекции в Варшавском университете». («Факт», 4 июля)

• «Мы дрейфуем в направлении авторитаризма, при котором не может быть никакого правового государства. Это путь к анархии. (...) Мы теряем контакт с Европой. Доказательством этому может служить поражение Моравецкого в Европейском парламенте. (...) Сегодня власть не считает нужным уважать конституцию. Власть устанавливает свой, неконституционный порядок», — Анджей Жеплинский, бывший первый председатель Конституционного трибунала. («Жечпосполита», 6 июля)

• «Президент проинформировал Малгожату Герсдорф о том, что ее миссия в Верховном суде закончена. Сама же Герсдорф настаивает, что будет по-прежнему работать на своей должности. (...) Судьи, которых новый закон отправляет на пенсию, также заявляют, что будут продолжать исполнять свои обязанности». («Супер-экспресс», 4 июля)

• «Приняты законы, уничтожающие судебную систему, но при этом не работающие так, как запланировано. Суды продолжают принимать независимые решения. Их не получилось запугать. (...) Акция по назначению председателей судов министром закончилась поражением. Отозваны 140 председателей и их заместителей из 730 — это значит, что тех, кого не удалось купить, примерно в пять раз больше. (...) Играть по новым правилам отказались даже судьи окружных судов, несмотря на то, что им предлагалось повышение. (...) Выборы в

Национальный совет правосудия судейское сообщество бойкотировало. Из 10 тыс. судей нашлось всего лишь два десятка желающих. (...) В минувшем году нами принимались взвешенные и правильные решения относительно права на демонстрации, свободы слова, государственной слежки за гражданами, запрещенных доказательств. Были очень поучительные решения, касающиеся движения “Граждане Речи Посполитой”, Беловежской пущи, Комитета защиты демократии. (...) Мы еще будем с гордостью вспоминать эти времена», — проф. Кристиан Маркевич, председатель Ассоциации польских судей «Юстиция», крупнейшей судейской организации, насчитывающей 4 тыс. членов, что составляет более трети всех судей в Польше». («Газета выборча», 4 июля)

• «Десять экологов, которые своими телами блокировали лесозаготовительную технику в Беловежской пуще, были вчера оправданы правомочным решением Белостокского окружного суда. Ранее решение в их пользу было принято региональным судом, однако полиция направила апелляцию». («Газета выборча», 13 июля)

• «Пятница, 20 июля 2018 года. (...) Сейм одобрил очередные изменения в законе о Верховном суде, Национальном совете правосудия и прокуратуре. (...) В тот же день генеральный секретарь партии “Гражданская платформа” Станислав Гавловский, вместо того, чтобы сидеть в камере предварительного заключения, как обещал Качинскому министр юстиции, появился на парламентской трибуне. “Я был там, где вскоре окажутся многие из вас. Там вас уже ждут. И вам там тяжело придется”, — заявил он, обращаясь к депутатам правящей партии. (...) В деле депутата Гавловского только первое решение было вынесено в соответствии с планами министра Зёбро. (...) Однако потом дело рассыпалось. Первыми от преследования Гавловского оказались сотрудники прокуратуры, не желавшие впоследствии отвечать за содержание в камере человека, вина которого не доказана. Затем одно за другим появились три решения разных судей, благодаря которым Гавловский был освобожден — решение об отказе в продлении содержания в камере, решение об отклонении заявления прокуратуры и, наконец, решение суда очередной инстанции, окончательно подтвердившей, что Гавловский останется на свободе до начала процесса. (...) Роман Гертых, который защищает Гавловского (...): “Сопротивление судейского сообщества так велико, что шансов оказаться в кпз у тех, на кого укажет прокуратура, сегодня меньше, чем два года назад”». (Цезарий Михальский, «Ньюсуик Польска», 30 июля — 5 авг.)

• «В годы относительного спокойствия и процветания

пассивность общества была огромной. А судьи чувствовали себя прежде всего чиновниками, выносящими решения.

Разумеется, в соответствии с буквой закона и собственной совестью, однако это была всего лишь работа, способ заработать на жизнь. Сегодня они почувствовали себя судьями до мозга костей, наделенными миссией по защите прав граждан. (...) У нынешней власти два главных врага: судьи и независимые СМИ, в особенности негосударственное телевидение. Эти две ветви власти пока не захвачены правящей партией», — проф. Адам Стжембош. («Ньюсик Польска», 9–15 июля)

• «По версии Анджея Дуды, Малгожата Герсдорф официально уже не работает в Верховном суде, поскольку 4 июля она была отправлена на судейскую пенсию в связи с понижением возрастного порога с 70 до 65 лет. (...) В пятницу в Верховном суде Герсдорф посетил Куми Найду, который с августа занимает пост генерального секретаря «Amnesty International». (...) «Мы находимся здесь, чтобы выразить свое уважение госпоже Малгожате Герсдорф, — заявил в пятницу в Верховном суде Кеес Старк, вице-президент голландского Судейского совета, а также президент Европейской сети судейских советов. (...) Его сопровождал Мартен Фетерис, председатель Верховного суда Голландии и представитель Сети председателей Европейских судов ЕС. (...) «Мы надеемся, что независимость правосудия будет быстро восстановлена», — добавил Марк де Верд, который также побывал у Герсдорф. Он представляет Консультативный совет европейских судей. Это консультативный орган Совета Европы». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 7–8 июля)

• «С 3 июля, когда вступит в силу новая редакция закона о Верховном суде, почти 40% его судей будут вынуждены покинуть свои должности. (...) Такая политика везде считается нарушением принципа независимости судов и права на справедливое судебное разбирательство. Комитет по правам человека ООН полагает, что снижение пенсионного возраста судей с применением обратной силы нарушает независимость судей, поскольку равнозначно с произвольным лишением их полномочий, их словно выбросили на улицу с черного хода», — проф. Мартин Матчак. («Тыгодник повшехны», 8 июля)

• «В субботу судьи из ассоциации «Юстиция» заявили, что не доверяют процедуре назначения судей Верховного суда. «Структура, которая выдает себя за Национальный совет правосудия преследует цель укомплектовать Верховный суд своими судьями», — заявил Кристиан Маркевич, председатель ассоциации польских судей «Юстиция». (...) По его мнению, результаты конкурса на должности судей Верховного суда недействительны в связи с его не конституционностью и отсутствием контрсигналов со стороны премьера. Так что

избрание судей является незаконным». («Газета выборча», 16 июля)

- «Первая председатель Верховного суда Малгожата Герсдорф в четверг направила письмо президенту Анджею Дуде: «Заявляю, что мои полномочия заканчиваются только 30 апреля 2020 года, и я обязана исполнять их на основании Конституции Республики Польша». (Эва Иванова, «Газета выборча», 20 июля)
- «Благодаря голосам ПИС Сейм принял поправки к закону (...), согласно которым судьи Верховного суда, Главного административного суда и Конституционного трибунала получают пожизненные ставки в ВУЗах. Конференция ректоров высших учебных заведений отрицательно отозвалась об этой поправке, подчеркнув, что она нарушает автономию ВУЗов». («Газета выборча», 21-22 июля)
- «Принятый в пятницу Сеймом закон поможет ПИС подчинить себе Верховный суд и назначить ему нового председателя, поскольку пять кандидатов, из которых президент выберет первого председателя, будут избраны большинством в две трети голосов судей Верховного суда, а не полным его составом. (...) С шести до трех месяцев сокращен период выхода на пенсию судей, достигших 65 лет. Новый закон также поможет ПИС посадить своих людей на вакантные места в Верховном суде, поскольку снижает уровень профессиональных требований к кандидатам на должность судьи». (Павел Бронский, «Газета выборча», 21-22 июля)
- «В ночь со вторника на среду Сенат без внесения корректировок одобрил поправки к законам о Верховном суде, Национальном совете правосудия и судоустройстве. Голосование продолжалось до двух часов ночи. За новый закон проголосовали, несмотря на обнаруженные в нем юридические ошибки, к примеру, ссылку на несуществующий параграф, на что обратил внимание уполномоченный по правам человека Адам Боднар». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 26 июля)
- «То, что происходит вокруг новой редакции закона о Верховном суде, переходит уже всякие границы. Где они были, когда депутат Станислав Пётрович ограничил время выступлений депутатов до 30 секунд? (...) Депутаты, сенаторы, министры присягают конституции, в которой написано, что срок полномочий первого председателя Верховного суда составляет шесть лет. Разве столь демонстративное пренебрежение своей присягой не называется по-польски клятвопреступлением?», — Павел Коваль. («Жечпосполита», 26 июля)
- «Анджей Дуда в четверг подписал весьма неоднозначную новую редакцию закона, призванную ускорить реформы в Верховном суде и сделать возможным избрание первого председателя, который начнет исполнять обязанности

нынешнего председателя Малгожаты Герсдорф». («Жечпосполита», 27 июля)

- «Решение Верховного суда о передаче в Европейский суд в Люксембурге пяти преюдициальных вопросов (иначе говоря, прецедентных, ответы на которые могут служить основанием для вынесения решения по аналогичному делу — В.К.) и приостановлении действия спорных юридических норм было неожиданно объявлено в четверг после обеда. (...) Верховный суд сам приостановил действие спорных норм закона, на основании которых власть пытается отправить на пенсию первого председателя Верховного суда и других судей, достигших 65 лет, а также новые принципы наделения президентом полномочиями первого председателя Верховного суда». (Войцех Тумидальский, «Жечпосполита», 3 авг.)
- «Вчера президентский дворец сделал заявление: “Действия Верховного суда считаем незаконными и не влекущими правовых последствий в отношении президента Республики Польша”». («Газета выборча», 3 авг.)
- «Не будем забывать, что Верховный суд утверждает результаты выборов (напомним, что первый председатель Верховного суда по штату возглавляет Государственный трибунал — редакция “Супер-экспресса”). (...) “Судьи несменяемы, а срок полномочий первого председателя определен конституцией. Ради того, чтобы подчинить себе всю систему правосудия, ПИС открыто нарушает основной закон”, — считает Борис Будка, бывший министр юстиции (“Гражданская платформа”»). (Камила Беджицкая, «Супер-экспресс», 1 июля)
- «Партия власти в меньшей степени озабочена вмешательством в рассмотрение конкретных судебных дел, для нее куда важнее быстро подчинить себе Государственный трибунал, который возглавляет первый председатель Верховного суда, остальной же состав избирается Сеймом. Захват должности председателя Государственного трибунала определенно облегчил бы устранение из общественно-политической жизни указанных политиков (в первую очередь Дональда Туска — В.К.). Если этот инструмент будет намеренно использован против оппозиции на ближайших выборах, ответственным за это окажется в том числе и Анджей Дуда», — Богуслав Хработка, главный редактор. («Жечпосполита», 26 июля)
- «Впервые после 1989 года перед нами возникла проблема: как восстановить верховенство закона после радикального нарушения его принципов. (...) Возвращение к нормальной жизни — это сложный процесс, приходится детально анализировать, что именно из произошедшего имеет необратимые последствия. Нельзя мириться с тем, что на

постах остаются люди, избранные с нарушением закона. (...)
Пока что мы ждем, опротестует ли Европейская комиссия в Европейском суде поправки в закон о Верховном суде, которые должны вступить в силу 3 июля», — Збигнев Цвенкальский, бывший министр юстиции и генеральный прокурор. («Газета выборча», 1 июля)

• «“Президент может помиловать любого на любом этапе процесса”, — заявил сформированный из назначенцев правящей партии Конституционный трибунал. (...)
Председатель трибунала Юлия Пшилембская еще перед вынесением решения говорила, что “Верховный суд не имеет права обсуждать прерогативы президента”». («Газета выборча», 18 июля)

• «Своим вчерашним курьезным решением Конституционный трибунал разрушил почти тридцатилетнюю традицию президентского помилования. Утверждая, что “акт помилования не требует обоснования” и представляет собой “ничем не ограниченное право главы государства”, трибунал тем самым перечеркнул всю применявшуюся ранее процедуру. Президент больше не обязан руководствоваться решениями судов и прокуратуры. (...) “Партийный” трибунал нанес удар в само основание демократического принципа разделения властей, согласно которому степень вины человека определяет суд, а президент может только освободить его от наказания». (Войцех Чухновский, «Газета выборча», 18 июля)

• «Оказалось, что часть нашей политической элиты понятия не имеет, что такое конституционный порядок и что такое конституционализм. Под видом уважения к закону он на самом деле нарушается. Под тонким налетом декларативного соблюдения норм права видны все те же манеры и обычаи, порожденные предыдущей системой», — проф. Ханна Сухоцкая, бывший премьер-министр, министр юстиции и генеральный прокурор, а также посол Польши в Ватикане, в 1991–2016 гг. — член Венецианской комиссии.

(«Жечпосполита», 21–22 июля)

• «То, что Сенат демонстративно отверг идею конституционного референдума — это, наверное, самый жестокий урок политического реализма, который получил Анджей Дуда за все время своего нахождения на посту президента. (...) Дуда не обсудил свою идею с правящей партией». (Михал Шулдженский, «Жечпосполита», 26 июля)

• «В субботу в Европейском центре солидарности состоялась первая встреча Гражданского комитета. Эта инициатива ставит своей целью “обеспечить добросовестность выборов в органы местного самоуправления, Европейский парламент и Сенат, а также президентских выборов”. Гражданский комитет при leiderе “Солидарности” Лехе Валенсе был создан 18 декабря

1988 г. в Варшаве». (Илона Годлевская, «Газета выборча», 25 июня)

- «Самой многочисленной стала вчерашняя демонстрация в Варшаве, однако сотни и тысячи людей вышли на улицы в защиту независимости судов также в Познани, Вроцлаве, Кракове и многих других, менее крупных городах». («Газета выборча», 27 июля)
- «“Благодаря инцидентам, имевшим место во время демонстрации перед зданием парламента 21 июля 2018 г., негативное отношение сотрудников полиции к деятельности по обеспечению порядка на подобных мероприятиях только усилилось”, — говорится в официальном письме, которое во вторник направил министру внутренних дел Иоахиму Брудзинскому председатель Независимого самоуправляющегося профсоюза сотрудников полиции Рафал Янковский. (...) Далее он пишет: “Все чаще жертвами травли становятся не только полицейские, выполняющие свои обязанности, но и члены их семей. Полицейских, обеспечивающих порядок во время демонстраций, называют бандитами, отрабатывающими заказ правящей партии, по соцсетям распространяются их фотографии и личные данные, а члены их семей подвергаются организованной травле. Этот прессинг может даже подтолкнуть полицейских к неповиновению”. Янковский считает, что “одним из вариантов такого неповиновения может стать массовый уход сотрудников полиции, обеспечивающих порядок во время демонстраций, на больничный”». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 28-29 июля)
- «В обращении к сотрудникам полиции, подписанном, в частности, Лехом Валенсой, Александром Квасневским, Брониславом Коморовским, Лешеком Бальцеровичем, Ежи Бузеком, Владзимежем Цимошевичем, Ежи Миллером, Анджеем Жеплинским, Богданом Борусевичем и Владиславом Фрасынюком, говорится: “Мы обращаемся к сотрудникам полиции, и особенно к их руководству, призывая помнить, что полиция не является собственностью ни одной из партий. И что полицейские, как и все прочие граждане, несут ответственность перед конституцией и законами, принятыми на ее основе”». («Газета выборча», 2 авг.)
- «Протесты против судебной реформы в Польше постепенно сходят на нет. Даже участник субботней “черной процессии” Marek Borowski признался, что она не слишком многочисленна». («Газета Польска ഴодзенне», 30 июля)
- «Национальный совет правосудия вчера опубликовал полный список 198 претендентов на должности в Верховном суде». («Газета выборча», 3 авг.)
- «В Щецине возле штаб-квартиры “Солидарности” открыли

памятник Леху Качинскому. Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий возложил цветы перед памятной таблицей президенту Леху Качинскому, расположенной на территории музея Варшавского восстания». («Газета Польска 24», 19 июня)

• «ПИС очень охотно подчеркивает свой антикоммунизм, постоянно твердит о декоммунизации, однако в то же время на практике использует тот же самый инструментарий, что и коммунисты. (...) Многие явления повторяются — взять, к примеру, разрыв между властью реальной и внешней, показной. Как и в те времена, Польша не пользуется авторитетом за границей. Партийные функционеры тоже ведут себя на удивление схожим образом. С точки зрения социологии, это действительно увлекательное занятие — наблюдать, как по прошествии стольких лет возвращаются все те же поведенческие схемы. (...) Деньги, которые сейчас выделяются на социальную политику — это просто подкуп избирателей. (...) Люди деморализованы, это видно. На смену деморализации придет хаос — и он сметет всех, в том числе тех, кто сейчас руководит страной», — проф. Ядвига Станишкис. («Польска», 6-8 июля)

• «По данным опроса, проведенного исследовательским институтом “Pollster”, 56% респондентов считают, что Ярослав Качинский должен уступить власть в ПИС другому политику. Против этого высказываются 15% опрошенных, 29% участников опроса не определились с ответом». («Супер-экспресс», 19 июня)

• «Любимая тема Качинского: заговоры и мошенники, пытающиеся присвоить государственную собственность. И все это говорит человек, основавший в начале 90-х годов журналистский фонд “Солидарность”, который благодаря политическим комбинациям получил от государства здание и землю в центре Варшавы, стоившие миллионы злотых. Годами эти объекты кормили целую армию людей, связанных с ПИС. Я разместил на своих страницах в соцсетях скан нотариального акта о создании компании “Сребрана”, на котором видна подпись Ярослава Качинского. (...) Люди поражаются: как же так, этот скромный председатель, у которого нет счета в банке, не умеющий самостоятельно сделать покупки, живущий в неухоженном, давно не ремонтировавшемся доме, основал компанию, чей капитал оценивается в 100 миллионов злотых», — Кшиштоф Белян, депутат от «Гражданской платформы». («Газета выборча», 23-24 июня)

• «Национальная контрольная палата подтверждает: правительство ПИС выделило огромные суммы для премий членам кабинета министров. За один только минувший год оно распределило между министрами и другими

высокопоставленными чиновниками 8,6 млн злотых. (...) На свои премиальные политики “Гражданской платформы” и Союза демократических левых сил потратили в двенадцать раз меньше». («Супер-экспресс», 4 июля)

- «Почти 159 млн злотых государство выделило в 2017 году Церковному фонду, из денег которого платятся в основном пенсионные взносы и взносы на здравоохранение духовных лиц различных конфессий. Это рекордная сумма, растущая вместе с минимальной зарплатой, которая принимается во внимание при начислении размера взносов». («Жечпосполита», 27 июля)
- «В последние годы, выбирая дружбу с ПИС и поддерживая “Радио Мария”, польские епископы внесли свою ощутимую лепту в дело разрушения фундаментальных основ демократического общества, таких, как свободные СМИ и независимые суды. Если этот процесс не остановить, Польша снова превратится в религиозное католическое государство. (...) Большинство католических иерархов никак не отреагировали на недавний марш неонацистов, а некоторые епископы даже потихоньку поддерживали неонацистские группировки», — о. Джон Павликowski из Ордена сервитов. («Газета выборча», 23–24 июня)
- «На вопрос “Считаете ли вы, что католическая Церковь должна оказывать влияние на законотворческий процесс в Польше?” 80% опрошенных ответили “нет”, 9% — “да”, а 11% — “не знаю”. Опрос “SW Research”». («Ньюсуик Польска», 23–29 июля)
- «Епископ Ромуальд Каминский, глава Варшавско-пражской епархии, отменил временный запрет на служение в отношении о. Войцеха Леманского». «Когда в 75-ю годовщину Волынской резни президент Анджей Дуда возложил цветы на месте несуществующей нынче деревни Покута на Волыни, Леманский написал: “Господин президент, приглашаю вас на очень похожее поле под Вонсошем. Там у вас будет возможность возложить венок на могилу 250 евреев, убитых 5 июля 1940 года своими польскими соседями”». (Иоанна Жарнох-Худзинская, Рафал Осинский, Павел Косминский, «Газета выборча», 12 июля)
- «Вчера в Едвабне прошли памятные мероприятия, связанные с 77-й годовщиной убийства здешних евреев (их польскими соседями — В.К.). В мероприятиях принимали участие главный раввин Польши Микаэль Шудрих, посол Израиля Анна Азари, о. Веслав Давидовский из комиссии Епископата по вопросам взаимодействия с иудаизмом. Появилась также группа из десяти членов Национально-радикального лагеря с плакатами “Польский народ не должен извиняться за преступления немцев!” и “Требуем проведения экстремации в Едвабне!”». («Газета выборча», 12 июля)

(«Газета выборча», 11 июля)

- «В Треблинке, на месте бывшего концлагеря, прошли памятные мероприятия. (...) “Фабрика смерти” в Треблинке была создана в середине 1942 года. (...) 2 августа 1943 г. там вспыхнуло восстание. В лагере тогда было свыше 800 узников. (...) После короткой схватки, длившейся менее часа, трёмстам евреям удалось бежать из лагеря. (...) До конца войны дожить удалось только 80 из них. (...) В Треблинке погибло более 900 тыс. евреев». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 3 авг.)
- «Окружная прокуратура Белостока закрыла дело о надругательстве над старым еврейским кладбищем в Семятычах. (...) Прокуратура решила, что состав преступления отсутствует, поскольку строительство проводилось на законных основаниях, а найденные останки не были видны до начала работы». («Газета выборча», 20 июля)
- «В Билгорае вскоре будет построен торговый центр. “Рядом с еврейским кладбищем”, — уточняет инвестор. “На человеческих костях”, — считают протестующие. (...) В Польше находится около 1400 еврейских кладбищ. Только несколько сотен из них принадлежат религиозным общинам. Территории же всех прочих находятся в собственности Государственного казначейства, местных властей либо — в большинстве случаев — частных лиц. (...) “В Замостье местные власти до того обнагостили, что построили дорогу на месте, где покоятся человеческие останки. Есть проблемы и в Калише, где власти не хотят отдавать религиозной общине земли старого еврейского кладбища”, — говорит раввин Микаэль Шудрих». (Пшемыслав Вильчинский, «Тыгодник повсехны», 22 июля)
- «Правительства Польши и Израиля в лице премьер-министров Моравецкого и Нетаньяху объявили об общем успехе. После того, как на прошлой неделе в закон об Институте национальной памяти были в срочном порядке внесены изменения, этот закон больше не предусматривает наказания в виде трех лет лишения свободы для ученых, журналистов и всех прочих людей, публично высказывающихся о соучастии Польши и поляков в преступлениях нацистов в отношении евреев. (...) Иегуда Бауэр, исследователь Холокоста, профессор Ивритского университета, (...) пишет: “Те 6750 праведников, почитаемых институтом Яд ва-Шем, составляли отважное меньшинство. К сожалению, общественная традиция в оккупированной Польше была иной: повсеместной практикой было насилие над евреями, в этом принимали участие многие поляки”. (...) Аналогичного мнения придерживается институт Яд ва-Шем». (Павел Смоленский, «Газета выборча», 6 июля)
- «В последние месяцы возникли определенные сложности в польско-американских отношениях. Сложности эти не были связаны с какими-то принципиальными вопросами. (...)

Однако назвать их незначительными тоже нельзя — я бы даже сказал, что они имели большое значение, — признал председатель правящей партии Ярослав Качинский. — В первую очередь мы боролись за правду. Когда мы в начале года вносили эти изменения в закон об Институте национальной памяти, мы боролись за правду в польской истории. И как это ни парадоксально, отменяя эти поправки, мы тоже боролись за правду, за ту же самую правду». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска їодзенне», 30 июня — 1 июля)

- «Израиль хоть и небольшая страна, но политический вес у нее есть, и немалый. Его можно сравнить с невысоким мужчиной, о котором известно, что на самом деле он очень силен», — председатель ПИС Ярослав Качинский. («Сети», 9–15 июля)
- «В воскресенье на Украине президент Анджей Дуда говорил о “геноциде на Волыни”, а в Польше президент Петр Порошенко вспоминал о сотнях жителей Сахрыни, убитых бойцами Армии Крайовой. Как нетрудно заметить, польско-украинские отношения переживают сейчас весьма непростые времена». («Газета выборча», 9 июля)
- «В 2006 году президенты Польши и Украины Лех Качинский и Виктор Ющенко вместе почтили память убитых жителей Павлокомы — деревни, украинское население которой было уничтожено польскими партизанами в ответ на аналогичные преступления украинских националистов из УПА в отношении поляков. (...) Двенадцать лет спустя президент Анджей Дуда возложил цветы на поле возле Олыки на Волыни в память о польских жертвах (...), а президент Петр Порошенко почтил память убитых украинцев перед памятником в польской Сахрыни». (Павел Вронский, «Газета выборча», 9 июля)
- «Больше всего иностранцев, которые платят взносы в Управление социального страхования, зарегистрировано в Варшаве, а также Кракове, Гданьске и Познани. Подавляющее большинство из них — украинцы, численность которых достигает 403 тыс. человек. На втором месте — белорусы, их 29,5 тысяч. (...) Среди иностранцев, занимающихся частной экономической деятельностью, также лидируют украинцы — в Польше им принадлежит 4,1 тыс. фирм. (...) Об истинных масштабах трудовой миграции в Польшу свидетельствует количество заявлений о намерении предоставить работу иностранцу — в прошлом году их было почти два миллиона. Более 90% из них касалось граждан Украины». (Лешек Костшевский, Ариана Розвадовская, «Газета выборча», 30 июля)
- «С момента обретения Украиной независимости польско-украинские отношения никогда еще не были настолько плохими, как сегодня. (...) Устранение из закона об Институте национальной памяти карательных статей — это, конечно,

хорошо, однако в ходе работы над законом позиция Украины вообще не была принята во внимание. Польское правительство просто выполнило требования своего могучего американского союзника. (...) А ведь положения закона об Институте национальной памяти, касающиеся Украины, абсолютно неприемлемы как с исторической, так и с юридической точек зрения. (...) Кстати, я отмечаю довольно опасную коннотацию этих положений с российской историографией. Возможно, это связано с тем, что некоторые эксперты, консультировавшие разработчиков закона, известны своими неоднозначными контактами — в частности, они дают комментарии пропутинскому радио “Спутник”», — Катажина Пелчинская-Наленч, бывший министр иностранных дел. («Газета выборча», 29 июня)

• «Москва не проводит агрессивной политики. (...) Крым был занят россиянами без боя. (...) Жители Крыма выразили свою волю в ходе референдума. (...) И этот референдум все-таки был демократическим. (...) Россия не заинтересована в использовании военной силы против Польши. (...) Мы помогли россиянам победить коммунизм. (...) Не нужно свергать Путина. Это демократически избранный президент. (...) Наша внешняя политика, к сожалению, сводится к роли марионетки Вашингтона. (...) В России сегодня все-таки царит демократия, проводятся свободные выборы. (...) Россия выбрала демократический путь развития. (...) Восток более солидарный, более человечный. (...) В России по-прежнему можно говорить все, что хочешь. Довольно эффективно работает, к примеру, общество “Мемориал”, которое и нам помогает узнать правду о коммунистических преступлениях. (...) Польский президент должен взять инициативу в свои руки и обсудить с Путиным возможность проведения честного референдума в Крыму», — депутат Корнель Моравецкий, старший маршал Сейма, председатель депутатской фракции «Свободные и солидарные». («До жечи», 30 июля — 5 авг.)

• «Флот находится в состоянии перманентного кризиса. (...) У нас тысяча танков, и все они (sic!) — устаревшие и немодернизированные. (...) Недавно в строй вернулись несколько десятков танков, помнящих времена Варшавского договора. (...) В случае конфликта мы окажемся безоружными, причем в еще большей степени, нежели в 1939 году. И купленные еще Лешеком Миллером самолеты F-16, а также давнишнее приобретение американских ракет “Патриот” — весьма слабое утешение», — Богуслав Хработка, главный редактор. («Жечполита», 14–15 июля)

• «Армия обновляет старые каски, в то же время запасы униформы иссякают. (...) Вот уже не менее двух лет на складах не хватает полевой униформы. (...) Недавно появилась

информация, что армии пришлось задействовать запасы униформы, зарезервированные на случай войны.

Снабженческую мелочность ярко символизирует ремонт старых касок. (...) По мнению экспертов, отреставрированные каски не выполняют должным образом своих функций».

(Марек Козубаль, Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 18 июля)

- «Альянс приветствует увеличение Польшей расходов на оборону до 2% стоимости годового ВВП. В то же время штаб-квартира НАТО обеспокоена невыгодным изменением структуры военных расходов. (...) “В бюджете министерства обороны произошло перераспределение средств, в результате которого фонд технической модернизации армии был уменьшен. (...) Зато выросли фонды личных расходов и содержания различных структур”, — говорит депутат Европарламента Януш Земке (Союз демократических левых сил), бывший министр обороны». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 12 июля)

- «В Польше сегодня сооружается либо проектируется 11 памятников Юзефу Пилсудскому. (...) “Этих памятников сейчас в стране делают столько, что на литейных предприятиях появились очереди”, — говорит депутат Камиль Сквирут из Жешова». (Артур Гернанд, «Газета выборча», 18 июля)

- «Телеканал Би-Би-Си показал сюжет о польских националистах, демонстрирующих явные профашистские настроения. Их выступление на одном публичном мероприятии профинансировало посольство Польши в Лондоне. (...) Сюжет Би-Би-Си о мероприятии с участием националистов, финансируемых польскими налогоплательщиками, увидит весь цивилизованный мир». (Бартош Т. Велинский, «Газета выборча», 26 июня)

- «На территории гмины Посвентне открыт памятник четырем “проклятым солдатам”, в том числе “Бурому”, ответственному за убийства православного населения Белостокщины». («Газета выборча», 27 июля)

- «Свое твердое “Нет фашизму!” должно сказать государство, однако у нас наблюдается прямо противоположная тенденция. Правительство прекращает финансирование организаций, борющихся с языком ненависти, антисемитизмом, расизмом и гомофобией», — Миколай Гринберг. («Газета выборча», 23–24 июня)

- «1 августа в Варшаве (...) полиция проигнорировала решение городских властей о роспуске собрания Национально-радикального лагеря и “Молодежи всея Польши”. (...) Министр внутренних дел Йоахим Брудзинский (...) поблагодарил его участников за то, что они “не дали себя спровоцировать” подчиненным мэра города Ханны Гронкевич-Вальц». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 3 авг.)

- «Профессор Рафал Ранковский из ассоциации “Никогда больше” (...) бьет тревогу: количество преступлений на почве расизма и ксенофобии растет, поскольку преступники чувствуют себя безнаказанными. “Государственные институты не реагируют либо легкомысленно относятся к артикуляции нацистских лозунгов. Складывается впечатление, что на самом деле они даже не пытаются за это преследовать”. (...) Несмотря на то, что марш Национально-радикального лагеря в годовщину Варшавского восстания был запрещен столичной мэрией, полицейские позволили националистам промаршировать по тротуарам. (...) А в субботу вроцлавская полиция не привела в исполнение решение городскихластей о запрещении митинга, организованного националистом и антисемитом, бывшим священником Яцеком Мендляром». (Петр Житницкий, «Газета выборча», 6 авг.)
- «Дорожный указатель переставлен. Вместо либеральной демократии мы едем в сторону демократии национальной», — проф. Эва Лентовская, бывшая уполномоченная по правам человека, судья Верховного административного суда и Конституционного трибунала. («Газета выборча», 6 авг.)
- «Согласно исследованиям, проведенным уполномоченным по правам человека совместно с Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ, в полицию обращаются только 5% пострадавших от преступлений на почве ненависти к мигрантам из мусульманских стран, выходцам из Центральной Африки и украинцам». (Павел Косминский, «Газета выборча», 12 июля)
- «Премьер-министр Матеуш Моравецкий вместе со своими коллегами из Вишеградской группы решил не приезжать на инициированную Ангелой Меркель рабочую встречу глав государств и правительств стран ЕС, заинтересованных в решении проблем миграции». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 25 июня)
- «Завершившийся в пятницу саммит Европейского совета (...) продемонстрировал правоту Вишеградской группы относительно путей разрешения миграционного кризиса. (...) “Главное, что теперь не будет принудительного размещения беженцев — этого удалось добиться после долгих и сложных переговоров. Отныне размещение беженцев будет происходить только в добровольном порядке. Это означает, что наша позиция по данному вопросу получила полное одобрение”, — заявил в пятницу в беседе с журналистами премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий. (...) По его мнению, принятые в пятницу решения по поводу мигрантов — это огромный успех Польши». (Мачей Кожушек, «Газета Польска ഴодзенне», 30 июня — 1 июля)
- «По прогнозам Главного управления статистики за 2014 год, в

прошлом году в Польше должно было родиться 345 тыс. детей. Родилось 403 тысячи. Это результат нашей политики», — премьер-министр Матеуш Моравецкий. («Сети», 2-8 июля)

• «Отчеты Главного управления статистики подтверждают значительный рост смертности в течение года, достигшей своей наивысшей отметки начиная с 90-х годов. (...) Дошло до того, что болезни сердца диагностированы у пяти миллионов поляков, из них один миллион страдает от сердечной недостаточности. (...) На 30% снижены расходы на лечение заболеваний системы кровообращения, более чем на 50% — расчет стоимости процедур интервенционной кардиологии, определяющий затраты на них, что сделало его самым низким в Европе (по этому показателю нас опережает даже Албания)». (Павел Бушман, «Жечпосполита», 12 июля)

• «В Польше вырабатывается вдвое больше двуокиси углерода, чем в Западной Европе, поскольку 80% электроэнергии производится на угольных электростанциях. И это очень опасно. Цены на энергию будут серьезно расти. Перед нами открывается перспектива значительного роста цен на энергию и продовольствие, а также инфляции. В свою очередь, нехватка рабочих рук и низкие торговые наценки могут отрицательно сказаться на росте инвестиций», — проф. Станислав Гомулка. («Жечпосполита», 27 июня)

• «В Польшу идет целый поток дешевого угля с востока. (...) В этом году импорт угля в Польшу может составить целых 17 млн тонн. Это в два раза больше, чем в прошлом году. Импортный уголь, таким образом, может составить одну четверту от общего количества потребляемого Польшой угля». (Павел Рожинский, «Жечпосполита», 4 июля)

• «Мы потребляем все больше энергии. (...) Летние месяцы становятся все жарче. (...) Воду никто не экономит. Ее запасы в Польше почти достигли африканского уровня, а каждый новый состав правительства только и делает, что заявляет о своей осведомленности относительно существующих угроз». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21 июня)

• «Вырубка деревьев абсурдна. (...) В Польше деревья часто вырубают без всякой цели. (...) Деревья регулярно вырубают, несмотря на постоянно растущую температуру воздуха и на то, что жизнь без деревьев, особенно в городах, совершенно невыносима. (...) Мне кажется, что забвение разума, науки и просвещения будет иметь место на всех уровнях. В том числе на государственном. (...) Властям совершенно наплевать на гибнущих тюленей и морских свиней, хотя существование их вида под угрозой. Замысел прост. (...) Мы молчим, поскольку это хорошая тема, которой люди займутся, когда завершится голосование за проекты законов, деформирующих государственность. (...) Ведь ни один политик не отважится

сказать: мир на краю гибели, Балтика умирает, Польша превращается в пустыню. (...) Даже если у нас не останется никаких шансов, мы должны вести себя так, словно этот шанс есть. Нужно бороться за каждое дерево, каждое озеро, каждую реку и каждое животное», — Анджей Гонсеровский, адвокат. («Газета выборчая», 7–8 июля)

• «Лесник Яцек Шляхта, депутат Млавского повята, поблагодарил министра окружающей среды Хенрика Ковальчика за отмену запрета охоты на кабанов. А заодно поинтересовался, как быть с другими животными, мешающими людям. При этом он перечислил бобров, лосей, волков, зубров и журавлей. Ковальчик ответил: “Мы живем во времена, когда люди, мягко говоря, болезненно реагируют на проблемы охраны животных. (...) Мы не собираемся прекращать охрану видов, поскольку это означало бы конфликт с Европой, вообще со всеми. Лучше делать это потихоньку, шаг за шагом, но эффективно, а именно — согласовывать каждое заявление о разрешении на отстрел того или иного вида”». (Мачей Хлодовский, «Газета выборчая», 6 июля)

• «В соборе Туховской Богоматери прошла торжественная месса, в ходе которой в храм внесли корзины, украшенные цветами и телами недавно убитых животных. Месса была организована для туристов, охотников и сотрудников национальных парков». (Магдалена Сьрова, «Газета выборчая», 11 июля)

• «Я беседовал с крестьянами из моей деревни и обнаружил, что они не видят связи между решением ПИС уменьшить или вообще отменить доплаты для аграриев и политикой партии “Право и справедливость”. Я этого не понимаю. Мне кажется, что очень многие поляки просто не осознают, что происходит, и это вызывает беспокойство. (...) Возможно, все дело в том, что ПИС удовлетворяет различные психологические и социальные потребности поляков за счет их чувства реальности. (...)

Значительная часть поляков вообще не понимает, что происходит в стране. И я поражаюсь, как можно не видеть всего, что совершается в этот момент. Это не смена властных элит, это смена общественно-политического строя, фактический выход Польши из Евросоюза. Это очевидно, и тем не менее огромная масса поляков этого не понимает. (...) С учетом того, что из себя представляет польская политическая оппозиция, я боюсь, что шансы на изменение нынешних политических тенденций появятся у нас очень нескоро», — проф. Павел Шпевак. («Польска», 13–15 июля)

• «Когда-то я надеялся, что в стране можно что-то изменить, что образование и открытость по отношению к миру помогут нам стать зрелым демократическим обществом. Теперь я расстался с этими иллюзиями. (...) Я устал от всех этих

законов, написанных на коленке, и ночных смен в Сейме, от разрушения государственных институтов, захвата СМИ и превращения Польши в посмешище на международной арене. И от новых элит, которые на самом деле являются псевдоэлитами. Трудно в таких условиях мыслить, работать и жить. (...) Болезненные амбиции и борьба за влияние приводят в тому, что люди готовы уничтожить страну ради личной выгоды. (...) Когда граждане неспособны мыслить критически и самостоятельно, их легко подчинить, (...) поскольку рациональных аргументов они не воспринимают, а факты, расходящиеся с их убеждениями, отбрасывают, как незначительные случайности. (...) Уничтожение судебной системы они называют модернизацией; демонтаж институтов правового государства — возвращением гражданам чувства собственного достоинства; поражение во внешней политике — вставанием с колен. Требование соблюдать права граждан они называют “визгом”, попытки найти защиту в Евросоюзе — изменой родине и так далее. (...) Мало кто понимает, что борьба за власть происходит на уровне языкового дискурса. (...) Несомненно одно: мы начинаем жить в обществе без масок. В присутствии некоторых персонажей люди внезапно замолкают. С одними — оживленно беседуют, других обходят стороной. Одним улыбаются, другим не подают руки», — проф. Тадеуш Гадач. («Газета выборча», 28-29 июля)

• «Если внимательно послушать высказывания Качинского, станет ясно, что ПНР — это близкая ему общественно-политическая модель. Он создал аналогичную конструкцию верховной власти, где он выступает в качестве первого секретаря, контролируя правительство с парламентом и при этом не неся ни за что никакой ответственности. Единоличный центр принятия решений, источник права и правды. (...) ПНР рухнула, поскольку обанкротилась экономика. За четверть века мы ее выстроили, и как только закончили, к власти пришла ПИС. О перспективах ее политики лучше спросить у экономистов. (...) Восстановить Польшу после правления Ярослава Качинского будет гораздо труднее, чем после 1989 года. (...) Наше общество не было так страшно расколото, не было такого недоверия друг к другу и такой — увы — ненависти. (...) На международной арене мы были в привилегированной позиции. Мир восхищался “Солидарностью” и мудростью поляков, сумевших сесть за Круглый стол. (...) А сегодня? Мы утратили доверие, утратили позицию мудрого лидера, воскресили в памяти Запада все негативные стереотипы еще довоенных времен, когда даже наши союзники отзывались о поляках неуважительно. И сегодня они отзываются о нас точно так же. Мы снова оказались там, откуда, как мы думали, нам удалось вырваться»,

— проф. Анджей Фришке. («Ньюсуик Польска», 6–12 авг.)
• «Вице-премьер и министр культуры и национального
наследия Петр Глинский на встрече с избирателями заявил:
“Мы могли бы их всех посадить за решетку, но это, наверное,
был бы не самый удачный политический ход”». (Збигнев
Холдыс, «Ньюсуик Польска», 30 июля — 5 сент.)

Экономическая жизнь

Экономический цикл с начала 2019 года войдет в Польше в зону небольшого снижения динамики и составит 3%. Так заявляет на страницах газеты «Жечпосполита» Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса. Однако это все еще очень неплохие показатели. Я. Янковяк прогнозирует по итогам текущего года динамику роста ВВП в 4,8%, то есть несколько большую, чем в 2017 г. Большинство прогнозов, как отмечает Я. Янковяк, предрекают, что во втором полугодии 2018 года динамика потребительской инфляции будет снижаться, что может стать большим сюрпризом для экономистов. Ситуация обусловлена не только ценами на продукты питания и топливо, но также связана с неучтенным ростом заработных плат в общественном секторе. Я. Янковяк считает, что если процентные ставки не будут повышенены, то в 2020 году инфляция наверняка превысит прогнозируемую, что ощутят и правительство, и общество.

С середины текущего года заработка плата на предприятиях значительно увеличилась. Тенденция к росту сохранится, но динамика может несколько снизиться. С учетом майского 7-процентного повышения, по сравнению с прошлым годом средняя заработка плата в производственном секторе возросла на 7,5% Большинство экономистов, однако, осторожны с прогнозами, полагая, что в масштабах года рост составит 7-8% Такой сценарий соответствует установкам Национального банка Польши. Экономисты банка исходят из среднего роста заработной платы в 2018-2020 годах на 6,9% в год. Зарплаты в производственном секторе, охватывающем предприятие с числом работников не менее десяти, растут на 0,3-0,4% быстрее, чем в среднем по стране. Область дальнейшего повышения заработной платы в предстоящих месяцах текущего года будет ограниченной. Число фирм, объявивших об увеличении оплаты труда, растет в небольшом темпе, а рост производительности труда ниже его оплаты, как отмечает на страницах «Жечпосполитой» Якуб Рыбацкий, экономист «ING Силезского банка».

В магазинах, на автозаправках, предприятиях общепита, в оптовой торговле и при закупках от производителей польские клиенты заплатили в минувшем году на 6,7% больше, чем годом ранее. Очередной рост продаж прогнозируется и на текущий год. Возрастают, в частности, расходы на продукты

питания и безалкогольные напитки; рост этот, правда, невелик, поскольку мы затовариваемся таким артикулами в крупных торговых центрах, особенно охотно у дисконтеров, где цены растут медленнее, чем в среднем по стране. Вдобавок там часто проводятся акции продаж, которыми пользуются тысячи клиентов, — пишет в «Дзеннике. Газете правной» проф.

Кристина Светлик из Института экономики и продовольственного хозяйства. Реальные затраты на продукты питания в магазинах также выросли незначительно, поскольку все чаще поляки прибегают к услугам общепита и все меньше готовят дома. В точках общественного питания уровень продаж вырос почти на 12% по сравнению с прошлогодним. Кроме того, число предприятий общественного питания увеличилось. В минувшем году количество ресторанов, кафе и т.п. стало на 1624 больше, чем в предшествовавшем. У специалистов не вызывает сомнений, что уровень продаж в общепите растет потому, что людям не хватает времени на домашнюю готовку: многие покупают еду по дороге на работу или заказывают прямо на рабочем месте доставку бутербродов и обедов. Кроме того, изменяются нормы поведения в свободное время; наши дружеские встречи мы все чаще устраиваем в ресторанах.

На американском рынке Польша возвращает себе титул короля бекона, которым владела в 60-е годы прошлого века. США становятся самым крупным покупателем польской свинины. Благодаря очень высоким маржам, экспорт за океан опередил экспорт в Европу в ценовом выражении уже в прошлом году, но нынешний год принес опережение и в отношении количества закупленного в Польше мяса. Экспорт польской свинины в США сильно бьет по другим покупателям, — пишет газета «Жечпосполита», — особенно по Италии, втором за Америкой контрагенте. США заняли первую позицию по количеству поставляемой из Польши свинины. Интересна динамика движения США к лидерству по импорту польской свинины: в 2013 году США занимали 22-ю позицию в списке импортеров, а сейчас — уже первую. Средняя экспортная цена в Штаты достигла в прошлом году 3,03 евро за килограмм. Средняя экспортная цена в другие страны составляет 2 евро.

Специалисты, однако, выражают определенные опасения касательно будущего сотрудничества с иностранными партнерами на рынке мяса. Эти опасения связаны с распространением вируса африканской чумы свиней. Если область распространения инфекции не будет радикально локализована, можно ожидать сужения рынка для польской свинины.

Несколько лет назад группа энтузиастов из Польши решила посетить Южную Америку. Трассу в 20 тыс. километров они преодолели на тракторе марки «Урсус». Это только один из примеров, показывающих, что польские сельскохозяйственные машины работают по всему миру. Это не только тракторы, но и комбайны, оросители, опылители, пресс-подборщики. Недавно фирма «Урсус» заключила крупные контракты с Эфиопией и Танзанией на поставку тракторов и прицепного оборудования для сбора сахарного тростника. Сумма сделок превышает 150 млн долларов. Еще один пример успешного сотрудничества с заграницей — фирма «SaMasz». Этот крупнейший в Европе производитель сельскохозяйственных машин кооперируется с 70 фирмами во всем мире. Два года назад «SaMasz» открыл компанию в России, а в прошлом году — первое представительство за океаном. Главные экспортные рынки фирмы — это Германия, Россия, Латвия, Финляндия. Машины под маркой «SaMasz» поставляются также на рынки Турции, Саудовской Аравии, Японии, Южной Кореи, Новой Зеландии. Большим опытом международного сотрудничества обладает также фирма «Metal-Fach», которая экспортирует свои изделия в 30 стран и имеет около 80 торговых представительств за рубежом. Наиболее крупные и самые значительные рынки сбыта — это страны Балтии, а также Россия, Казахстан, Украина, Беларусь, Турция, Чехия и балканские страны. «Metal-Fach» также крупнейший дистрибутор сельскохозяйственных машин в Алжире.

Польский рынок изделий из золота и других благородных металлов — это уже свыше 3 млрд злотых, и в последние годы он стабильно растет, как минимум, на несколько процентов в год. Раньше главным источником наполнения рынка были зарубежные фирмы — в частности, из Китая и Таиланда. В настоящее время растет спрос на отечественную продукцию, чему способствует то, что польские производители стали специализироваться в определенных видах ювелирных изделий. Эта специализация касается простых изделий, без драгоценных камней. Развивается также производство с использованием природных самоцветов, таких как янтарь и агат. Самая знаменитая польская фирма «W.Kruk» имеет собственное производство и значительную часть своей продукции изготавливает в Польше. Одновременно польский рынок украшений становится все более привлекательным для зарубежных производителей. Особенно заметна заинтересованность Италии, которая в ценовом выражении занимает второе, после отечественных производителей, место на польском рынке. Польские фирмы, несмотря на острую конкуренцию, достигли весьма высокого положения и среди

мировых производителей ювелирных украшений. Особенно польская продукция славится своим замечательным дизайном. Однако изделия, требующие шлифовки драгоценных камней, все еще выгоднее производить за пределами Европы.

E.P.

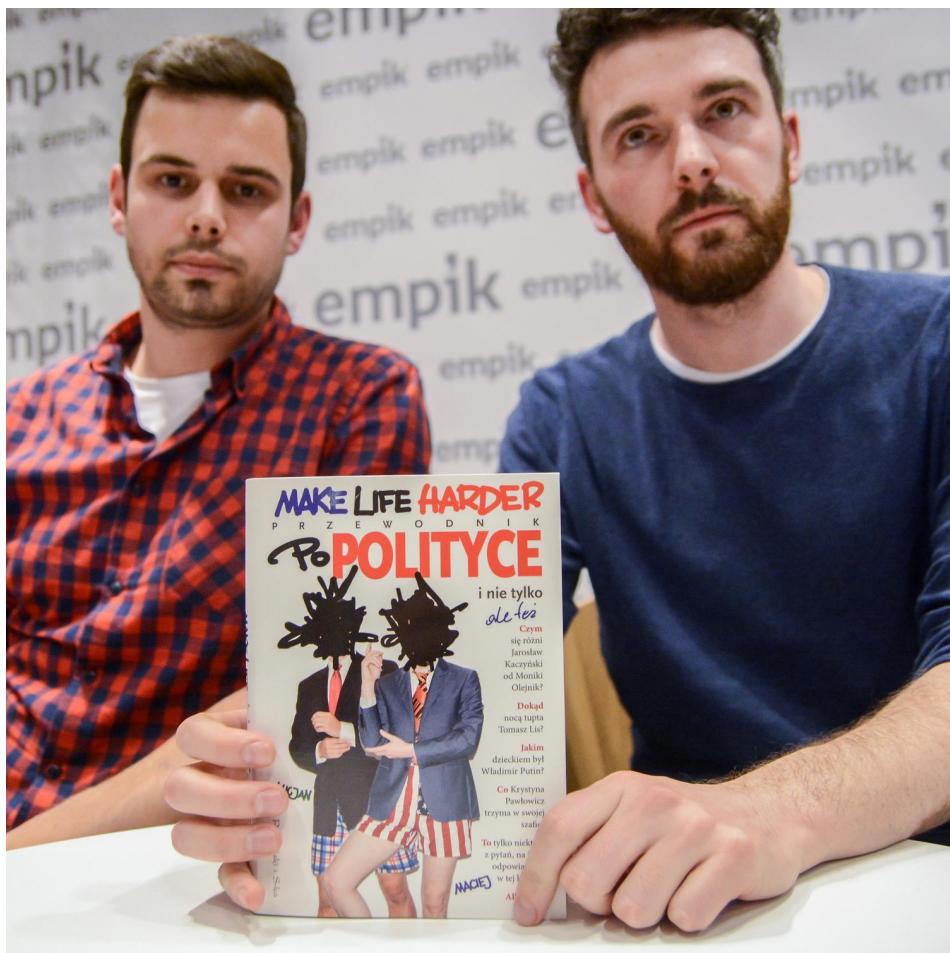
Галина Дубик

Make life harder

чтобы не было слишком трудно



Make life harder. Фото: Agencja Gazeta [см. галерею]



MLH: Рафал Жабинский и Якоб Манштайн. Фото: East News

Истории успеха любых блогов — а им, по сути, и посвящен этот текст — предсказуемы, похожи одна на другую и напоминают сам принцип существования интернета. Обычно успех состоит из совокупности удачной идеи, эффективного маркетинга (в его основе — упоминания в государственных СМИ), точного понимания своей аудитории и поддержания завоеванного интереса — тут хороши все способы от споров до эпатирования личной жизнью. Также стоит отметить, что вследствие специфических условий (температура в виртуальном мире, буквально неограниченная конкуренция, скорость потока информации и т. д.) легче возникнуть в интернете и исчезнуть, чем создать для себя уникальную нишу и долго удивлять подписчиков хотя бы тем, что автор все еще способен сказать то, чему хочется уделить хотя бы несколько минут невиртуального внимания. Тем интереснее представляется история блога Make Life Harder^[1], который, несмотря на существенные изменения в тематике, сохраняет собственный «почерк», в результате чего не ослабевает его популярность у пользователей фейсбука и не только.

Все началось семь лет назад. В конце августа 2011 года в Фейсбуке появилась первая запись, весьма близкая поэтикой и

тематикой к другому lifestyle-блогу, в то время одному из самых комментируемых в Польше — и вовсе не благодаря революционному стилю или содержанию. Make Life Harder возник как кривое отражение Make Life Easier^[2], подражая и названием, и текстами, однако интересно не только развитие пародистов, но и первые их появления в «интернет-салонах».

За несколько месяцев до первого поста MLH в Фейсбуке, 10 февраля 2011 года, новоиспеченная выпускница филологического факультета из Гданьска на пару с подругой завела блог. Психолог Кася занялась стилизациями на тему моды и типичными постами в духе lifestyle, Зоя же, которая «собиралась быть архитектором, а стала психологом», выкладывала кулинарные рецепты, довольно легкие и простые, подходящие, как предполагалось, для воспроизведения на студенческой кухне. Не только с точки зрения необходимых принадлежностей (все эти сковородки-гриль, затейливые терки и прочие блендеры), но также содержимого холодильника. Точнее — отсутствия содержимого. В целом вышло достаточно аккуратно, строго, бесцветно и никак. Подобный старт, случись он у кого-то другого (что уж там, несомненно, случается то и дело, тут же становясь финишем, не оставляя следа и шанса успешно сформироваться), наверняка заметили бы в лучшем случае подружки блогерш. Ситуация же Make Life Easier уникальна еще и потому, что главным автором и идеальным вдохновителем блога стала дочь Дональда Туска, занимавшего в то время пост премьера, а сегодня возглавляющего Европейский совет. Поэтому блог активно комментировали как в утренних телеэфирах, так и в более серьезных шоу.

Сторонники Туска высоко оценили то, что дочь премьера не сидит взаперти в золотой клетке, не устраивается на хлебные должности «по знакомству» и, словно обычная девушка, живущая по соседству, носит скромные стилизации из сетевых магазинов. Противники же почти с самого начала утверждали, что предприимчивая мадемузель сколачивает состояние на своей оторванности от реальности. Потребительский стиль жизни, продвигаемый новоиспеченной блогершей, для многих подписчиков был вопросом неоднозначным, не только потому, что, на первый взгляд, состоял из мелких удовольствий, таких как шопинг или кофе в «Старбаксе». Постоянно вновь и вновь звучали невысказанные напрямую домыслы, что она точно может позволить себе больше, дороже, круче, тогда зачем изображать серую мышку, которая пополняет гардероб максимум в магазинах «Зара». А каждый комментарий, в том числе негативный, повышал цену постов, способствуя раскрутке бизнеса.

Спустя полгода после первой записи Каси Туск, на сцену вышли они, Мацей и Люциан, создатели блога Make Life Harder, деловито выкладывая в фб посты, возникавшие как реакция на глянцевый контент Make Life Easier. Ребята против девушки (авторов с самого начала было двое, на многочисленных фотографиях они представляли в пародийных стилизациях с закрашенными лицами). Все из Троеградья, а потому обращались к похожим ситуациям и обстоятельствам. Когда Зоя (отвечавшая за кулинарную часть блога MLE) публиковала пост с рецептом аппетитных горячих бутербродов, молодые люди из MLH тоже предлагали свое кулинарное решение, встраивая его в пародийный контекст:

«Вам наверняка знакомо это чувство: вы возвращаетесь домой после изнурительного, как Варшавское восстание, шопинга в Peek&Cloppenburg и обнаруживаете: все, что у вас есть в холодильнике — огрызок сыра и кетчуп [...]. В таких случаях мне нравится дать волю фантазии и приготовить мои любимые горячие бутерброды с сыром, кетчупом, песто и свежими каперсами. Попробуйте вариант без каперсов и песто.

Сыр укладываем на хлеб и отправляем все в духовку. Если не можешь включить духовку, потому что у тебя были идеи как потратить деньги поинтереснее, чем оплатить счета за газ, бутерброды можно подогреть на батарее. Это займет не более 2-3 часов. За это время обдумаешь, как получилось, что у тебя 16435,77 подписчиков в фб, а когда ты в последний раз трахался, президентом еще был Качинский. (Л.)» [пост от 10.11.2011]

Здесь заметим, что популярность блога стремительно росла. Уже через три месяца после первой публикации число подписчиков MLH в фб выглядело довольно внушительным. Каждая новая запись собирала сотни «лайков», все больше привлекая внимание не только обычных пользователей, но и служб безопасности. Показателен в этом отношении пост от 30.03.2012:

«В связи с тем, что нам постоянно задают вопрос (в том числе окружная прокуратура), не сталкерим ли мы Касю Туск, необходимо пояснить: конечно, мы пытались узнать номер Каси или хотя бы ее личный мейл [...] — но нам никто не дал. То есть ситуация чем-то похожа на нашу сексуальную жизнь».

Конечно, сама по себе пародия на известнейший в то время блог о моде и стиле жизни была блестящей идеей, но она не смогла бы обеспечить столь огромную популярность.

Необычайно важную роль сыграло то, что авторы MLH щеголяли грубоватым, а порой и вульгарным юмором, но при этом новые записи, в которых они высмеивали все больше людей (в том числе и самих себя), иногда балансируя на грани хорошего вкуса, неизменно изумляли неожиданными остроумными поворотами, искрометностью. Великолепно

чувствуя социальные контексты, блогеры искусно вплетали их в свои заметки, тем самым они стремительно отдалялись от первоначального замысла и одновременно привлекали внимание все более широкой аудитории.

Очень скоро появились предложения сотрудничества с популярными журналами «Logo» и «MaleMEN», блогеров приглашали в альтернативную рекламу (сначала пива, затем марки автомобилей). Пикантности привлечению MLH к разнообразным проектам добавляло то, что авторы блога всегда скрывали лица. Пока они не выходили за пределы интернет-пространства, сомнения касались того, действительно ли их двое и соответствует ли реальности заявленный пол, но после каждого выступления на телевидении высоких молодых парней в масках (то плюшевого зайца, то в карнавальной маске), оставался лишь один главный вопрос — кто они. Острый язык и, несмотря на упомянутую вульгарность, продуманный стиль, наводили на мысль, что один из авторов (если не оба) — профессиональный литератор. Подозрение вскоре подтвердилось. В 2015 году вышла первая книжка Люциана и Маця «Make Life Harder». Первого апреля того же года маски были сорваны, и в Фейсбуке авторы показали настоящие лица, подтвердив распространявшиеся некоторое время слухи, что один из них (Мацей) в самом деле отмеченный премиями троеградский поэт Якоб Манштайн. Вместе с Люцианом (Рафалом Жабинским, очень оберегающим свою приватность) они сотрясали интернет, а точнее заставляли трястись животы читателей, которые катались от смеха, просматривая их рекомендации и советы.

Первая книга была встречена очень хорошо, разумеется, параллельно бурлила жизнь на странице в фейсбуке, которая по-прежнему велась в изначально выбранном стиле. В «Информации», в разделе «Сайт» можно увидеть ссылку на za_biedni_na_website.pl (слишком_бедные_на_website.pl), никуда, согласно предупреждению, не ведущую, а в подписках пользователя значится единственный блог: Make Life Easier. Разумеется, отношения между «антагонистами» сложились более чем прекрасные, в рамках правил игры. От первоначального пародийного замысла осталось лишь обыкновение в постах или фельетонах следовать традиции модных советов. Это еще заметно в первой книге, задуманной как своеобразный календарь-гороскоп на каждый месяц, дополняемый, в зависимости от выпадающих на него циклических событий, соответствующими фельетонами (зачастую — из запасов фейсбука), однако авторы стали все смелее позволять себе комментировать актуальные события. Факт остается фактом: семь лет назад, вскоре после старта, они заявляли:

«Чтобы внести ясность. Как и девушки из соседнего блога, мы далеки от политики, нас интересуют исключительно дополнения к аутфиту и компрометация в самом широком смысле. На выборах мы всегда голосуем за daily.art.pl, потому что Ярузельский не баллотируется, а Пиночет умер». [пост от 23.09.2011]

Вот только яркие сравнения, к которым они прибегали в своих фельетонах, все чаще затрагивали фигуры то одного, то другого политика, благодаря недвусмысленным ассоциациям.

Широкую известность получила фраза из анонса, написанного MLH к началу трансляции очередного сезона «Игры престолов»: «из-за сложной, многоуровневой интриги „Игру престолов” называют „Лешеком Миллером сериалов”». Таким образом определился замысел следующей книги, изданной в 2016 году — «Make Life Harder. Путеводитель по политике и не только, но и по ней». Как и в дебютном издании, на обложку нового «гига» поместили карикатурную фотографию авторов с характерными каляками вместо лиц. Как и во всех предыдущих публикациях, Мацею и Люциану не изменяет ядовитый юмор. В разделе «Путеводитель по государствам Западной, Восточной Европы, а также Восточно-Центральной, но не только, а еще Северной и Южной и вообще всего мира» в главе «Страна типа „Россия”» мы читаем:

«Отношения между Россией и Польшей накрылись в X веке, сразу после основания польского государства. В последующую тысячу лет становилось только хуже. Правда, после крушения „туполева” в Смоленске отчаянную попытку объединения народов предпринял Даниэль Ольбрыхский, который приносил извинения от имени россиян, прощал от имени поляков и наоборот, но никто так до конца и не въехал, чего он хочет. Между тем, говорят, это одна из причин, по которой наши страны оказались на грани войны. Так что этот... спасибо большое, Даниэль»^[3].

Если предпринять попытку анализа особенностей стиля и определяющих тем MLH, следовало бы обратить внимание на неиссякаемую самоиронию. Мацей и Люциан насмехаются над польской провинцией и над столицей, над невежественностью и стремлением попасть в круги элиты, над неудачами «национальными» и личными. Можно сказать: «Над чем смеешься?». И не обязательно это смех над собой, возможно, он распространяется на весь опыт поколения. В дебютной книжке, в гороскопе на июнь не обошлось без фельетона по случаю Дня защиты детей. Описывая три модели воспитания, авторы (после бесстрессовой и современной моделей) обратились к модели, наиболее близкой целому поколению большинства своих подписчиков в фейсбуке (которых сегодня свыше 200 тысяч):

«Модель „Польша 80-е”. Ты воспитываешь Павла, опираясь на

принципы 80-х. Ты строгий, но справедливый, как ветхозаветный Бог. Пощечины — только за дело, никогда — ради удовольствия. Нежность выражашь улыбкой и рукопожатием. [...] Ты знаешь, что Павел любит телевизор, поэтому воскресными вечерами вы смотрите на DVD документальный фильм о „Солидарности”. Помимо выполнения школьных заданий, Павел обязан ходить за покупками для больной бабушки, выводить собаку и мыть окна на лестничной площадке. Наряду с такими словами как „извините”, „прошу вас” и „благодарю” он знает польский гимн, „Отче наш” [...] Кем он вырастет: Павел оканчивает социологический факультет, но жизнь у него не задается. Он становится блогером, пишет о моде. До конца своих дней живет в нищете. Просит, благодарит, извиняется»^[4].

Спустя семь лет существования на виртуальном рынке, и те, кто хотел сделать жизнь легкой, и те, кому жизнь представлялась трудной, достигли многого. Страница, созданная Катажиной Туск, изменилась и предлагает большой выбор тем (в их числе здоровый образ жизни, интерьеры). Автор запустила продажу собственной линейки одежды и издала несколько книг; успеха достигли и ее соавторы, круг которых значительно расширился. Make Life Harder по-прежнему присутствует в фейсбуке и, хотя реже, но публикует записи, касающиеся текущих событий. В одной из последних, опубликованной по случаю Чемпионата мира по футболу (24.06), они заявляют:

«[...] Мы не хотим здесь бросаться беспочвенными обвинениями, но выглядит все в некоторой степени так, будто никто особо и не жаждал, чтобы Польша стала чемпионом мира. Например, Сенегал вообще производил впечатление, будто ему насрать. [...] Поэтому необходимо сделать выводы и внести некоторые изменения. Наше предложение по проведению матча с Колумбией следующее. Во-первых, играть без зрителей и камер. Наши стесняются — это раз; они не знают, смотреть им в камеру или на мяч — это два; и три — им не нравится, когда после матча каждый докапывается, кто сколько автоголов забил и почему аж два».

Помимо «флагманской» деятельности, при поддержке концерна Agora Мацей и Люциан ведут на портале gazeta.pl еженедельное сатирическое шоу под названием «Make Poland Great Again». Из-за того, что авторы примкнули к изданию с четко выраженными общественно-политическими взглядами, число поклонников MLH в фейсбуке несколько сократилось, но это не пошатнуло их позиции. 28.08.2018 блог Make Life Harder отметил седьмой день рождения. Остается пожелать Мацею и Люциану, чтобы период завоевания признания и укрепления позиций на медийном рынке они сами, все-таки, считали

«семью годами голода», чтобы последующие семь лет стали еще более удачными.

Перевод Ольги Чеховой

1. Сделай жизнь труднее (англ.)
2. Сделай жизнь легче (англ.)
3. Maciej i Lucjan, *Make Life Harder. Przewodnik po polityce i nie tylko ale też*, Warszawa 2016, s. 29.
4. Maciej i Lucjan, *Make Life Harder*, dz. cyt., s. 118.

Сто лет грез и крах мечтаний

**С профессором Эриком ван Рее беседовал
Александр Гогун**

Профессор Амстердамского университета Эрик ван Рее является одним из ведущих исследователей коммунистической идеологии и мировоззрения левого экстремизма. Среди его работ есть книги, посвященные как истории создания Северной Кореи, так и анализу политического мышления и программ, осуществлявшихся Владимиром Ульяновым и Иосифом Джугашвили, которого иные историки изображают скорее циником, нежели фанатиком. Последняя книга ван Рее — «Границы утопии. Представления о коммунизме от Платона до Сталина» (2015). Сейчас голландский ученый исследует проблему влияния натурфилософии на ранний марксизм. Его следующая книга будет посвящена «профессиональным революционерам», т.е. неистовым отщепенцам, своеобразным антителам, жившим жаждой разрушения общества, которое породило их в XVIII — XX веках. В интервью нашему изданию Эрик ван Рее выразил мысль о том, что красные химеры и видения в конечном счете оказались жестокими наваждениями.

— Каково всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции?

— Революция выплыла за пределы Российской империи (треть населения земного шара жила под коммунистическим правлением), а повлияла вообще на весь мир. Это была альтернатива современному капитализму, которая возникла вскоре после появления современного рынка — это была идея модернизации, которая шла другим, не капиталистическим путем. Социализм показал, что современный мир может существовать в разных формах.

— Каково наследие реального социализма?

В основном это негативное наследие, от социализма после социализма мало что осталось. Посмотрите на Китай, там царит дикий капитализм. Это показывает, что социализм — не такая хорошая идея, как поначалу казалось, особенно если речь идет об отношении к человеческим жизням, которые массово приносились в жертву. Людям сложно было представить альтернативный утопический порядок. Коммунизм у многих отбил охоту мечтать. Да, такие грезы еще как-то существуют, но как только люди начинают мечтать об альтернативе рынку,

то очень скоро приходят к коммунизму, который развалился или, как минимум, ослаб. Это, конечно, не полный конец истории, о котором говорил Фукуяма, но в этом направлении уже мало кто думает.

Конечно, Россия все еще существует, но это не та страна, что была до 1917 г. Была проведена индустриализация, но за счет уничтожения сельского хозяйства. Признаком модернизации являлся рост грамотности и образованности в этот период. Но если посмотреть на Россию, Северную Корею, Кубу, то, по большому счету, от коммунизма не осталось никакого наследия, по крайней мере, для людей, для граждан этих стран. Эта идеология и практика теперь интересует в основном историков.

— *Большевизм и нацизм часто сравнивают. Приверженцы тоталитарной теории говорят, что различий вообще нет, что это одно и то же явление. Другие подчеркивают близость коммунистов исламскому фундаментализму. Зеленои или коричневой чуме ближе советский опыт?*

— У этих трех тоталитарных течений разные основы и модели. Да, цель властей в каждом случае — полная, то есть тотальная власть над людьми, обществом. Коммунизм хотел контролировать человека и общество экономически, рассматривал граждан как производителей. Нацизм обращал внимание на биологическую основу людей и народностей. Исламисты во всем видят религиозное иовое начало, открыто хотят уничтожить равноправие мужчин и женщин. Различия в этих трех явлениях важнее, чем их сходства.

— *Какой период в истории коммунизма был наиболее опасен для человечества?*

— Пожалуй, это были 70-е годы, когда он укрепился в Китае и распространялся в ряде стран Азии и Африки, в Афганистане, Анголе, Эфиопии, Камбоджи и вообще Индокитая. Однако, с другой стороны, советская система была уже перенапряжена и находилась в застое, загнивала, а новые социалистические страны являлись не такими уж могущественными и сильными. Пожалуй, Советский Союз достиг периода наибольшего могущества в 1960-х, при позднем Хрущеве и раннем Брежневе.

— *Когда на Западе наблюдался период наибольшей романтизации коммунизма интеллектуалами, восхищения этим явлением?*

— Существовали разные стадии и типы романтизации. Непосредственно после революции многие считали, что рабочий класс впервые взял власть в своей стране. Рабочее государство наконец-то существует! В 1930-х многие видели, что капитализм — в кризисе, и сейчас есть новая рациональная плановая система, которая работает и развивается. В 1935–1945 гг. коммунистов превозносили как тех, кто жертвовал собой, чтобы победить нацизм. В конце 1960-х на Западе наблюдалось

нечто вроде анархистского мятежа, и люди видели в культурной революции Мао своеобразную форму мобилизации масс — движение к демократии, восхищение массами.

Это была очень живая, витальная система, которая обладала множеством форм, и каждое поколение находило в них что-то свое, свой путь.

— *Когда же наступило разочарование коммунизмом на Западе?*

— Точно так же, как и восхищение, разочарование проходило через несколько стадий. Вспомним подавление Кронштадтского восстания матросов — вчерашних революционеров. В 1937 году — Большой террор, когда вообще

массово уничтожались коммунисты. Зарубежную общественность шокировали показательные процессы.

Потрясением стал пакт Молотова-Риббентропа, т.е. сговор Сталина с Гитлером. Подавление восстаний в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968-м — все это этапы постепенного прозрения. Коммунизм обладает паттерном — зачаровывать людей, а потом разочаровывать. И это происходит снова, снова и снова.

Очень важно то, что после коллапса 1991 года интерес к коммунизму значительно снизился. Многие думают, что поскольку вдохновлял идеал, то даже если что-то в этом мире разрушилось, — идеал остался. На самом деле в этом случае все было наоборот — завораживала сила, власть и мощь Советского Союза. Когда он развалился, для большинства тех, кто преклонялся перед коммунизмом, этого было вполне достаточно, чтобы перестать верить в идеал. Мотив великодержавной мощи был важнее, чем можно было ожидать.

— *Возможно ли, что большинство «разочарованных» на самом деле просто являлись агентами КГБ, и когда перестали поступать приказы из Центра, они прекратили восхищаться.*

— Не думаю. Конечно, КГБ мобилизовал шпионов и агентов влияния, некоторые лидеры компартий были завербованы, и отдельные члены тоже. Германская компартия обладала натасканным госбезопасностью отделом саботажа — на случай войны. Однако огромное большинство членов компартий и тем более их избирателей и сторонников вполне искренне сочувствовали коммунизму и даже СССР. Не забудем также, например, о троцкистских или маоистских течениях и иных группировках, которые занимали ярую антисоветскую позицию — КГБ тут был совсем не при чем. Коммунизм был не заговором спецслужб, а массовым движением.

— *Насколько сейчас на Западе труды Маркса и Энгельса используются в качестве методологической базы для исследования и понимания истории и вообще развития человечества?*

— Работы Маркса и Энгельса сейчас имеют очень небольшое значение. Историки, которые изучают самого Маркса и

марксизм, конечно, читают труды двух бородачей, но в других сферах они не особо популярны, в них нет никакой необходимости. Но в университетах ряда стран — прежде всего в США и Британии — марксизм это что-то вроде братского учения. Подспудные симпатии к социализму остаются, хотя социализм и не обладает прямым влиянием. Куда сильнее в западных университетах влияние постмарксистов, например, постмодернистов. Марксизм лежит в основе многих других тенденций в гуманитарном мире, и теории постмодерниста Мишеля Фуко, например, куда важнее, чем идеи Маркса и Энгельса вместе взятые.

— *Ни одно государство, пережившее реальный социализм, за прошедшие почти три десятка лет после падения Берлинской стены не вошло в клуб богатых, индустриально развитых держав. Вместе с тем за этот же период по-настоящему высокоразвитыми стали такие страны как Южная Корея и Тайвань. Есть ли исторические примеры, когда после такого же, как реальный социализм, или еще более разорительного правления страны по-настоящему возрождались и процветали?*

— В Восточной Европе — это, например, Чехословакия, Венгрия. Они и при реальном социализме были относительно развитые, да и Советский Союз тоже не был индустриально отсталым. После коммунизма это осталось.

В Азии — другое дело. Китай, Вьетнам были бедными, они постепенно развиваются. И лучше разделить мир на регионы и смотреть каждый случай отдельно. Южная Корея, Тайвань, Сингапур — развиваются быстро. Однако часть постсоциалистических стран — например, Чехия — тоже в последние четверть века развивались быстро. Нельзя сказать, что Россия — неразвитая страна, да и Китай не стоит на месте. Я бы не связывал коммунистический опыт в прошлом с дальнейшим движением к процветанию или деградацией. Нельзя сказать, чтобы Куба быстро развивалась, но если сравнить жизнь людей там с уровнем жизни в Бразилии или Перу, сопоставление будет не в пользу стран, где реального социализма никогда не было.

Конечно, в первые годы после освобождения от тотальной власти номенклатуры ее наследие очень весомо, но спустя десять и двадцать лет не следует все беды и невзгоды валить на проклятое коммунистическое прошлое — это же просто безответственно! После падения социализма развитие страны гораздо больше зависит не от исходных позиций, а от правительства, от того насколько оно открытое, прилежное и не коррумпированное, то есть не вороватое.

Вот, скажем, то, что Путин пошел путем авторитаризма, это ведь не только наследие Советского Союза. Демократия всегда исключительно сложно приживалась на русской почве и

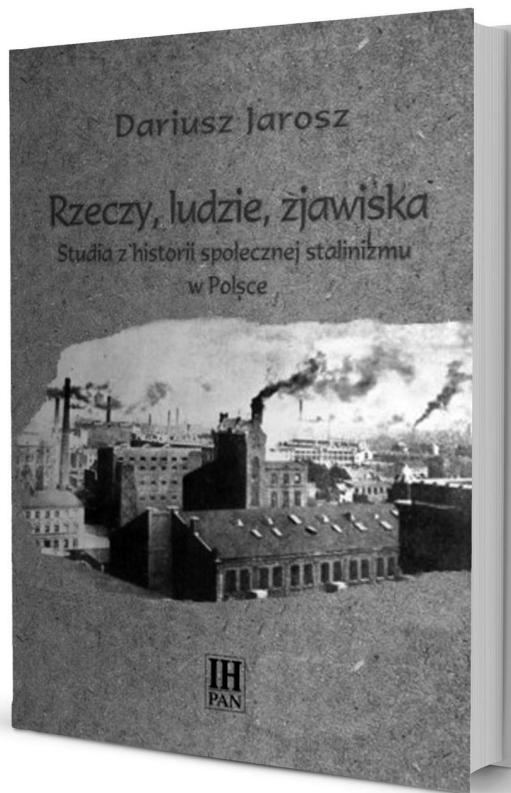
пускала в нее корни.

— Каков лично ваш прогноз, что рухнет первым — коммунистический тоталитаризм в Китае или путинская советофильская клептократия?

— Почему китайская компартия все еще хочет оставаться у власти? В России в свое время КПСС более или менее добровольно отдала рычаги правления, поскольку многие лидеры партии понимали, что если диктатура закончится, то они все равно сохранят часть власти. Они будут богатыми и при капитализме, они по-прежнему будут на гребне волны. То же самое сейчас происходит в Китае, многие лидеры КПК — миллионеры, им уже не нужна диктатура, чтобы сохранить свое богатство. Я полагаю, что они берегут монополию на власть по националистическим соображениям, поскольку опасаются, что если дать народам свободу, то Китай перестанет быть мировой державой, от него отколется Тибет, Синьцзян-уйгурский автономный район, а может быть, и Внутренняя Монголия. Похожая ситуация в России — путинскую команду держит у власти национализм. В обоих случаях огромные страны консолидированы этой «духовной скрепой», и эти режимы поддерживают друг друга. Конечно, когда-нибудь это рухнет, все когда-нибудь разваливается, но я не ожидаю скорого падения диктатур ни в одном из этих двух гигантских государств.

Хуберт Вильк

Польский сталинизм



Молодой ударник, строящий Новую Гуту, первая женщина-трактористка, ностальгическая картина дымящих труб. Эти пропагандистские клише символизировали «набирающую силы» Польшу пятидесятых годов и ее «живущее более обеспеченно» общество. Польшу периода сталинизма.

Историки, исследующие политическую историю того времени, наверняка нарисовали бы мрачную картину политических преследований или гэбэшных застенков. Дариуш Ярош показывает, что возможен иной путь помимо мартирологической версии историографии с простым разделением на хорошее общество и плохую власть. Дариуш Ярош — профессор истории, связанный с Институтом истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук. Более десяти лет он занимается социальной историей ПНР, а также историей международных отношений. Автор многих

книг (опубликованных также за границей), в том числе написанной вместе с Гжегожем Мерником работы «”Опозоренная” деревня Окул: Рассказы о бунте», удостоенной в 2017 году «Исторической премии» журнала «Политика». После многолетних архивных поисков Ярош в очередной раз обратил взгляд на социальную историю 1949–1956 годов. Его первые исследования по истории сталинского периода были опубликованы в 2000 году в ставшем уже классическим сборнике «Поляки и сталинизм 1948–1956».

Новая книга посвящена проблемам из таких областей, как, в частности, охрана окружающей среды, погодные аномалии, старость, бедность, а также истории вещей и процессов — мяса, чтения, отдыха, крестьянского образа жизни, воспоминаний об участии в боевых действиях. Стоит подчеркнуть, что основанием для выводов здесь являются архивные источники, часто хранящиеся в архивах различных предприятий и учреждений (то есть труднодоступные), а также тексты, публиковавшиеся в специальной литературе (например, гидрологической). Это не такие места, где часто бывают историки, тем большего признания заслуживает автор.

Темой первых двух глав стало ухудшение природной среды в период польского сталинизма, попытки ее преобразования в мичуринском духе, а также стихийные бедствия. Здесь сильно подчеркивается роль государства, которое, даже если не несло прямой ответственности за очередные самые холодные зимы столетия, засухи или наводнения, то, в конечном счете, не выдерживало экзамена, не способно было справиться с результатами погодных аномалий. В случае половодья ранней весной 1947 года, значительная часть вины за его размеры лежит на властях, которые не обеспечили в достаточной мере проходимости рек, все еще перегороженных элементами уничтоженных мостов, а также не позаботились о восстановлении разрушенных в ходе военных действий противопаводковых валов и мелиорационных сооружений.

Дальнейшие исследования связаны между собой. «Сталинизм и старость и ее обеспечение», а также «Сталинизм и бедность» отражают драматическую ситуацию бедных и пожилых людей. Ярош доказывает, что сталинская Польша была необыкновенно бедной страной, а власти мало делали для решения этого вопроса. Важно то, что проблемы возникали не только из-за инертности руководства. Например, даже огромные усилия по строительству новых жилых домов не решили проблему нехватки квартир, поскольку миграция множества людей из деревни в город, где они находили работу в развивающейся тяжелой промышленности, быстро исчерпала ресурсы. Это не меняет того факта, что инвестиции в жилищное строительство в первой половине пятидесятых годов привели к тому, что

размеры квартир несколько увеличились, а жилье было лучше оборудовано.

В главе «Сельчане в городе» рассматриваются отличительные черты сельских горожан, связанные с их происхождением, а также их влияние на изменение культурной и социологической картины города. Здесь были важны социолингвистические явления, кажется, наиболее выразительные, которые нередко просто стигматизировали приезжих из деревни. Существенным признаком «деревенской ментальности» был и внешний вид квартир, представлявший собой необыкновенно впечатляющую мешанину крестьянского быта и мнимой «современности», часто на «мещанский лад». Нужно добавить, что новые жители городов обычно сталкивались с несправедливостью при распределении жилья, которое, как правило, доставалось квалифицированным работникам, инженерным или руководящим кадрам.

Мигранты из деревни чаще всего заселяли пользовавшиеся дурной славой рабочие общежития. Стигматизация со временем прекращалась, а постепенное освоение нового жизненного пространства приводило к тому, что баланс приобретений и потерь, связанных с сельским происхождением, был для новых обитателей городов определенно положительным.

Даже если общее звучание собранных в книге исследований кажется пессимистическим, оно ни в коем случае не однозначно. Это очень заметно в описании культуры чтения в первые послевоенные десятилетия. Ведь стоит отметить, что сформированная в 1949–1956 годах сеть библиотек и их филиалов по всей Польше (всего 5110 точек) составляла почти половину библиотек, существовавших в 1989 году. Похоже выглядела ситуация в случае упомянутой ранее миграции из деревни в город, которая при всех негативных явлениях (впрочем, четко обозначенных Ярошем) имела и позитивные аспекты — прежде всего, общее улучшение качества жизни. Об этом свидетельствуют «твердые» биологические доказательства, демонстрирующие, что переселение из польской деревни даже в самый маленький городок сороковых и пятидесятых годов влияло на улучшение таких показателей, как вес, рост молодежи или возраст, когда у девочек появляются первые месячные.

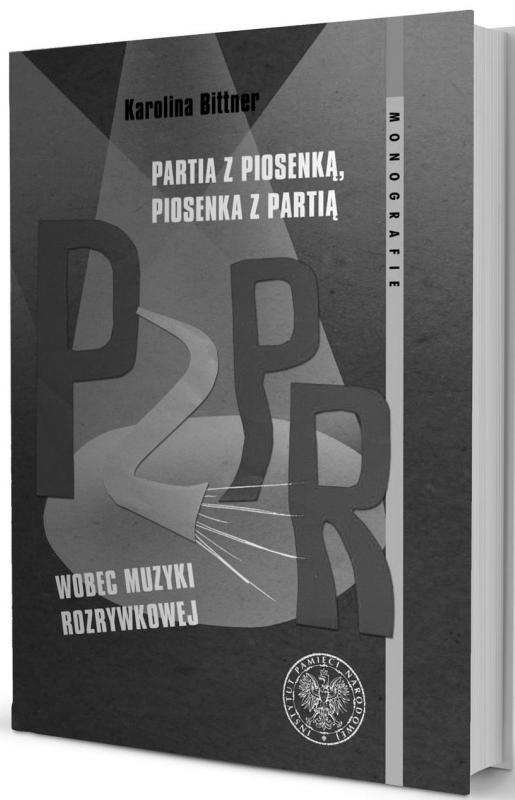
Польская историография нечасто исследует эти области, сосредотачиваясь, прежде всего, на вопросах большой политики либо экономических проблемах. Поэтому стоит обратить внимание на необыкновенно важные слова в «Заключении». Дариуш Ярош пишет там, в частности, о необходимости дальнейших исследований социальной истории Польши после 1945 года, с акцентом на повседневное

существование населения, часто вынужденного «приспосабливаться к жизни в условиях институционального уклада ПНР (...), сотрудничать с „системой“». Историк также ставит вопрос, «всё ли, что в ПНР (включая сталинский период) произошло по воле тогдашних властей, можно классифицировать как имманентное зло?». Таким образом, в картине появляется больше нюансов, она становится не столь однозначной, как при традиционном разделении на «мы» (общество) и «они» (власть). Более того, как замечает Дариуш Ярош, «во многих районах Польши качество жизни их обитателей определяла не только «большая политика, а — порой в первую очередь — «большая вода» и «сибирские морозы».

Дариуш Ярош. Вещи, люди, явления. Исследования по социальной истории сталинизма в Польше. – Варшава: Институт истории ПАН, 2017. Книга на польском языке.



Невероятно политическая музыка



Популярная культура была для коммунистов проблемным вопросом. С одной стороны, она представляла собой отличный инструмент для индоктринации, но с другой — казалась недостаточно возвышенной, не слишком серьезной. Эти замечания как нельзя более подходят и к развлекательной музыке, которую охотно слушали почти полвека, пока на Висле правила ПОРП.

Каролина Биттнер, сотрудница познанского Института национальной памяти, в своей новой книге «Партия с песней, песня с партией» предложила синтетический взгляд на политику польских коммунистов по отношению к развлекательной музыке. Это, конечно, захватывающая тема, особенно, если учесть, что историки, занимающиеся ПНР, чаще всего обходят проблемы культуры за три версты. Впрочем, автор не новичок, несколько лет тому назад на полках

книжных магазинов можно было наткнуться на ее книгу, посвященную Фестивалю солдатской песни в Колобжеге. У той работы были свои слабые места, но ее нельзя было не оценить. Не считая книг Дариуша Михальского, у нас до сих пор не было более систематических, не лишенных научных амбиций размышлений на тему истории музыки в Польше.

Какие цели ставит перед собой автор на этот раз? Она пишет: «Предметом данной работы являются планы и концепции ПОРП в области развлекательной музыки с конца сороковых годов и до последних дней ПНР». Надежду дает то, что Биттнер стремится заняться всем периодом 1945–1989, однако значительно больше беспокоит ее желание сосредоточиться на «планах и концепциях ПОРП». К чему концентрироваться на документах, сочиненных Отделом культуры ЦК? Там мы столкнемся, прежде всего, с постулированной действительностью, с тем, чего коммунистические власти собирались достигнуть, и что нередко оставалось лишь благими намерениями. Уже в этом, по-своему «партийноцентричном» ви́дении темы я вижу зачаток поражения, которое, к сожалению, потерпела автор. Ведь с самого начала Карolina Биттнер старается убедить читателя в том, что ПОРП таким особенным образом интересовалась развлекательной музыкой, но, по моему убеждению, ей не удалось доказать этот тезис. Просто невозможно (это видно по дальнейшим страницам ее книги) оторвать отношение политики к развлекательной музыке от культурной политики в целом. То и дело здесь появляются цитаты из Владзимежа Сокорского или Ежи Путрамента — фигур, важных в руководстве культурой, но на самом деле столь увлеченных идеей привить народу любовь к музыке? В работах других историков, вспомним хотя бы Барбару Фиялковскую или Конрада Рокицкого, уже было показано, что обоих этих господ лишали сна скорее литераторы, нежели музыканты.

Не меньшие трудности создает проблемно-хронологическая структура книги. Такой подход, конечно, позволяет придерживаться определенных рамок и достичь максимальной компактности (немногим более трехсот страниц!), но одновременно способствует упрощениям, вызывающим удивление у читателя. К примеру, в подразделе «Какая культурная политика?» автор, не вдаваясь в особые объяснения, цитирует документы 1980, 1963 и 1957 годов. Однако каждый из этих периодов имел абсолютно разные характеристики, следовательно, те же самые слова, сказанные в иной политической атмосфере, могут иметь диаметрально различные значения. Цитаты, вырванные из контекста — а этого контекста весьма не хватает в книге Биттнер — скорее усиливают смущение читателя, нежели создают связный

нарратив. Не верю, что автору всё это неизвестно. В то же время, я считаю, что она чрезмерно сосредоточилась на партийных источниках, которые искажали действительность и каким-то образом сковали ее готовность к более широкому взгляду на общественные явления.

Развлекательную музыку слушали миллионы поляков.

Различные социальные группы — возрастные или профессиональные — имели разные, совсем неполитические, музыкальные увлечения. Но в коммунистической партии тоже не было единого мнения о том, как формировать культурную политику. Поэтому должно удивлять и то, что автор не детализирует подходы, имевшиеся тогда по отношению к культуре у отдельных группировок в лоне ПОРП. Так, политические взгляды и эстетика деятелей, пришедших из СПМ (Союз польской молодежи), очевидно отличались от вкусов деятелей, происходивших еще из довоенной КПП (Коммунистическая партия Польши), и, несомненно, от пристрастий тех, кто источников вдохновения для польской культуры искал на Западе. В середине шестидесятых годов ограничение возможностей деятельности Студенческого театра сатириков или закрытие кабаре «Конь» также представляли собой элементы политики в отношении развлекательной музыки. Анализ этих проблем — которого автор, к сожалению, не делает — был бы гораздо интереснее, чем ссылка на планы партийной работы.

Автору не откажешь в трудолюбии, а также в том, что ей удалось добраться до малоизвестных материалов, достойных более широкого представления. Захватывающим, хотя едва намеченным направлением является любительское творчество в рамках предприятий. Сама организация хора, балета и оркестра при строившемся металлургическом комбинате им. Ленина выглядит весьма интересной. После 1956 года деятельность такого рода явно пошла на спад, хотя до конца не угасла. Что это говорит нам об эффективности культурной политики партии? Многие ли получили этот подлинно социализирующий опыт? К сожалению, автор таких вопросов не ставит. По другой причине могут заинтересовать представленные ею данные о песенном творчестве функционеров госбезопасности и милиции, появившиеся в связи с празднованием сороковой годовщины создания этих служб. Они кажутся сатирическим гротеском, а тем временем, это чистая правда. Однако форма их представления очень небрежна, как будто у автора не было времени (или идеи как) показать эти необычные курьезы в контексте всей политики по отношению к развлекательной музыке. Но, может быть, таким образом она молчаливо признаёт, что в политике ПОРП не существовало никакой цельной «линии» по вопросу

развлекательной музыки?

Книгу Каролины Биттнер трудно признать чтением, которое упорядочивает знания на тему истории польской развлекательной музыки в 1945–1989 годах. Вместо систематического изложения, охватывающего творчество от фолка до новой волны и панка, мы получаем мозаику оценок, воспоминаний или благих намерений властей. Всё это оттенено оценками, которые должны вызывать удивление, а то и просто неприятие у читателя. Так происходит хотя бы тогда, когда автор пишет, что «взрыв рока в 1980 г. был ответом на забастовки на Побережье». Можно надеяться, что через какое-то время Каролина Биттнер представит более полную и детализированную картину истории польской музыки. И на этот раз всё же менее политизированную, более объективную, учитывающую историю общества.

Каролина Биттнер. Партия с песней, песня с партией. ПОРП по отношению к развлекательной музыке. – Варшава: Институт национальной памяти, Комиссия по расследованию преступлений против польского народа, 2017. Книга на польском языке.



Лешек Шаруга

Выписки из культурной периодики

В Польше не прекращается дискуссия о выборе пути к будущему. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что это столкновение двух концепций, из которых первая связана с понятием либеральной демократии, переживающей сейчас, вне сомнений, кризис, о чём свидетельствуют выборы в таких странах, как Венгрия, Польша или теперь вот Италия; вторая концепция вполне отвечает лозунгам консервативной революции, в свое время, перед приходом Гитлера к власти, чрезвычайно популярным в германских элитах. Этой второй концепции явно сочувствует Бронислав Вильдштейн, журналист и прозаик, отмеченный президентом высшей польской наградой — орденом Белого Орла. На страницах еженедельника «Сети» (№ 26/2018) в пространной статье «Либеральные мистификации», стилизованной под рецензию, Вильдштейн не только касается недавно вышедшей в Польше книги американского публициста Фарида Закарии «Будущее свободы», но и инкрустирует свою полемику крохами собственных раздумий, касающихся состояния либеральных элит. Начинает же с резкой оценки: «Книга, с одной стороны, раскрывает аутентичные проблемы, с которыми сталкивается Америка и весь западный мир, с другой — демонстрирует полное отсутствие понимания их причин и неумение видеть явления в их более глубоком измерении. Так что вполне отражает состояние интеллектуального духа в истеблишменте Запада, терпящем сегодня поражение за поражением». Я бы не удивился, вычитав эти слова в статье пера Александра Дугина... Продолжение, впрочем, кажется не менее привлекательным: «Убежденность, что либерализм — синоним свободы (а именно так полагается в книге Закарии), это просто недоразумение. Либерализм — ее специфическое и суженное понимание, которое вырастает из весьма специфичной, индивидуалистической антропологии, принципиально переиначивающей классическое для западной цивилизации понятие природы человека. Фундаментальные культурные изменения, в том числе либеральная идеология (...), вырвали западные институты из их смысла и лишили их опоры, а также привели к принципиальной переориентации, то есть к изменению образа действий». И далее: «Западный республиканский уклад, что наиболее четко видно в

Соединенных Штатах, — это смешанная система, в которой в демократию были вписаны аристократические ограничения. Это также видно в избирательной модели, как функции отправления правосудия, которое должно быть последней инстанцией, охраняющей этический порядок. Такая модель могла функционировать до тех пор, пока элиты, которые должны были стоять на страже ее, выражали аристократические добродетели и придерживались соответствующего этоса. Последовавшие потрясения, особенно после эпохи переоценки ценностей, принципиально изменили характер этих элит. Случился «бунт масс», последним этапом которого было принятие истеблишментом ментальности толпы, а его представителями — позиции «самодовольного недоросля», если все еще придерживаться терминологии Ортеги-и-Гассета. Это они стали глашатаями культурной революции, то есть принципиально переменили смысл своей общественной роли. Именно против этого бунтует демос, который инстинктивно чувствует, что не только лишен влияния на свои судьбы, но и подвергается социальному эксперименту, который без его согласия пытаются проводить на нем правящие элиты. (...) Чем может быть обосновано их властовование? Они утратили свой этос, забыли, что призваны охранять общественное благо. (...) И на каком основании вызывает у Закарии такой испуг возможность потери ими власти и положения, когда уже ничто не легитимизирует выполняемые ими функции? (...) Знаменательно, что в странах, где на выборах либеральные элиты оказались отстраненными от власти (в Венгрии, Польше, а также в определенной степени в Соединенных Штатах), эта перемена произошла под лозунгом консервативной контрреволюции. То есть возврата к классическому морально-политическому порядку — порядку, восстановление которого одно лишь может стать обоснованием для появления реальных элит как представителей народа в целом». И наконец: «Если бы автор всерьез отнесся к идее социальной иерархии, выстроенной вокруг идеи общего блага, он должен был бы стать апологетом тех движений, которые сегодня клеймит как популизм. Его защита истеблишмента — это защита положения вещей, которое им самим разоблачается как выродившееся. (...) Захария представляет глобальный либеральный истеблишмент, который выглядит сейчас как разновидность интернационала, борющегося за удержание своих позиций».

Из всего этого и вывод: Запад гниет, поскольку гниют его прежние элиты, разуверившиеся в идее общего блага в результате захлестнувшего их либерализма, базирующегося на индивидуалистической антропологии, против которой восстает демос, ведомый инстинктивным пониманием, что

общенародное дело в опасности, а угрозе сопутствует сговор, воплощенный в интернационале глобального либерализма. Здоровый классовый инстинкт должен поэтому привести к смене прежних элит — «реальными элитами», что, собственно, в некоторых странах, таких как Польша, Венгрия и США, происходит и что является консервативной контрреволюцией, оберегающей этическую норму. Доходит? В принципе, да, только вот определенные сомнения вызывают мыслительные выкрутасы, из которых следует, что прежние элиты предали демос, ибо приняли «ментальность толпы», а это могло бы свидетельствовать о том, что поддались популизму. И еще: существует ли иное решение вопроса об управлении власти, нежели выборы? Ответ: существует — такие выборы, которые в будущем заблокируют возможность перемен. Чтобы к этому прийти, надо выборы взять под контроль, а вдобавок заткнуть рот конкурентам. Что же такое общее благо, знают только вожди консервативной контрреволюции — и никто иной. Несколько иначе, но уже с польской, а не глобальной точки зрения, пытается разъяснить нынешнее положение Томаш Савчук — автор подготовленной к печати книги «Как понимать и использовать кризис Третьей Речи Посполитой?», фрагмент которой, под заголовком «Правление ПИС: разрываясь между консерватизмом и революцией», представлен на страницах субботнего приложения к газете «Жечпосполита» — «ПлюсМинус» (№ 25/2018). Читаем: «Когда „Право и справедливость“ встало у руля правления, дискуссия о польской демократии не только не оживилась, а напротив — начала становиться все более бесплодной. (...) Воздух сотрясают громкие слова, однако фантазии о моральной чистоте быстро обратились в свою противоположность. ПИС утверждает, что выполняет историческую миссию, — но велеречивыми лозунгами маскирует хроническую некомпетентность. Декларирует, что выжжет каленым железом беззаконие, но ведет себя так, словно попросту исповедует культ огня». И это только начальная констатация.

Рассматривая замыслы «Права и справедливости», Савчук пишет: «Основной целью правления ПИС является (...) реализация национальной идентификационной миссии. Такая миссия является неделимое целое, в которое включаются взаимосвязанные символические элементы (например, «проклятые солдаты»), а также элементы материальные (например, финансы польских семей). Осуществляемые действия могут быть лучшего или худшего качества, — это, однако, не имеет значения, поскольку обосновываются как часть более крупной задачи. В соответствии со своим пониманием проблем Речи Посполитой, ПИС полагает, что для исправления Третьей РП недостаточно просто провести

институциональные реформы. Надо строить идентичность. Практическая проблема состоит в том, что поставленная таким образом задача не имеет решения: не существует никакого видимого пути перевода намерений в действие, никакой процедуры, которая могла бы обеспечить этой идентификационной миссии успех. Именно под влиянием этого эксперимента, внешне проникнутого традиционными ценностями, проект обновления демократии оказывается прагматическим упражнением по технологии власти, что требует далеко идущих компромиссов с действительностью. Неуверенность в возможности достижения цели, которая придает смысл политике, ведет к растущей напряженности из-за возникающих трудностей. Поэтому, перед лицом протеста, критики или даже иронии, у ПИС имеется лишь два повторяющихся ответа — концентрация власти и радикализация конфликта. (...) «Право и справедливость» не в состоянии ни возродить традиции, ни осуществить «реставрацию» польскости. Может лишь создавать это заново. И должно скрывать факт, что в действительности не является представительством народа, а лишь творит его по собственному образу и подобию, чтобы затем идентифицировать с этим фиктивным, пластичным созданием; что должно было выдумать «народ», чтобы обосновать его «волей» собственную политику; что под вуалью воли суверена форсирует противоречивый политический проект; наконец, скрывать то, что само не знает, куда этот проект заведет. А поэтому вынуждено свой проект выставлять как глубоко продуманный и скрывать масштаб доминирующей в нем случайности. (...) Со временем исповедование веры в проект оказывается важнее его результатов — и даже самой веры. Продолжительности миссии предопределяется не какой-либо определенной доктриной, а персональными группками, конфигурацию которых определяет высший авторитет — Ярослав Качинский».

Такое положение вещей имеет свои следствия: «Правящая партия прогорает даже при важнейших вопросах, неустанно балансирует на грани пафоса и комизма. Просто здесь слишком много дел, которые могут пойти плохо. (...) Власть не приемлет плюрализма и ставит на своих критиков ловушки, представляя их как защитников партикулярных интересов или агентов чужих сил».

Формулируя программу для оппозиции, автор подчеркивает: «Из всего следует, что, вместо того, чтобы формировать анти-ПИС, лучше стремиться к изменению правил игры. (...) Перед польскими либералами сегодня два политических вызова. Первый — это нелиберальная направленность, которую приобрели «перемены к лучшему», а второй — кризис

либеральной демократии, который выходит за границы проблем отечественной политики. Эти вызовы связаны между собой, но не идентичны: отсутствие ответа на кризис затрудняет победу над ПИС, а победа над ПИС не равнозначна преодолению кризиса. Либералы поэтому должны не только победить «Право и справедливость», но одержать эту победу в условиях кризиса либеральной демократии. Во-первых, они не могут игнорировать фрустрации, которые стоят у истоков данного кризиса, и должны признать их правомерными. Во-вторых, не могут занять реакционную позицию и защищать прошлое. Обратного пути не существует. В-третьих, либералы должны сформулировать стратегию преодоления кризиса, которая не сводится к реактивному действию. Ели этого не сделают, то могут одержатьию蹂

И в заключение: «Недостаточно победить ПИС. Сейчас уже дело не в том, чтобы сменить власть, но в том, чтобы сделать Польшу лучшим, чем теперь, местом для жизни. Оппозиция должна поставить в центр внимания не «Право и справедливость», но саму демократию. Найти лучший путь преодоления кризиса, чем популисты, но не нацеленный на защиту status quo. Должна превратить «народ» в людей — пригласить их к совместному созиданию мира либеральной демократии».

Вот мы и приходим к сути дела. Но это не то, что могло бы стать предметом внимания политических публицистов. Хотя проблема важна не только в локальном, но и в глобальном масштабе — с точки зрения понимания механики инвазии популизма. Во времена моей молодости на планете жило 3,5 миллиарда людей, сегодня их более 7 миллиардов. В абсолютных цифрах пропорции между элитами и населением вырастают в геометрической прогрессии. Я даже боюсь подумать, как это будет выглядеть уже скоро, году в 2050-м...

Андрей Дыбчак

Курсы

(рассказ из сборника «Пастух всех коров»)

Это было осенью две тысячи какого-то там года. Зашел я на сайт учебного центра, что в городке неподалеку Кракова, и записался на четырнадцатидневный курс лесоруба-распиловщика. Сейчас даже распиловщиком не возьмут без лицензии. Только не спрашивайте, как человеку такое в голову приходит. Бывают люди, которые умеют жить нормально, они и о жизни лучшего мнения. Но есть и другие. Стрелка их внутреннего компаса хоть и безошибочно показывает на буковку «N», но это не север. Это даже не юг, восток или запад. «N» — это «Нигде». В тот год настало во мне ощущение, что я туда, в конечном итоге, и подплыл. Что оставалось? Подать заявление на работу в кол-центр? Может, так оно и стоило сделать. Но вместо этого я, не долго думая, перевел две тысячи за обучение и был, как и все остальные, зачислен. А что тут такого? В наше время надо быть эластичным и расширять свои профессиональные компетенции. Лишняя лицензия не повредит.

В день начала учебы пришлось прорвать глаза, когда в поле было еще темным-темно. Понятно, осень, пять утра. Слышно, как в трубах высотки завывает ветер, а мелкий дождик барабанит по подоконнику. Сотни рассказов могли бы начинаться вот так. Спорим, сам Бог всемогущий именно так начал бы свой рассказ, если б ему надо было сначала вылезти из теплой постели в пять утра и влить в себя кружку кофе. Если б у него по какой-то причине еще и болели все кости. И если б еще его богиня и двое маленьких богинят спали в темной комнатушке на окраине омертвевшего от влажности города. Все было мокрым: воздух, мусор, проезжая часть и рефлекторы машин, стоящих за мной на перекрестках. Потемки переходили в раннее утро, когда я без проблем выехал из главных краковских аллей на ведущую к северу трассу номер семь. Нетрудно было заметить, что еду я в направлении обратном, чем большинство людей. Они — в растянувшейся на несколько километров утренней пробке на въезд в город. Я — в малочисленной и вялой компании, удаляющейся от него. Среди больших окрестных полей с капустой, понатыканых тут и там складов стройматериалов и хранилищ, ветряных

электростанций и одноэтажных свинарников. И разбросанных среди всего этого домов и домиков. Ехал я, боролся со сном и завидовал всем, разве что не свиньям в свинарниках.

Из оцепенения вырвал меня мощный клаксон встречной фуры. Не знаю, видел ли водитель, что я засыпаю, или сигналил кому-то другому. Может он спас мне жизнь? Фура исчезла, дорога и растущие вдоль нее черные деревья убегали назад, и нелегко было ломать себе над этим голову. Но именно тогда я проснулся окончательно, именно тогда и начался для меня день. Как будто день питался страхом, как будто ему нужны беспокойство и чувство приближающейся катастрофы. Какой? Ведь вероятна только одна настоящая. С чего люди взяли, что это ночь страшна? Ночь спокойна. Ночью у тебя на халаву вид на всю галактику. Ночью все чудовища, вся техника, все угрозы отсыпаются.

Мне нравилось воображать себе ночь в ту эпоху, когда на Земле еще не было человека. Нравилось думать о холоднокровных монстрах, повсюду валявшихся вповалку в холодные ночи. Наверно, можно было прохаживаться между ними, перешагивая через них, лежащих недвижно, как колоды или валуны. Застывшие великаны. Жизнь возвращалась к ним лишь с первыми лучами солнца, которое подогревало их кровь. К семи или восьми они, вероятно, открывали глаза и медленно двигались, еще в окостенении. Убивать начинали где-то в полдень — голодные, бегающие, щелкающие зубищами. И так вплоть до первой вечерней прохлады, когда все в них остыпало — кровообращение, аппетит, предназначение. Скажете, не было у них предназначения?

По ночам я вижу в своем квартале мужика, который выводит на прогулку огромную собаку. Кто ж вам в это время будет собирать собачье дермо?! Поводок тоже не берем в голову. И вот гоняют они по цветникам и газонам. А вокруг в сонной неподвижности чудовища нашего времени: блочные дома, люди, автомобили. Изредка проедет пахнущая мокрым асфальтом поливалка или машина рассыпающая песок, или оснеженный снегоуборщик.

На нескольких ступеньках, ведущих в учебный центр «Бета», в непринужденных позах толпились мужики. От дыма их сигарет тянуло неуверенностью. Чтобы войти внутрь, надо было прописнуться через них, «извините» не помогало. Они не слышали. Время приближалось к семи, в семь предполагался первый выезд в лес, но было видно, что раньше, чем через час этого не произойдет. В узеньком коридорчике стояла очередь на медоследование, понятно, что фиктивное; чуть дальше — вторая, в распахнутый настежь секретариат. Везде было тесно и много народа. Из сортира под крутой лестницей несло непереваренным алкоголем, то есть пьяными фекалиями, и

зубной пастой. А может, так пахло от человека, который только что вышел оттуда, в пижаме и с полотенцем, прошел мимо меня и исчез за дверью рядом с секретариатом. За краткий миг мне удалось разглядеть, что там внутри стоят ряды коек и стол с пакетами, бутылками и банками из-под пива.

Я выложил последние деньги за медицинскую справку, что, мол, могу работать лесником-распиловщиком. На сайте «Беты» написали, что такая справка необходима, но попробуйте в Кракове получить справку об отсутствии противопоказаний для работы лесником-распиловщиком! Желаю удачи! Начать надо с объяснения, кто такой лесник-распиловщик. Подождать, пока девушка в той или иной регистратуре все обдумает, потом выслушать причитания на тему серьезности обследований, на самом деле высосанных из пальца только для того, чтобы срубить с лоха как можно больше бабла. То пятьдесят золотых, то семьдесят, а то и тысяча — в зависимости от поликлиники. Мне и в голову не пришло, что в учебном центре будет сидеть напомаженный сукин сын и выписывать справку всем, кто заплатит сотню. А почему не пятьдесят? Каких же таких усилий это ему стоило? Интересно, этому его учили в мединституте?

— Шумно у вас там, распиловщики, в вашем лесу?! — Единственные слова, какие я услышал от врачихи, выдававшей мне справку. Ее пренебрежительный взгляд не было смысла прикрывать словами.

— Шумно.
Выписала: «Может обслуживать технику». Шлепнула печать. Задумалась на минутку, взяла ручку и дописала: «работающую». «Может обслуживать работающую технику». Это, наверно, входило в ее компетенции. Триста пятьдесят золотых.

Претензий к моей справке не имели. Оставалось найти место, где я буду спать. Комната находилась наверху. Шесть коек, стол, телек, на полу линолеум. Грязные окна выходили на главную улицу городка, по которой тянулись фуры транзитных перевозок. Выхлопные газы чувствовались даже здесь. Я познакомился со своим первым коллегой. Парень из Элка, по прозвищу «Седой». Второй лежал на койке, спрятавшись за дверкой открытого шкафчика, — Петrek, из-под Горлиц. И так далее. Вот так, по очереди, я глядел на них, они — на меня. На койке сидел лесоруб из Германии, но поляк, имени не помню, а может, никогда и не узнал. Армейские берцы шнуровал Богдан «Профессия солдат», такую надпись он имел на футболке.

Рядом ел с газеты Павел, прозванный впоследствии «Дедулей» — усатый крестьянин из-под святого города Ченстохова. За эти две недели Дедуля глаз, можно сказать, не сомкнул. Сперва жаловался, что, мол, задыхается, потом почти перестал

вступать в разговоры, поскольку чаще всего слышал от других изdevки. Что он мог им противопоставить?

— Что-то вид у тебя какой-то не такой, — завел речь Седой, спрыскивая себе подмышки дезодорантом.
Что я ему мог ответить? Зато у тебя, мол, — такой, только глаза, мол, психа передозного? Что правда.

Приехал я последним. Мне досталась самая плохая койка — возле дверей. Ну и свободного шкафчика уже не было.

— Ничего страшного, сказал я. — Ничего страшного.
Все мои вещи все равно лежали в рюкзаке рядом с кроватью. Все покивали головой, но прежде, чем спуститься вниз, шкафчики свои позакрывали на ключ. Я остался один, по телеку на стене показывали теледиск с поп-музыкой: на ринге боролись плюшевые медвежата. Движение на улице усиливалось. Так же, как и оживление в коридорчике, откуда доходил топот, спуск воды в сортире (он быстро засорился, а починить было некому), гуденье голосов, вонь от погашенных окурков. Неужели правда, что все мы умрем от рака?

У инструктора на сей счет было другое мнение. Когда я сошел вниз, он стоял в окружении мужиков.

— На самом деле, — говорил он монотонным голосом, — все эти тысячи деревьев, которые вы можете спилить за всю свою жизнь, не имеют никакого значения. Важно только то, одно, которое вас убьет.

Было нас человек двадцать. Двадцать на тысячу — это сколько будет? Двадцать тысяч деревьев. И только двадцать из них — действительно важны.

Никто, кроме меня, очков не носил. На всех были немецкие армейские куртки, говорят, непромокаемые, и толстые зеленые штаны.

— Защитные штаны, — продолжал инструктор, — спасут только от отскока пилы! Внутри у них вата, которая в случае чего заклинит цепь. Чтоб вы не думали, что их нельзя разрубить, к примеру, топором, ясно?

Тишина.

— Я-я-сно, с-с-сука?! — повторил, слегка заикаясь, инструктор.

— Ясно, — вяло отозвалось несколько голосов.

— Чаще всего травма в результате действия механической пилы встречается на левом бедре...

Это объясняло, почему штаны, которые я получил, имели широкий порез именно на левом бедре, который тянулся от внешней стороны колена аж до самого мужского достоинства. Порез был зашият дратвой, из-под которой торчали клочки ваты.

— Ладно, несите снаряжение и поехали, наконец, в этот не-не-несчастный лес, — вздохнул инструктор. — Ага, если что

пропадет, деньги — в складчину, — бросил он нам вслед, потому как мы уже двинулись в сторону здания. — Будет, как говорится, дешевле.

В основном он имел в виду пилы. Каждый трясся, они ведь стоили по четыре тысячи. Лежали в подвале. Пахли опилками, смазочным маслом и бензином. Их понесли восемь человек.

Другие взяли красные каски с защитными масками, канистры с бензином, сумку с инструментами, топоры — что кому под руку попало. Если говорить про нашу комнату, то: Седой нес пилу, Петрек — топор, я — две каски, а Дедуля (хотя он еще не знал, что он Дедуля) только смолил очередную сигарету.

Были мы разные: высокие и низкие, некоторые — с красной мордой, с усами, в куртках из полар-флиса, с уставшими лицами, растущими на носу волосами, мешками под глазами, одни в среднем возрасте, другие молодые, некоторые с синими точками и черточками на ладонях, со шрамом на подбородке, с нецензурной лексикой на устах. Большинство с направлением на курсы из социальной опеки, биржи труда или от куратора.

Влезли мы в два микроавтобуса и поехали. Я чувствовал себя так, будто отправляюсь в большое путешествие, хоть ехали мы по улицам обычного городка. Миновали гимназию, спортивные букмекерские конторы, шаурмичные, бензоколонки и такие постоянные элементы дорожного пейзажа, как знаки «Внимание фоторадар!», автобусные остановки, фонари.

Круговые перекрестки. Загороженные металлическими столбами поля. Дешевые гипермаркеты «Бедронка». Все это вы знаете на память, все это — ваш хлеб насущный, ваша клетка, ваша могила и ваш дом. Правда? Впрочем, могу говорить только за себя: правда.

Ребята в машине травили анекдоты, рассказывали кто где работает и где бы хотел. Через какой-нибудь час микроавтобусы остановились, и мы оказались в спокойном, уже приготовившемся ко сну октябрьском лесу. Земля густо поросла мхом, а в вышине во всем своем величии покачивались сосны, дубы и березы. Когда мы выезжали из городка, было серовато и дождливо, но лес, в который мы плавно въехали и в котором быстро расположились и затерялись, в котором курили, мочились и ели бутерброды, я запомнил пронизанным сверкающей голубизной неба. Инструктор говорил, что так оно всегда: в городке дождь, а в лесу хорошо. Хотя, вполне возможно, что эта просвечивающая голубизна, обрамляющая светящиеся кипы стройных растений и покрытые красноватой кожей коры мощные тела деревьев — родом из другого воспоминания. Из другого места и другого времени. А может, просто из моей души? А что, разве у нас нет души? И разве ничто не может исходить из нее? Например, видение каких-нибудь лучших дней? Или картины более прекрасного мира,

стыдливо спрятанные на дне нашего разума? Может, я и путаю места и события, но это, наверно, неважно. Предположим, что именно в тот, в наш первый день, погода была хорошей.

В первый день я разглядывал осторожно разложенные на лесном мху уже приготовленные к работе бензопилы. Раньше я никогда не держал в руках пилу. Зато всегда любил деревья. Что это мне сейчас дает? Воздух разорвал визг воющей на полных оборотах хускварны 386 ХР, какая-то птица сорвалась с ветки и улетела прочь. А я остался. Теперь я знаю: спилить дерево — ничего особенного. Этих, спиленных, я уже видел-перевидел, да и сам немного попилил. Это почти как убить муху. После этого тоже на какой-то момент воцаряется гнетущая тишина. Лучше я вам расскажу об Элке, откуда происходит Седой, потому как это он первым врубил пилу, щедро обрызгав мелкие листочки черники стекающим с шины маслом.

— Нормально? — как-то слишком громко заорал он в сторону инструктора.

— Нормально. — Тот кивнул и, не желая перекрикивать пилы Седого, рукой показал нам на лес. Маленькими группками, в беспорядке, нагруженные техникой, мы двинулись вглубь леса. А в Элке, естественно, работы не было.

— Без мазы, бро, серьезно. После школы я пошел на скотобойню. — Седой слегка растягивал слова. Сколько ему могло быть? Двадцать, двадцать два, четыре? Он был самым высоким среди нас, поджарый и сильный. Но такой поджарости в спортзале не добьешься. Такая поджарость достигается с помощью ЛСД, амфы, метаамфы и дизайнерских наркотиков. Его большие голубые глаза, точнее, не большие, а просто широко открытые, походили на синтетические драгоценные камни.

— Печально. — Я затянулся красным «Лаки страйком» и посмотрел вниз, на главную улицу городка; с балкончика шаурмичной на втором этаже односемейного дома она видна как на ладони. Было это в тот же день, но уже после того, как мы возвратились из леса, после так называемых практических занятий. Надо было что-то перекусить. Инструктор высадил нас возле столовой, с которой «Бета» подписала договор на обеды, мы вошли, взглянули на меню — дорого! Да и порции маленькие. Седой развернулся на сто восемьдесят градусов, остальные последовали за ним. Решили пойти на шаурму, девять пятьдесят в наборе, а столовая — пошли они нахрен. Кто-то громко рыгнул на прощанье. Остались лишь те, с направлениями из социальной опеки. Мало того, что им заплатили за курсы, им еще дали талоны на обеды. По дороге отделилось еще несколько мужиков. Пошли, наверно, есть консервы или домашнюю стряпню в комнате. В шаурму пришло нас трое. Я заказал мягкий соус, остальные, конечно,

острый. Стояли мы с Седым на балкончике вдвоем, пережидали, курили.

— Нет в Элке работы, понимаешь?! — горячился он. — Только на скотобойне. Каждое утро, каждое утро, бро, идешь на работу и таскаешь эти ноги-не-ноги, шкуры еще теплые. Вешаешь эти туши на крюки за ребра, писец, бро, что за работа, но другой в Элке нет, понимаешь? Не выдержал я. Подался в Лондон.

— Я тоже калымил в Лондоне.

— И за сколько?

— Четыре пятьдесят.

— Негусто, бро! А я брал по пять пятьдесят, зато что я там делал, сука! Работа, бро, зашибись! Я там автобусы мыл, понял? Берешь все, что они там потеряют: золотые часы, кольца, смартфоны, деньги. Но сникеры грабаные нас выгрызли. Тогда я в столярку пошел, но шеф был поляк — тетка, гомик, пидор гнойный. Это был такой человек, что я ему говорю: не-не-не, друг, я на тебя работать не буду. Ты меня раздавить хочешь, хочешь с самого утра стереть улыбку с моего лица. Плевать я хотел на тебя и твою мастерскую. Не буду работать, так ему и сказал. И вернулся в Польшу.

— Дома всегда лучше.

— Я так не считаю, бро. Может, у тебя и лучше, а у меня дома плохо — отец у меня умер. Рак его сожрал. Бывало говорит мне: сделай, сука, то, сделай сё, а когда я приехал — от него лишь один студень под одеялом остался. Умирал в муках. Знаешь ведь, как оно бывает.

— Не знаю.

— Хорошо, чтоб никогда не узнал. Если б не Бог, но не тот, грабаный, из костела, а настоящий, Иисус в твоем сердце, который умер за тебя, если б не он, мне бы тоже хана. А так — снова улыбаюсь.

Седой раздавил сигарету о поручень, а чинарик сбросил вниз, на тротуар.

— Вот сделаю лицензию, переведу ее на английский и айда в Швецию. Там работа есть. А оттуда, сука, прорвусь в Норвегию, соображаешь?

Я соображал, точнее не соображал: почему Седой, чтоб прорваться в Норвегию, сначала собирался в Швецию. Жаль мне было его в связи с отцом и скотобойней.

Позвали на шаурму. Я ел из тарелки, а он и Петрек из-под Горлиц заказали версию «на вынос». За столом они вертелись, крутились, Седой отрыгивал на весь пустой зал. А потом встали и пошли. Я остался один с тарелкой мелко нарезанного мяса, картошкой фри и стаканчиком колы. Ну и еще с тормозным плей-листом, из «Радио RMF FM», само собой. Я смотрел, как Седой и Петрек переходят улицу и исчезают за углом.

Наверняка вы знаете таких, что переходят через проезжую

часть, будто бросают вызов всему миру.

Ночью снились мне тягостные и мучительные сны. Может, это после двух стаканов водки, которые налил мне лесоруб из Германии, когда ложился спать на соседней койке, голова к голове. Обращался он ко мне по имени, но я не мог отплатить ему тем же, потому что его имени не запомнил. Другие тоже вертелись и громко вздыхали. Из кухоньки несло сигаретным дымом, там сидели мужики из соседней комнаты, пили пиво. Был там тип, работавший в похоронном бюро (я и не знал, что мертвцев называют «падалью»), был еще какой-то человек из Силезии и один малый, седовласый ловкач с документами из социальной опеки, кажется, из Щецина. На первый взгляд — алкаш. А когда уже все это поутихло, где-то в три или в четыре, я почувствовал пробегающую по векам тень. Думаю, это крестьянин из-под Ченстоховы всю ночь ходил по комнате взад-вперед на цыпочках.

Среди молчащих деревьев мы уже на второй день курсов протоптали тропинку, ведущую к месту работы. Вокруг разливался туман, было тепло, и пот стекал из-под касок. Раньше мне бы в голову не пришло надеть каску в лес, но тихая сосновая лощина шла на вырубку, хотя еще об этом не знала. Вход воспрещен. Охрана труда обязывает. Надо признаться, что в этих касках мы выглядели иначе. Важными какими-то. Было тихо, я слышал лишь сопение и шаги ребят, с утра обычно неразговорчивых, и хлюпанье бензина в канистрах, которые я сам нес в обеих руках. И было пусто. Пусто во всем мире, пусто в лесу и пусто во мне самом. Я чувствовал себя неуклюжим, спотыкался, задевая за ветки на тропинке, и ругался про себя. «Сука», «сука» — вертелось у меня в голове, как какой-то услышанный шлягер. Все его здесь любили. Люди живут в тихом отчаянье, писал Торо^[1]. Не знаю, откуда он это взял.

Группка, которая чуть раньше нас вышла из автобусов, уже успела на месте разжечь костер. Подумаешь, бином Ньютона: льешь бензин и поджигаешь. Красные каски вертелись среди клубов белого дыма и сваленных в кучи по всему просторному и светлому лесу поломанных и распиленных веток. Но раньше тут так не было. Это мы вчера так поубирали. Срезали кусты, орешник, молодые деревца и старые тоже, если кто-то уж очень хотел спилить что-нибудь посерезнее и более-менее знал, как это делать. Потому как всем нам не терпелось пилить. Петrek из-под Горлиц, кажется, лучший друг Седого на курсах, собственно так и сделал. Был он младшим из нас, но уже работал в лесу на полной ставке, ему нужна была только лицензия. Когда мы вот так резвились с пилами, он рассыпал эсэмэски.

— Скажи мне, бро, что это за гребаная шлюха омрачает твое

лицо! — на пол-леса орал ему Седой, энергично волоча только что спиленную березку. Не зря его в Элке называли Пастьюю, он сам в этом признался, но я уж останусь при своем «Седом». Петрек — спокойный такой медвежонок — только улыбался. А потом взял пилу и ловко спилил сорокалетний или что-то около этого дуб весь в опахале желтых листвьев. Дерево легло мягко, опираясь по дороге к земле на густо раскинувшиеся сучья. Отделять их от ствола принял я, потому как Петрек опять занялся телефоном. Полетели опилки, я отпиливал и отпиливал, а другие оттаскивали каждую спиленную ветку и клали на кучу рядом. В самом конце я отпилил верхушку, остался голый ствол, ничего впечатляющего.

— Режь его на метры, — крикнул кто-то.
— Нет! — Петрек в секунду оторвался от телефона. — Оставь, как есть.

— Почему?

— Такие на гробы идут.

Гробы. Человечеству нужны гробы. А почему оно не научилось делать их из пластика? Или другого материала на меру XXI века. Мы уже к звездам летаем, но все равно приземляемся в сколоченном из досок изъеденном червями ящике. Исчезаем в горизонтальных, закопанных в земле лесах, покрывающих мертвой тканью деревьев стыдливое разложение нашей собственной ткани. Любопытно, унавоживаем ли мы землю или ее отравляем? Наши далекие предки хоронили тела в дуплах деревьев. Если б наши тела не переходили в собственность коммунальных служб (наверно, все-таки отравляем?), то к этому можно было бы вернуться. Хотя в наше время даже самая простая проблема — трудна для разрешения. Деревья тоже уже давно не принадлежат Богу. Впрочем, мало что ему еще принадлежит.

Раньше я любил елки. Очень старые, мимо которых я проходил каждый день, которыми восхищался, к которым притрагивался. Но это было давно, как будто в другой жизни. С годами я научился ценить вещи не настолько неоспоримые по красоте, как эти елки. Теперь в моем сердце стало больше берез, тополей, волнующихся на ветру верб и упрямых сосен. Может, когда я стану еще старше, там окажутся кусты и живые изгороди. А в конечном счете, дело дойдет до трав, мхов и лишайников, кто знает.

В том лесу росли сосны. Вокруг одной из них мы и столпились. Будто ватага невыспавшихся ребятишек. Ребятишек, которые не пойдут учиться в вуз, не сделают карьеры, никогда не выиграют никакой олимпиады, зато будут устраивать соревнования, кто быстрее выпьет стакан водки или выкурит сигарету. Инструктор запустил бензопилу и стал показывать, как повалить дерево. Сначала сделал валочный запил, потом

отбил топором так называемый валочный пропил и, как кинжалом, вошел пилой в дрожащее от вибрации дерево — глубоко, в самую его сердцевину.

— По самые яйца, поняли? — крикнул он и, оставив на какое-то время пилу в дереве, быстро вбил клин, задача которого — «подтолкнуть» дерево, чтоб оно само упало в нужном направлении. Клин выскочил из запила, инструктор поднял его и вбил еще раз. Нагнувшись, он обошел ствол вокруг, обрезая все, что могло помешать падению. Так подготовленное дерево должно было тут же упасть в направлении, которое выбрал лесоруб. Но дерево стояло как ни в чем не бывало.

— Сука-а-а, — вырвалось у кого-то из курсантов.

Инструктор вбил еще один клин и как-то неуверенно огляделся, будто ища путь к бегству.

— К-к-клинов, клин, — заикался он шепотом. — Дайте клин. Дерево стояло, а легкий ветерок качал его длинные, обсыпанные иголками щетки. Заскрипело. Мы переглянулись. Качнулось.

— Линяйте! — заорал инструктор.

И мыслили. Само собой, под углом в сорок пять градусов к запланированному направлению падения, а спустя минуту дерево с треском завалилось. В направлении, противоположном запланированному. Когда оно уже лежало, и над ним кружились всякие частицы, на какое-то время действительно воцарилась глубокая тишина. Полная неловкости.

Дальше пошло без особых проблем. Каждому полагалось по очереди и под присмотром инструктора свалить одно дерево, а все остальные наблюдали. Во второй день курсов пали еще три большие сосны. Их свалили Седой, Петрек и лесоруб из Германии. Инструктор похвалил Седого за хороший спил на пне. «Пень должен быть ровный, чтоб можно было на нем поставить полный стаканчик водки».

— Так и вышло! Нет, что ли? — хвастался Седой, поставив свой оранжевый резиновый сапог на светлый, ровный, как стол, пень, покрытый плотно прижатыми друг к другу годичными кольцами. Мы кивали головой. На пне, спиленном поперек, кольца представляют собой неправильной формы полоски светлых и темных слоев. Как волокна мышц.

— Я все анализирую вот здесь! — Седой постучал себе по каске.

— Вот здесь! Сотни раз повалил я этого сукиного сына вот здесь!

— Он снова постучал по каске. — Это результат потрясной концентрации внимания. Когда это поймете — вам станет легче, — поучал он, совсем как инструктор, на висках у него вздулись жилки. И ребята слушали его как инструктора. — И таланта! Эх, и люблю ж я, сука, эту работу! Подходит она мне — просто зашибись!

Вот так говорил и выкрикивал Седой, тараща свои голубые глаза. Он закурил, а потом широким жестом подносил сигарету к губам. А мы меж тем собрали технику и, навьюченные, через вновь утихший осенний лес вернулись к автобусам. Минус четыре дерева. До конца курсов надо было спилить все деревья, обозначенные синим кружочком. По дороге к автобусам других я не видел.

Вечером похолодало, и на город опустился воняющий сажей туман с моросящим дождиком. Через закрытое окно было слышно, как машины разбрызгивают лужи. Двигались они на Варшаву, на Кельцы. Люди куда-то тащились в своих машинах. На ухо движение казалось жестоким, но на самом деле было совершенно индифферентным. На своей короткой койке в набитой до отказа комнате, в своем собственном теле я чувствовал себя, как на протекающем плоту среди грязных вод. В этот день в лесу меня позорно скрутил радикулит. Пришлось руками помогать ноге выйти из автобуса. Прячась в забитом и плывущем сортире, я съел восемь таблеток Апапа. «Стареешь, коллега», — сказал я отражению в заляпанном зубной пастой зеркале.

От подвешенной к потолку люминесцентной лампы исходил мертвенный свет. Глядя на грязные следы от ботинок на скользком ковролите, на борозды грязи и земли, и непонятно как сюда забредшие опилки, я испугался, что утону. Что рано утром не смогу наклониться, не смогу ходить и носить тяжести, и не свалю своего дерева, и все, как обычно, пойдет псу под хвост.

Остальные тоже были на нервах, особенно те, кому завтра предстояло пилить. Были в стрессе. Мы немного болтали, не сходя с коеч, как в больнице. Только время от времени передавали друг другу стакан с водкой. И я подумал, что если среди нас и не скрываются интеллектуалы, литераторы, философы, пытающиеся на вырубке леса дать новую оценку своей экзистенции в старом добром стиле, то ничего страшного. Ведь у каждого из нас что-то да есть: какая-то жизнь, какие-то мысли, которыми он хотел бы поделиться со всеми. Ведь мы — прекрасный вид, ты и я. У нас самый большой мозг. Мы люди. Вершина создания, божьи дети, а в версии для неверующих — наследники пяти миллионов лет загадочной эволюции. Вон лесник из Германии (родом из Жешувя), сгорбившийся на своей койке рядом со мной, с животом как баскетбольный мяч, набитым подвавельской колбасой и батоном хлеба, покрошенным в горячий китайский суп, нашел хорошую работу в этой Германии. Хотя в самом начале было нелегко. Живет он в гостинице, но у него свой номер. Говорит, шикарный. И все может заказать себе по телефону. Обеды, спиртное.

— Даже девушку, Анджея.

— Почем? — поинтересовался Богдан «Профессия солдат» с койки по другую сторону стола. Он как раз наливал себе в стаканчик желтый нектар-мультифрукт «Capri».

— Зависит, какая, — ответил лесоруб, который любил быть точным. Он педантично точил цепь, тщательно отмерял каждому водку, чтоб было поровну, подробно рассказывал о несчастных случаях в лесу, свидетелем которых был сам.

— Что хорошо дает.

— Сто евро, Богдан. Но это со скидкой, потому что за все эти годы она уже стала знакомой.

— А ты для нее все равно обычный гондон. Не понимаешь, что ли? — с горечью бросил Павел, крестьянин из-под Ченстоховы, когда на момент перестал скакать по каналам телека, подвешенном над его койкой возле окна. Сказал он это тоном человека, который хочет уберечь коллегу от разочарования. Так получилось, что у него тоже не было своей второй половины. Был холост. Но говорить об этом не хотел.

Богдан язвительно засмеялся, Павел вернулся к прежнему занятию: скакал по каналам — Viva, MTV, Disco bla-bla-bla и EskaTV. Не надо быть гением, чтоб угадать, что это верные друзья и подружки его бесчисленных часов и дней, особенно тех, утомительных, когда он не работал.

Богдану тоже нравились эти каналы. Он сидел и смотрел, все в той же футболке «Профессия солдат». На плече у него была наколка со скорпионом (символ воинской части), были у него также слегка увядшие бицепсы (в молодости занимался культивизмом) и масса рассказов об армии и семье: жена и две дочери, но жена в Италии, а дочери в детдоме, потому как его лишили родительских прав.

— Какое у тебя было звание? — спросил я, потому что он все время об этой армии. В армии — то, в армии — сё.

— У меня? — удивился он, потирая небритую щеку. — Рядовой. Наверно, меня выдала глупая мина, поскольку он добавил, что был бы старшим рядовым, если б его не разжаловали. За что? Оказывается, за то, что врезал подхорунжему: подхорунжие ели апельсины, а для них, рядовых (наверно, старших рядовых), апельсинов не было, только селедка да селедка. А что касается детей, то больница направила ходатайство в суд, чтоб его дочери сделали обследование, и вышло, что она чуть не умерла от засахарения организма.

— Засахарения? — спросил я испуганно, потому что никогда о таком не слыхал.

— Какая воинская часть? — поинтересовался лесник.

— Семнадцатая механизированная бригада, ремонтная рота, — выпалил Богдан и одним махом опрокинул стакан нектара, запивая им, естественно, водку.

У Богдана когда-то была собака, но ее надо было усыпить, у нее рак обнаружили.

— Но у меня совесть чиста.

Поехал он на неделю к приятелю. Когда вернулся, дело было сделано, жена справилась. Плохо ей от этого не стало, потому как теперь сидит себе в Италии и гребет бабло. Да и Богдан стал богатым, недавно продал свою квартиру, на долго должно хватить.

Слово «богатый» он произнес слегка заплетающимся языком, сидя уже без футболки — одни трусы и плотное обросшее жиром тело. Но дальше мысль свою не развил. Повернулся к стене, прикрыл пледом и тяжело захрапел. Считал во сне свои богатства?

Мы, как и он, накрылись пледами и лежали в молчании, слушая болтовню в кухне все той же, что и вчера, группы. Сквозь щель в двери просачивались оттуда к нам клубы дыма. За окном светил желтый фонарь. Я повернулся лицом к стене. И пока не заснул, слышал подвыпившего Петрека, как он говорит Павлу, крестьянину:

— Дедуль! Ты только сегодня спи давай, не блукай. Дедуля гребаный.

Наконец, все уснули, свернувшись калачиком, укрытые желтым светом фонаря. Все, кроме, конечно же, Дедули. До самого утра под его осторожными шагами поскрипывал пол.

Перевод Ольги Лободзинской

Анджей Дыбчак (1978) — этнограф, путешественник, кинорежиссер. Неоднократно бывал в Красноярском крае, жил среди эвенков. Результатом путешествий стала книга «Гугара» (2008) (слово «гугара» по-эвенкийски означает колокольчик на шее оленя). Книга получила премии Фонда культуры и Фонда им. Костельских. В том же 2008 году состоялась премьера одноименного документального фильма, награжденного на многих кинофестивалях. Сборник рассказов «Пастух всех коров» вошел в список номинантов на самую престижную в Польше литературную премию «Нике 2018».

1. Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, предшественник экологов. Выступал за отмену рабства. Последние годы провел в уединении в лесной хижине. Своё сближение с природой описал в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) — Примеч. пер.

Марек Заганьчик

Варшавские прогулки

Прогулки с экскурсоводом (ч.3)



Павел Герц. Фото: Archiwum Pawła Hertza

Варшава долго не была моим городом. Мне казалось, что я очутился здесь лишь проездом, хотя родился в Варшаве и редко расставался с ней надолго. Она существовала словно рядом со мной, незримая, сведенная к нескольким улицам и дворам, что были вписаны в карту детства. Я не умел видеть город, предпочитал тишину парков и гам школьных спортплощадок. А может, дома, в которых я жил, просто не давали повода задуматься. Лишь недавно я начал учиться смотреть на фронтоны зданий, восхищаться чудом сохранившимися подъездами с чудесной лепниной, вглядываться в гербы на отреставрированных особняках, размышляя об их судьбах. Мне нравится, когда незнакомые места говорят со мной голосом близких мне людей и становятся частью моей Варшавы. Улица Новый Свят — Новый свет, Новый мир — была для меня миром моей бабушки. Они с сестрой жили на втором этаже дома, стоявшего между Смольной и Фоксалем. Помню две большие комнаты, соединенные дверью, и деревянные доски неизменно серого пола в коридоре на лестничной клетке. После смерти бабушки я не думал, что еще вернусь сюда, что узнаю другой Новый Свят, не менее важный, хоть и менее доступный. Я не мог предположить, что большую часть дня стану

проводить там, где до недавних пор бывал лишь в гостях, и полюблю вечерние прогулки по опустевшей Фоксаль, мимо дворца Замойских, к Скарпе — откосу у Вислы, и дальше, к железнодорожной станции, находящейся уже внизу, в районе Повисле.

С улицы Новый Свят началась для меня другая Варшава. Благодаря Павлу Герцу, я узнавал ее историю. Его эссе «Источник Воклюз» относится к числу текстов, особенно мне близких. Он открывается описанием дождливого вечера в квартире на улице Новый Свят. «В мансарде, где я живу уже почти четверть века, во время дождя всегда звучит прекраснейшая музыка. Капли стучат о покатую крышу, а вода, стекая по дырявым водосточным трубам, звенит нотами верхнего регистра. Когда перед рассветом в такую погоду меня покидают последние сны, уступая место еще полуприглушенной яви, мне не раз случается услышать и увидеть то, что не приходит во сне и никогда не возвращается в дневных мыслях». В этом эссе есть радость и задумчивость, есть польские страницы и солнце далекого Юга, есть Мицкевич и Петрарка, а также элегический тон размышлений о мире, «которого нет, и мире, который будет, когда меня не станет». Это эссе вело к другим записям Герца, к «Варшавским вечерам», повествующим о городе, его зданиях и жителях, о тумане, окутывающем улицы, и деревьях, цветущих в ботаническом саду. Варшава Герца имеет измерение повседневности и истории, это арена национальных восстаний и место совершения повседневных покупок. Она может быть красива и уродлива одновременно. Жить в ней непросто, но и забыть невозможно. Этот город требует любви, исполненной самоотречения. Лики его столь различны... Однако недостаточно внимательно наблюдать за ним, необходима еще работа воображения, чтобы по свидетельствам прошлого оживить образ, казалось бы, канувший в Лету. Варшава Герца имеет словно бы двойное обличье, это город, который был, и город, который есть. Не всегда эти два мира гармонируют друг с другом. Герц пишет о том, что видит и о том, что помнит. «Наши воспоминания о минувшем сопровождаются всем тем, что, подобно мху на камне, наросло с тех пор на припоминаемых нами вещах, делах, людях или окрестностях. Ибо время, которое отделяет нас от того первого мгновения, неустанно протекая сквозь человека, наносит на изначальный, сохраненный памятью образ целые слои форм, цветов, звуков и слов. Наши воспоминания, таким образом, напоминают полотна старых мастеров, которые порой закрашивали произведения своих предшественников, каждый в свою очередь, и, используя чужие линии и формы как фон, запечатлевали на них очертания реального мира».

Так и я стараюсь читать варшавские эссе Герца. Я трактую их как приглашение к путешествию, совместному странствию в места знакомые и одновременно незнакомые, преображенные временем и людьми.

Окрестности Герца — это улица Ипотечная, где он родился, Даниловичевская, Вежбовая, это силуэты дворцов Бланка, Радзивиллов и Краковских епископов, Театральная площадь, Банковская площадь, книжный магазин Гёзица, улица Нецилайя, пассаж Люксембурга, Саксонский сад, гимназия Рея, улица Мазовецкая. Это магазины Бруна, Миллера и Лисовского с удивительными, хоть и не похожими друг на друга, запахами и, чуть позже, магазины Ноймана или Френдлера. Я люблю воспроизводить в памяти маршруты былых прогулок Герца, рисовать очертания ныне несуществующих домов, проверять, что сегодня стоит на их месте. Из обрывков воспоминаний, из фрагментарных описаний я складываю образ прежнего города — будто проявляю старую фотографию. Не все удается рассмотреть отчетливо, порой я различаю лишь силуэты. «Не знаю, — пишет Герц, — что в этих картинах, поднимающихся откуда-то со дна памяти, — правда, а что — вымысел. Граница между ними расплывчатая, нечеткая, мысли уносятся в детство, молодость, словно птицы, которые слетаются в жаркий день к воде, блестящей в водостоке или в луже, и, видя ее сверкание и ощущая ее прохладу, совершенно не заботятся о том, откуда эти сверкание и прохлада берутся. Человек, мучимый жаждой сверкания и прохлады, действует подобным же образом, а склоняясь над зеркалом воды, видит также и самого себя». Важно просто упражнять глаз. Ведь спустя мгновение я возвращаюсь в собственный мир, но теперь смотрю внимательнее, мне кажется, что я вижу больше, точнее. Я думаю о близких мне местах, на которые обратил внимание и запомнил. Ведь город, пускай даже изменившийся и некрасивый, существует во мне, в моих воспоминаниях. Я не знаю, сумел ли бы я жить в каком-нибудь другом. И сержусь, когда слышу дурные слова о Варшаве, хотя чаще всего они вполне справедливы. Хотелось бы верить, что и сегодня в этом городе есть красивые места, где стоит остановиться, где хорошо жить.

Окрестности Ипотечной, ряд улиц и площадей вдали от моего дома в какой-то момент и для меня сделались местом частых визитов. Возвращаясь из школы, я обычно шел по Сенаторской, но, кажется, только раз или два заглянул на Ипотечную, сокращая себе путь к «дому с королями». Голубой дворец на Банковской площади был для меня уже не прекрасной библиотекой, которой руководил Тадеуш Корzon, а зданием Городского предприятия коммуникации, где я каждый месяц покупал проездной билет на автобус. В особняке Миншков —

тогда я не знал, что он так называется — я стоял в длинной очереди за бельгийской визой. Я не замечал фигуру св. Яна Непомуцена середины XVII века. И не знал, что из дворцового сада поднялся в свое время воздушный шар с Яном Потоцким, которого в этом небесном вояже сопровождал черный пудель. Дворец же, именовавшийся дворцом Люцифера, был резиденцией масонской ложи. Через Саксонский сад я, как правило, пробегал поспешно, считая его маленьким и для сада недостаточно таинственным. Подобно Герцу, я любил смотреть на фриз с бюстами польских королей и князей на фронтоне особняка на Ипотечной. Однако не предполагал, что сидя на газоне, нахожусь на месте прежней тюрьмы, так называемого Централа. О существовании Театра имени Войцеха Богуславского я узнал, будучи студентом, но лишь недавно открыл, что на Медовой, там, где сегодня начинается улица Шиллера, стояло здание и был проход к пассажу Лессера. Во дворец Паца, рядом с костелом ордена капуцинов, где я каждую зиму любовался движущимися рождественскими ялями, мы с товарищами ходили обедать в столовую Министерства здравоохранения. Прорисованное Герцем пространство внезапно накладывается на места, связанные в моей памяти с другими людьми. Здесь я встречал своих профессоров, прежде всего Збигнева Рашевского, в его квартире на улице Длугой, в библиотеке Института искусства, в редакции журнала «Памятник театральны». Таким образом, читая Герца, я шагаю также и по своей Варшаве, хотя город, по которому я брожу, кажется мне ненастоящим. Может, поэтому я предпочитаю обычным прогулкам те, что совершаю в собственной памяти, во время чтения. Следуя указаниям Герца, я начал читать и другие тексты о прежней Варшаве. Не все они способны воскресить ясную и живую картинку, но случаются книги необыкновенные, вроде «Варшавских набросков» Станислава Лозы или воспоминаний Ядвиги Дмоховской, полных запахов, цветов и голосов. Герц посвятил памяти Дмоховской один из прекраснейших своих текстов. Вслед за Герцем я заглядываю в старые путеводители. Выписываю из них информацию о прежних хозяевах, рассматриваю рисунки и рекламы. Иной раз они рассказывают о местах, упоминаемых Герцем и запечатлевшихся в его памяти. В путеводителе по Варшаве 1893 года я нашел рекламу «паровой фабрики туалетного мыла, духов и косметических товаров» Фредерика Пульса, превозносящую «разного рода туалетные мыла, помады, фиксатуары, масла для волос, различную косметику, одеколоны, духи, благовония, средства для чистки и сохранения зубов, ароматы для белья...» Входя в магазин Пульса на Театральной площади, Герц попадал в мир предметов, которыми при желании можно любоваться, словно

музейными шедеврами. «Мир, — пишет Герц, — был зашифрован в буквах, черных и золотых надписях, в рекламах, в зажигающихся поочередно лампочках, высвечивавших какое-то слово или имя. Благодаря всем этим названиям мир казался мне необыкновенно пестрым, богатым, сложным, неохватным. Именно это, вероятно, составляет особую ауру большого города — многообразие и разнообразие вещей, создаваемых людьми для людей, и это множество и многозвучие названий, которые указывают нам путь».

Повторяя фразы Герца, я возвращаюсь на Новый Свят, где проходит моя сегодняшняя жизнь, и думаю о том, что скрывают в себе старые дома. Мне интересно, как их запомнят, с чьей связью судьбой. Благодаря Герцу, я вижу Варшаву более красивой, чем она есть на самом деле, смотрю на сменяющие друг друга времена года и разные городские пейзажи, и вспоминаю людей, с которыми тут познакомился. Потому что, как писал Герц, «большой город — это не только комплекс зданий, улиц, площадей и мостов. Большой город, а в сущности, каждый город, имеющий свою историю — это прежде всего комплекс мыслей и чувств, воспоминаний и действий людей, которые в них жили и живут».

Перевод Ирины Адельгейм

Павел Герц

Ипотечная

Ипотечной я должен больше, чем просто воспоминания. Потому, наверное — как это нередко случается, если долг наш слишком велик — написав о Варшаве, я не расплатился с ней по тем долгам, которые имеются у всякого человека по отношению к стране, городу, улице и дому, где он родился. Улица моего детства и юности была когда-то спокойной и солнечной, полностью застроенной лишь по одной стороне. На четной стороне, между «домом с королями» и зданием прежнего Театра имени Богуславского, тянулась стена, прежде, если не ошибаюсь, из красного кирпича, позже оштукатуренная, а за этой стеной простирались зеленые дворики и сады резиденции архиепископа. Ближе, на Капуциньской, стояло здание Ипотеки.

Я родился в доме под номером три, на шестом этаже; из окон нашей квартиры открывался широкий вид на внутренние дворы Польского банка, на дворец Радзивиллов, фрагмент улицы Тломацке и дальше, в сторону Воли и предместий. А из окон квартиры дедушки и бабушки, в соседнем доме под номером пять, можно было без труда разглядеть вымощенный большими камнями двор сразу за таинственной стеной Ипотечной, зеленые сады, и в этом дворе, совсем близко — одноэтажное, стилизованное под классицизм, здание, когда-то, возможно, служившее конюшней, а в наше время перестроенное под жилые помещения. Там проветривались красные перины, сушилось на веревках белье... Идиллическая картина, подобно тому, как идиллическим был, в сущности, весь этот уголок.

С Ипотечной на улицу Длуга можно было попасть через пассаж рядом с бывшим театром, где в те времена, когда я был мальчишкой, находился кинотеатр «Городской». В конце Ипотечной стоял внушительный дом с большими балконами или террасами, вот в нем-то и располагался этот пассаж, точнее, через это здание проходила его часть. Как мне говорили, в квартирах, чьи балконы выходили на Ипотечную, словно театральные ложи в зрительный зал, жили актеры. Фамилий называть не стану, дабы что-нибудь не напутать. Однако помню, что имена эти произносились в ту пору с почтением, а я, с углового балкона спальни дедушки и бабушки, в нескольких метрах от этого дома, благоговейно взирал на окна, где шторы поднимались поздно, а вечерами часто бывало темно.

Совсем рядом с нами возвышалось здание фабрики Шписса, и химические ароматы неотлучно сопровождали нас на обратном пути из школы. Порой на крыше дома Шписса разевался чужой флаг, поскольку то ли там находилось норвежское консульство, то ли хозяин являлся почетным представителем этой страны. Сейчас уже трудно разобраться, как обстояло дело, но развевающееся знамя я помню точно.

В «доме с королями», на фронтоне которого располагалась целая их вереница, и который поэтому весьма способствовал изучению отечественной истории, я побывал только раз и помню внутренний двор, каких больше нигде не видел.

На углу Даниловичовской находилась тюрьма. Некоторые окна были забиты черной жестью, в других торчали головы. Проходя мимо, а это случалось ежедневно, я ни разу не подумал, что также, хоть и не в мирное время и не в родном городе, окажусь когда-нибудь за подобным, забитым жестью окном. Я также не думал, что весь этот уголок, эта улица и дома, и люди, которых я знал, и собаки, которых звал по имени, вдруг перестанут существовать, растворятся бесследно.

Собак на Ипотечной было множество. В нашем доме жили великолепные овчарки, и одну из них я отлично помню.

Дважды в день ее выводил на прогулку ординарец хозяина, рослый парень в тщательно начищенных высоких сапогах, любимец служанок и кухарок.

На этой улице, где на протяжении некоторого времени была сосредоточена моя жизнь, между домами родителей и дедушки с бабушкой, в отличие от соседних районов, царила благословенная тишина, лишь изредка нарушаемая возгласами точильщика, старьевщика, барочника... До сих пор помню интонации голоса каждого из них и многое бы отдал за то, чтобы еще хоть раз проснуться под такую музыку или заснуть под собачий лай, доносившийся поздними вечерами из других дворов, еще сохранявших в себе что-то деревенское или провинциальное. С высоты моего шестого этажа, посмотрев с балкона направо, я мог, например, увидеть двор одного из домов на Длугой, где находились конюшни, из которых по утрам выводили лошадей, а в ранний час чуткое ухо могло даже распознать скрежет подковы, ударяющей о булыжник, или оклик извозчика: «Посторонись!»

Думается, позже, когда я подрос, все это наверняка менялось. Но в моей памяти встают именно эти первые картины, без которых наша жизнь утратила бы большую часть смысла.

Вот с этого-то шестого этажа, в просвете между домами, где была видна улица Тломацке, мне однажды показали вдалеке плотную толпу, медленно двигавшуюся в бело-красном облаке знамен. Хоронили Жеромского.

Отсюда всюду было близко: до Рынка, до Саксонского сада, до

Театральной площади, до колонны Зигмунта, до Сада Красиньских... Помню окрестные дома, дворы, закоулки — повсюду жили люди или знакомые нам, или те, к которым мы постоянно обращались в своей повседневной жизни: сапожники, портные, садовники, слесари. Было бы преувеличением утверждать, будто именно меня посылали за ними всякий раз, когда возникала такая необходимость, но я охотно бегал туда вслед за старшими. Так что помню и разные квартиры этого района — от огромных, многокомнатных, заставленных мебелью иuvwешанных зеркалами, до маленьких и бедных, с пеларгониями на окне и канарейкой в клетке, но не берусь утверждать сегодня, обитатели которых были более счастливы.

Уходящее время имеет обыкновение уносить с собой грязь, ил и пену нашей жизни, оставляя промытую картинку прошлого. Вот на этой-то картинке я и вижу самую родную мне родину: улицу, на которой я родился. А поскольку нам теперь не удается жить и умирать там, где мы родились, у каждого, вероятно, есть такая же, и каждый обращается к ней в иные поспешные, суэтные, трудные дни.

Перевод Ирины Адельгейм

Наталия Лайшак

Проходя через варшавское гетто



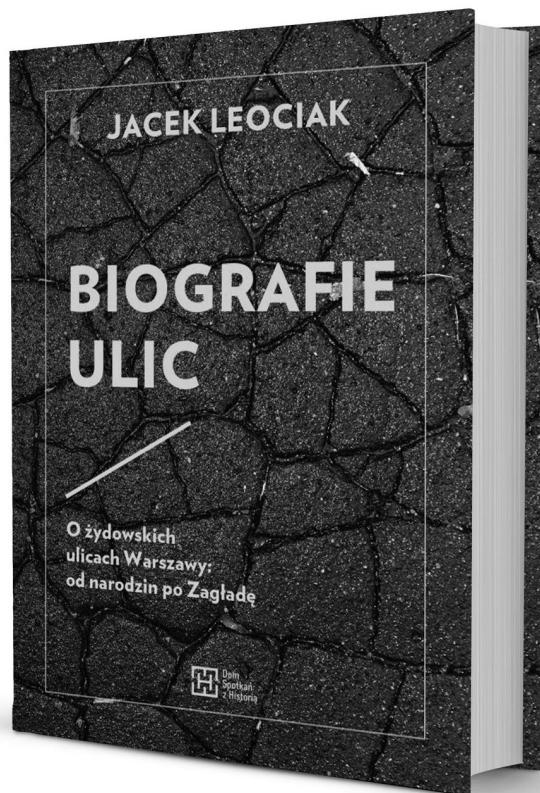
Варшава, перекресток ул. Хлодной и Желазной. Фото: NAC [см. галерею]



Рынок в гетто, 1939 – 1940 г. Фото: NAC.



Ул. Холодная и мост соединяющий две части гетто. Февраль 1942.
Фото: NAC.



В Варшаве не нужно даже выходить за пределы самого центра города, чтобы осознать исторические перемены, произошедшие здесь за несколько последних десятилетий.

Достаточно остановиться на площади Дефилад и закинуть голову. На первый план, бесспорно, выступает соцреалистическая громада Дворца культуры и науки — один из самых характерных артефактов прошлого этого города. Прямо за ним маячит высотка Миллениум Плаза, несколько безвкусный символ девелоперской свободы молодого посттрансформационного общества. По контрасту с огромными зданиями, на улице Эмилии Плятер, 7 прячется старый дом, переживший войну. Его фасад покрыт отверстиями от пуль со времен Варшавского восстания, которые уже никто никогда не заделает.

Эта эклектическая архитектура олицетворяет громадную динамику произошедших с Польшей перемен: начиная со Второй мировой войны и до времен капитализма. Однако есть и прозаические следы прошлого, которые не видны на первый взгляд и которые рассказывают не менее ценные истории — судьбы обычных жителей. Именно такие следы прежде всего интересуют Яцека Леоцяка, автора «Биографии улиц», книги о судьбах польских евреев в Варшаве.

Останемся у площади Дефилад и обследуем ее окрестности. Не нужно долго рассматривать план территории, чтобы заметить, что топография Варшавы в этом месте явно нарушается: небольшие улочки прерывают свой ход в одном месте, чтобы неожиданно появиться снова через несколько сот метров. Это улицы Злотая и Хмельная. Придавленные тяжестью социалистической архитектуры, они обрываются на границе площади с восточной стороны и возникают вновь, точно на той же самой линии, по западную сторону. Этот разрыв в пространстве удивляет каждого, кто впервые ищет там какой-то конкретный адрес. Кажется, будто город, немного рассеянно спеша вдогонку за современностью, забыл до конца навести порядок с этими улочками. Бродя по окрестностям, можно обнаружить и кое-что еще: узкую, теснящуюся где-то между отелем и жилыми домами, совершенно безликую улицу Сennую. Ее довольно жалкое положение вызывает вопрос — откуда и зачем она здесь взялась? Но это еще не конец сюрпризов, связанных с изучением переплетения варшавских улиц. Так, немного к северу от центра можно наткнуться на другие нежеланные напоминания о прошлом: на улицу со сложной схемой трамвайных путей, хотя кругом глухая тишина и не видно никакого трамвая, или на странную культу, обрывок проезжей части, гордо именуемый улицей. Это Хлодная и Крохмальная. Наряду с Сennой, это три из двенадцати улиц, которые решил описать в своей книге Леоцяк. Профессор Яцек Леоцяк — историк литературы и заведующий отделом изучения литературы Катастрофы в Институте литературных исследований Польской академии наук. Вместе с

проф. Барбарой Энгелькинг, выдающейся исследовательницей и председателем Международного освенцимского совета, он также является научным куратором галереи «Катастрофа» в Музее истории польских евреев ПОЛИН в Варшаве. Однако в первую очередь Яцек Леоцяк — пытливый исследователь Варшавского гетто. «Биографии улиц» — плод многолетнего увлечения топографией Варшавского гетто и пространственного измерения Катастрофы. Автор использует пространство как исходную точку для размышлений о судьбах его обитателей. Каждая глава — это развернутое эссе об одной из выбранных им улиц, объединенных общей судьбой: все они входили в состав северного района, то есть неформального еврейского округа, а потом оказались в пределах Варшавского гетто, крупнейшего в Генерал-губернаторстве^[1] и во всей оккупированной Европе. И хотя период гетто является важным моментом в истории каждой из описываемых улиц, это, определенно, не единственная тема книги Леоцяка. Автор в своем повествовании углубляется в довоенное прошлое, стараясь как можно более полно рассказать историю польских евреев.

Северный район возник в начале XIX века в результате политики властей Великого Герцогства Варшавского, запрещавших евреям жить в Старом городе и на главных варшавских артериях. Тогда существовал перечень улиц, на которых не имели права селиться евреи. В то же время город решил создать отдельную территорию, куда еврейские жители могли переселяться из мест, попавших под запрет. Эти вынужденные переезды стали началом формирования еврейского округа в северной части тогдашней Варшавы. Со временем, в силу царского указа, ограничения на местожительство евреев были отменены, что позволило в полной мере расцвести северному району (называвшемуся еще Налевковским). К концу XIX века еврейский район стал частью центра Варшавы. Таким образом в черте города появился уникальный микрокосмос еврейской культуры, который отличали не встречавшиеся больше нигде динамика, социальное разнообразие и многоязычный говор. Атмосферу этого исчезнувшего мира передают многочисленные воспоминания, которые щедро цитирует Леоцяк. Как вспоминал, например, Зусман Сегалович: «Варшава была и еврейским городом. (...) Она пульсировала еврейской культурой, еврейской набожностью и светскостью. Она состояла как бы из двух частей, из двух миров. Мира христианско-польского и мира еврейского. Я не знаю другого такого города в Европе, в котором сосуществовали бы рядом два столь различных мира». Александр Яновский, польский путешественник и писатель,

характеризовал этот уголок Варшавы следующим образом: «Какое же здесь движение, какая мощная тяга к жизни, и какие контрасты между упитанными, румяными нанимателями и бледно-зелеными, худыми приказчиками. (...) Этот район не живет, этот район кипит смекалкой, изобретательностью, трудовыми усилиями, несомненно, большими, нежели в других районах. Текут людские потоки. Тянется длинная череда груженых повозок. Отчаянно гремят звонки попавших в затор трамваев. Носильщики, придавленные чрезмерной тяжестью, сгибаются дугой, а вены на висках и шее едва не лопаются от непомерного труда».

Это восхищавшее Яновского движение закончилось с началом Второй мировой войны, когда в 1940 году на территории северного района немцы создали Варшавское гетто. Правда, в замкнутом стенами пространстве по-прежнему бурлила жизнь, однако не по причине развития уличной торговли и связанной с этим суматохи, а из-за царившей там тесноты. Высокие стены, нередко установленные вопреки здравому смыслу, разрушили прежний уклад, превратив дружелюбные и знакомые улицы в чуждое, тесное и давящее пространство. Это отражено в пронзительном описании Станислава Ружицкого, который прибыл в гетто в 1941 году: «Когда я дошел до боковых улиц, то перестал ориентироваться в плане города. Каким-то изощренно-непонятным образом улицы были изрезаны, перекроены и изуродованы. То стены проходят через середину улицы, то вдруг здание остается за пределами еврейского района. (...) Что со мной произошло? Ведь я знаю здесь каждую улицу, почти каждый дом, каждого второго человека. И всё же не узнаю улиц, не узнаю людей. Не знаю, на какой улице я нахожусь, не могу найти дорогу к своему дому».

Отчаяние и растерянность Ружицкого показывает, насколько разрушительно влияло пространство гетто на психику его обитателей. Постоянное перемещение границ стало частым явлением, от которого не было защиты. Жизнь евреев в гетто сопровождалась кошмаром внезапного выселения и поспешного переезда, никто не был застрахован от призыва немедленно переехать. Сжимающееся пространство и вызванная этим хроническая нестабильность стали реальностью гетто. Изменение пространства было, конечно, сознательной стратегией немецких властей варшавского дистрикта. Господство над ним не только позволяло притеснять жителей гетто. С присоединением очередных улиц к арийской стороне резко уменьшалось жизненное пространство и так уже скученных евреев, которые теснились по нескольку семей в маленьких квартирах.

Ухудшившиеся бытовые и гигиенические условия, вспышки эпидемий тифа, постоянные переезды были элементами

последовательно осуществлявшегося плана полного уничтожения евреев. Большинство обитателей варшавского гетто, то есть свыше 300 тысяч человек, погибли в 1942–1943 годах, убитые либо внутри, либо за пределами стен — в лагере уничтожения в Треблинке. После начала восстания в гетто в 1943 году гитлеровцы решили полностью разрушить гетто, поочередно поджигая и взрывая большую часть зданий. Еврейская часть Варшавы, бывший северный район, перестал существовать.

Память о польских евреях и Варшавском гетто жива и хранится на нескольких носителях. Первым из них являются специально созданные для этого институты. Сразу после войны в Варшаве был основан Еврейский исторический институт (ЕИИ), миссия которого — распространение знаний об истории польских евреев. Именно в собраниях ЕИИ находится знаменитый Архив Рингельблюма, один из важнейших архивных фондов, относящихся к жизни в Варшавском гетто. Несколько лет тому назад на улице Анелевича был открыт Музей истории польских евреев ПОЛИН, который занимается еврейской историей и культурой в широком понимании на территории Польши, Варшавы и в том числе, конечно, Варшавским гетто. Еще один носитель памяти — это памятники и мемориальные доски, напоминающие о существовании гетто и людей, которые жили и погибали в нем.

Недалеко от музея ПОЛИН, на улице Ставки, стоит Стена-памятник «Умшлагплац». Именно с этого места евреев вывозили в Треблинку. Обширный монумент имеет форму четырехметровой стены; на ее внешней стороне выгравировано 400 самых распространенных до войны еврейских и польских имен. Имена подчеркивают многовековое сосуществование польского и еврейского сообществ, каждое из них также символизирует тысячу жертв Варшавского гетто. Памятник «Умшлагплац» — конечный пункт Тракта памяти мученичества и борьбы евреев — дороги, состоящей из мемориальных досок, посвященных людям и местам, которые особенно запечатились в истории функционирования гетто. Тракт начинается у памятника Героям гетто, а в его состав входят, в частности, Холм Анелевича и каменная плита, посвященная Янушу Корчаку, основателю Дома сирот для еврейских детей, который — несмотря на возможность бежать на другую сторону — остался в гетто и вместе со своими подопечными отправился в последнее путешествие с Сенной, 16 (тогдашнего адреса детского дома) на Умшлагплац.

Более осторожные и глядящие под ноги пешеходы также заметят во многих местах Варшавы продольные плиты, вплавленные в тротуар, которые показывают точный рисунок

границ гетто. Проект Элеоноры Бергман и Томаша Леца обладает исключительной силой воздействия. Плиты, вживленные в ткань города, подчеркивают топографическую правду и тем самым дают представление об ужасе ситуации, в которой миры жизни и смерти были отделены друг от друга кирпичами шириной всего в несколько десятков сантиметров. Таким же стремлением подчеркнуть весомость топографии, кажется, руководствовался Леоцяк, когда решил извлечь из забвения третий носитель памяти о гетто — обычные улицы. Те из них, что уцелели после войны, разделили такую же судьбу: потрепанные и сжавшиеся, они окончательно отошли на второй план городской жизни. Яцек Леоцяк выводит эти места из тени, убежденный в том, что имеет смысл раскопать эту память. Поэтому он изымает их из современности и на мгновение переносит в те времена, когда они, в составе северного района, бурлили красочной жизнью.

«Биографии улиц» — книга, приглашающая к поиску маленьких следов прошлого, рассеянных здесь и сейчас, между бывшими границами стен. Ведь правда булыжника и кирпича порой действует намного сильнее многих массивных памятников и мемориальных досок. Особенно потому, что и те, и другие могут оказаться приправленными фальшивой ноткой. Такой фальшью, по мнению Леоцяка, отдает памятник Корчаку в Свентокшиском парке. Януш Корчак, невысокий человек щуплого телосложения, представлен здесь великаном, обхватившим подопечных, в том числе свою близкую сотрудницу Стефанию Вильчинскую. Такое типичное и патриархальное изображение Вильчинской, которая всё-таки была одним из основателей Дома сирот, не ускользает от внимания Леоцяка. «Как плохо нужно понимать фигуру и мысль, книги и жизнь Корчака, чтобы сотворить нечто подобное» — пишет он о памятнике.

В другой раз он обращает внимание на послевоенное вытеснение еврейской идентичности из мест, которые должны бы эту идентичность сохранять. Как в случае здания на Сенной, 60, в котором еще в конце XIX века размещалась Детская больница им. Берсонов и Бауманов, построенная на деньги еврейских филантропов. Несмотря на тяжелые санитарные условия и безнадежную финансовую ситуацию после изоляции гетто, больница на Сенной действовала непрерывно до 1942 года, когда здание было исключено из еврейской части и присоединено к арийской. На эвакуацию дали 48 часов. После войны здание больницы сохранилось в хорошем состоянии, и хотя ему грозил снос, оно стоит до сих пор. В конце 80-х — начале 90-х в нем была открыта Воеводская инфекционная больница им. Детей Варшавы. С этим обобщенным наименованием не согласен автор «Биографий улиц». Он

аргументирует тем, что детская больница, основанная еврейскими благотворителями для детей еврейского происхождения (даже если на практике там принимали и других детей, а не только еврейских), работавшая в еврейском гетто, больница, в которой все — от врачей до пациентов старшего возраста — должны были носить на руке повязки со звездой Давида, заслуживает чего-то большего, нежели столь универсальное посвящение. Особенно потому, что несомненной героиней больницы была ее последний главный врач Анна Брауде-Хеллер. Женщина, которая делала всё и отдала всё, лишь бы больница могла работать, которая осталась в руинах больницы (переведенной тогда на Гусиную улицу) и погибла там. К сожалению, после войны власти решили, что времена не благоприятствуют тому, чтобы назвать Воеводскую инфекционную больницу на Сенной, бо ее именем. Только в 2001 году было решено установить памятную доску в честь Анны Брауде-Хеллер. Кто-то мог бы сказать, что всё это лишь исторические детали. Однако это такие детали, которым Леоцяк придает огромное значение.

Рассматривать топографию как исходную точку для дальнейших исследований — это новаторский метод рассказа о гетто, который вписывается в т.н. культурную географию (геопоэтику), научную практику, в рамках которой документы культуры сопоставляются с материальностью мест, к которым они относятся, и в рамках которых появились. Вслед за Эвой Рыбицкой, автором польских исследований культурной географии, можно сказать, что «тесная связь между писательским жестом, литературной *poiesis*^[2] и материальностью места доказывает, что место и литература взаимно нужны друг другу: пространство, лишенное памяти, вновь обретает свою историю и прошлое, литература же, в свою очередь, закрепляется в материи, являющейся следом прошлого».

Еще в предисловии к книге Леоцяк объясняет, что ему ближе позиция антрополога-архивиста, чем литературоведа. Собранные документы культуры за этот период, такие как сообщения довоенных и послевоенных времен, литературные тексты и т.д., дополнены картографическими работами или литературой по варшавоведению. Такой подход приводит к тому, что «Биографии улиц» содержат огромное собрание данных, которые, благодаря умелому использованию трансдисциплинарных методов с пограничья истории, литературы или географии — формируют комплексный и многосторонний нарратив на тему польских евреев в Варшавском гетто. Принятый Леоцяком взгляд хорошо отражен в названии книги. Автор сознательно смешает

значение понятия «биография», что этимологически означает просто написание рассказа о человеческой жизни, и адаптирует его к объектам из пространства. Заглавные «биографии» служат также для подчеркивания временного промежутка. Леоцяк изучает судьбы выбранных улиц так, как изучают чьи-либо жизнеописания: с рождения (включения в границы города) через созревание (то есть формирование характера улицы) до взрослоти, изобилующей драматическим опытом гетто, и краткого эпилога из современности. Автор представляет множество документов и следов, пользуется различными свидетельствами, чтобы по возможности полно реконструировать и описать своих героев. Он объединяет собранные материалы, упорядочивая их, создавая цельную линию жизни описываемых улиц и их обитателей. Эта широкая панорама исследований позволяет дать полное представление об образе жизни и смерти еврейской общины, с его многочисленными оттенками и нюансами.

Леоцяк прочесывает пространство Варшавы очень методично, как на историческом, так и на географическом уровне. Начинает он с предварительного, очень общего очерка истории еврейской общины в Варшаве и вида территории гетто с высоты птичьего полета. Таким образом, он предоставляет читателю карту, которая не позволяет тому потеряться при последующем блуждании между отдельными улицами и их историями. Географически путешествие в пространстве гетто протекает по линии север — юг, а по сути дела, юг — север, поскольку автор начинает свой рассказ с улицы Сенной, границы гетто, наиболее выдвинутой на юг. Это направление имеет и символическое значение: направляясь к северу, мы добираемся до самой улицы Ставки, до Умшлагплаца, откуда уезжали прямо в газовые камеры. Этот же путь одним августовским днем 1942 года проделали подопечные Януша Корчака вместе со своим опекуном. Это была дорога, как пишет Леоцяк: «через всё гетто, через весь мир. Через всю жизнь — до самой смерти».

Трудно писать о книге Яцека Леоцяка, не упомянув хотя бы словом о недавней напряженности в польской политике, а говоря точнее, на линии Польша — Израиль. Ведь в январе этого года Сейм принял изменения к закону об Институте национальной памяти (ИНП), которые предусматривали тюремное заключение за приписывание польскому народу либо государству ответственности за преступления, совершенные нацистской Германией. По своему замыслу, закон должен относиться, в частности, к формулировке «польские лагеря смерти», иногда используемой иностранными СМИ, однако значительная часть юридических и научных кругов опасается, что — будучи неточным и слишком неконкретно

сформулированным — он может послужить для затыкания ртов и наказания тех, кто проводит неудобные для Польши исследования на тему Холокоста, например, об участии в Катастрофе польских шмальцовников^[3]. Масла в огонь подлил и неудачный выбор даты оглашения закона — накануне Международного дня памяти о жертвах Холокоста.

Нет смысла распространяться о дипломатических последствиях такого шага, достаточно сказать, что внесенные изменения вызвали огромную волну критики со стороны Израиля и еврейской diáspory в США, а польская дипломатия не только не сумела погасить пожар сомнений и обвинений в попытках обелить польскую историю, но нередко, хотя иногда, конечно, непреднамеренно, еще и раздувает этот пожар. Например, в случае, когда премьер Моравецкий высказался в Мюнхене о «еврейских виновниках» Холокоста. Такая оплошность была не единственной, и, к несчастью для Польши, само выражение «польские лагеря смерти» начало делать в сети головокружительную карьеру.

Со временем жесткая позиция Польши была испытана на прочность столь же жесткой международной политикой. Вследствие этого, уже через несколько месяцев правительство в срочном порядке начало отказываться от самых спорных пунктов изменений, таких как наказуемость ложных утверждений об участии поляков в Катастрофе. Стратегия польского правительства, однако, сильнее всего отразилась не в международной плоскости, а внутри страны. Закон вызвал настоящую бурю в СМИ, язык комментариев в которой порой напоминал эхо позорного периода марта 1968 года.

Напряженная атмосфера рикошетом задела, в частности, проф. Барбару Энгелькинг, уже упомянутого выдающегося ученого, главу Международного освенцимского совета — консультативной структуры премьера по вопросам охраны памятников Катастрофы. Знаменательным был здесь комментарий вице-премьера, который намекнул, что при выборе нового председателя премьер должен руководствоваться «чувствами поляка». Неприязнь к проф. Энгелькинг, вероятно, связана с недавней публикацией книги «И не кончается ночь», посвященной участию поляков в преступлениях против евреев, соавтором которой является Энгелькинг. Еще до своего выхода книга вызвала много споров, а противники публикации утверждали, что она вписывается в антипольскую кампанию, цель которой состоит в очернении поляков. Напряженная ситуация в Польше после объявления об изменениях к закону об ИНП демонстрирует, что мы — как общество — по-прежнему не совсем понимаем, как справиться с такими трудными темами, какой, без сомнения, является, к

примеру, позиция поляков по отношению ко всему тому, что происходило в центре города, в Варшавском гетто.

Хотя Леоцяк не пытается сводить счеты с Варшавой из-за количества польских шмальцовников, он многократно обращает внимание на царившее безразличие поляков к тому, что делалось в гетто. Как выглядел мир за стенами, знали не только те, кто ездил через гетто арийскими трамваями. Однако часто механизм избирательного восприятия и игнорирования определенной реальности сводился к общим словам о том, что это, мол, не наше дело.

В интервью для журнала «Политика» Леоцяк замечает, что об осознании связи польско-еврейских судеб еще в 1945 году написал Стефан Киселевский, публицист, который после поражения Варшавского восстания, глядя на разрушенный город, понял, что «гетто пришло к нам, его дух овладел Варшавой. Большой город не понял предостережения, страшного *memento*, висевшего над ним, как мене-текел-фарес — делал вид, что не боится, что страха не существует, и вот страх выполз из мертвых закоулков Дзельной, Смочьей, Новолипья и овладел Варшавой».

Сегодня, через 75 лет после сожжения Варшавского гетто, книга Леоцяка напоминает о значении топографии и вписанных в нее историй. Показывая пальцем на конкретные места в пространстве, она напоминает: несмотря на то, что Варшава сегодня — совершенно другой город, стоит собраться с силами и отправиться в путешествие по ее улицам. Ведь, вооружившись необходимой впечатлительностью, мы можем выйти за пределы фасадов исторических фактов и связанных с ними политических конфликтов, открыв для себя совершенно другой багаж опыта, сформированного на этой конкретной улице — Сенной, Крохмальной, Холодной, Смочьей или Кармелитской.

Шестьдесят лет тому назад Станислав Ежи Лец написал стихотворение «Вдруг»:

Вдруг я открыл глаза,
я шел с песенкой на устах
через бывшее Гетто!

Милионы живых, убитых глаз смотрели на меня,
один я шел мертвым,
и только собственная кровь,
красная от стыда,
била меня по лицу

Книга «Биографии улиц. О еврейских улицах Варшавы: от рождения до Катастрофы» Яцека Леоцяка была издана в марте

этого года «Домом встреч с историей». «Биографии улиц» — продолжение проекта 2011 года «Взгляды на варшавское гетто». Новая публикация была расширена еще на шесть улиц (Сенная, Хлодная, Новолипки. Смочья, Низкая, Налевки), а также дополнена электронной версией и аудиокнигой.

Перевод Владимира Окуня

Яцек Леоцяк, Биографии улиц. О еврейских улицах Варшавы: от рождения до Катастрофы. Dom Spotkań z Historią, Варшава 2018.

-
1. Генерал-губернаторство — административно-территориальное образование на территории Польши, оккупированной нацистской Германией. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. В древнегреческой философии — деятельность, создающая нечто, чего прежде не существовало.
 3. Шмальцовник — шантажист, вымогавший выкуп у скрывавшихся евреев и помогавших им поляков, или за деньги доносивший на них немецким властям

Эльжбета Савицкая

Культурная хроника

Летом культурная жизни пышно расцветает в излюбленных отпускниками городах и веснях: фестивали, концерты, встречи с писателями — от Балтики до Татр. Всего не перечислить, напомним о некоторых.

По обоим берегам Вислы — в Казимеже Дольном и Яновце — отдыхающие и поклонники кино встретились во время XII Фестиваля кино и искусства «Два берега», организованного в конце июля — начале августа Гражиной Торбицкой, знатоком кино, популярной журналисткой и телеведущей, которая несколько лет назад оставила работу на Польском телевидении, чтобы полностью посвятить себя фестивалю. Несмотря на отказ от сотрудничества со стороны Общественного телевидения, фестиваль «Два берега» прошел удачно. В нынешнем году побит рекорд посещаемости — на показанные на фестивале фильмы было продано 34 тыс. билетов. Зрители получили возможность познакомиться с интересными работами зарубежных кинематографистов, такими как «Магазинные воришки» Хирокадзу Корээды, отмеченные «Золотой пальмовой ветвью» в Каннах, «Донбасс» Сергея Лозницы, «Книга образа» Нестора французского кино Жан-Люка Годара. Демонстрировались также известные польские фильмы, в том числе «Холодная война» Павла Павликовского, «Лицо» Малгожаты Шумовской, «Человек с волшебной коробкой» Бодо Кокса, польско-британский мультфильм «Твой Винсент». Среди гостей фестиваля была Магдалена Гжебалковская, автор книги «Комеда. Личная жизнь джаза». Дополнением к этому портрету знаменитого джазмена и автора музыки к фильмам стал концерт в замке в Казимеже: звучала музыка Кшиштофа Комеды в исполнении EABS, то есть «Electro-Acoustic Beat Sessions».

В Гдыне с 10 по 12 августа проходил Приморский читательский пленэр, то есть летние встречи с писателями и хорошей литературой. Проводившееся уже в седьмой раз, это мероприятие обращено и к тем, кто любит чтение, и к тем, кто к книге обращается «по слуху». Программа включала встречи с сорока любимыми и известными писателями; около 70 издательств подготовили богатое предложение книг по специальным ценам. Встречи с писателями проходили в популярном и красивом месте — на Приморском бульваре, а

среди гостей находились, в частности, проф. Ежи Бральчик, Михал Витковский, Малгожата Калицинская, Ханна Бакула, Marek Pшибылик. Организатор пленэра — город Гдыня, объединение «Книжные ярмарки» и акционерное общество «Murator EXPO» — исполнительный организатор Варшавских книжных ярмарок.

В августе в Щебежшине, живописном городке на востоке Люблинского воеводства, прошел фестиваль «Столица польского языка». Место проведения фестиваля выбрано не случайно: название городка известно по знаменитому стихотворению Яна Бжехвы, содержащему скороговорку «В Щебежшине жук жужжит в тростнике, и тем Щебежшин знаменит». Фестиваль напомнил о поэзии литературной группы «Скамандр», творившей в Польше в межвоенное двадцатилетие и считающейся «литературным откликом на обретение независимости в 1918 году». Группу создали Юлиан Тувим, Антоний Слонимский, Ярослав Ивашкевич, Казимеж Вежинский и Ян Лехонь, но с ней также были связаны, среди иных, Казимера Иллакович и Мария Павликowsкая — Ясножевская. Творчество «скамандритов» представили на фестивале такие выдающиеся актеры, как Тереса Будзиш-Кшижановская, Роберт Венцкевич, Майя Коморовская. Состоялось много встреч с писателями. В Щебежшин приехали, в частности, Веслав Мысливский и Ольга Токарчук. Главную награду фестиваля, премию «Человек слова», получила Майя Коморовская, актриса, воспитавшая несколько актерских поколений. Петр Дуда, директор фестиваля «Столица польского языка», сказал:

— Майя Коморовская, неустанно дарящая зрителям и слушателям самый прекрасный польский язык, показывает, что такое сегодня личная ответственность за слово. Наш лауреат — гранд-дама слова.

Во дворце в Неборове возле Ловича демонстрируется выставка мемориальных предметов берлинской ветви Радзивиллов «Памятные вещи из прошлого 1796—1945». На выставке представлены картины, литографии, серебро, фарфор, архивные документы. Среди жемчужин экспозиции — акварели Юлиана Фалата с изображением охотничьих сцен в замке Несвиж в Беларуси, а также брачный контракт Антония Генрика Радзивилла с прусской княжной Луизой Гогенцоллерн конца XVIII века. Коллекцию, включающую около 140 экспонатов, можно увидеть до конца октября.

В городе Свиноуйске с 20 июля по 3 августа собрались артисты со всей Польши по случаю проходившего в эти дни «Грехута-

фестиваля», посвященного Мареку Грехуте, певцу, композитору и поэту, умершему в 2006 году в Кракове. На фестиваль приехали Магда Умер, Артур Андрус, концертный коллектив варшавского музыкального театра «Рома», струнный ансамбль «Bella Cracovia Orchestra», группы «Джамбл» и «Анава», а также чешский бард Яромир Ногавица.

Один из самых известных в мире фестивалей фортепьянной музыки — Международный шопеновский фестиваль — уже в 73-й раз проводился в начале августа в Душниках-Здруе (Нижнесилезское воеводство). В программе музыкального праздника было около 20 симфонических и сольных фортепянных концертов. Приглашенные артисты, наряду с произведениями Шопена, исполнили также сочинения Игнация Яна Падеревского, Игоря Стравинского, Иоганна Себастьяна Баха, Людвига ван Бетховена, Роберта Шумана. Выступили такие, например, пианисты, как Сергей Бабаян, Алессио Бакс, Борис Гильтбург, Джонатан Плоурайт. А также многие польские исполнители. Меломаны смогли услышать, в частности, Эву Поблоцкую, Войцеха Свиталу, а также старейшину польского фортепянного искусства Лидию Грыхтолувну.

В августе в столице уже в четырнадцатый раз звучала музыка на фестивале «Шопен и его Европа». Название нынешнего фестиваля — «Независимая. От Шопена до Падеревского» — обусловлено празднованием столетия обретения Польшей независимости. Состоялось почти пятьдесят концертов, исполнялось свыше 240 произведений, выступили 91 артист и 18 коллективов.

— Фестиваль, — сказал Станислав Лещинский, арт-директор мероприятия, — дает замечательную возможность приблизить произведения, которые создавались во времена, когда Польша была разделена, но благодаря таким композиторам, как Носковский, Добжинский, Карлович, Ружицкий, Шопен и Падеревский, мы не утратили чувство национальной идентичности и позиции польской музыки в европейской культуре.

На открытии фестиваля публика услышала «Полонез для большого симфонического оркестра», специально заказанный Кшиштофу Пендерецкому. Несколько днями позже состоялось предпремьерное исполнение произведения Агаты Зубель «Fireworks», которое представил «European Union Youth Orchestra». Композиция была создана по заказу Института Адама Мицкевича к 100-летию обретения Польшей независимости. Исключительным событием фестиваля стала «Галька» Станислава Монюшко. Опера по либретто Владзимежа

Вольского впервые исполнялась на исторических инструментах, в авторской итальянской языковой версии.

С 25 августа по 2 сентября в столице проходил XV Фестиваль еврейской культуры «Варшава Зингера». Программа включала в себя спектакли варшавского Еврейского театра: музыкальную комедию «Чумеш лидер» на основе стихотворений Ицика Мангера и спектакли «Вера Гран» и «Ида Каминская». В сотрудничестве с варшавским «Театром польским» специально к фестивалю был подготовлен спектакль под названием «Несколько иностранных слов по-польски» в постановке Анны Смоляр, являющейся попыткой вернуться к событиям марта 1968 года, благодаря встречам с детьми эмигрантов. Свои спектакли привезли также два коллектива из Израиля — «Идишпиль» и «Нефеш». В цикле «Библиотека еврейской литературы — читают мастера» Мацей Штур представил фрагменты произведений Шолома Аша, а Майя Коморовская — Аврома Суцкевера.

Необычная выставка в Еврейском институте в Варшаве — «РЕГЕНЕРАЦИЯ. Еврейская жизнь в Польше / Jewish Life in Poland». Экспозицию составили 73 черно-белых фото снимка, автором которых является американский фотограф Чак Фишман, четырежды отмеченный наградами «World Press Photo». Первые снимки отделяют от самого позднего 43 года. Эти первые фотографии Фишман сделал в 1975 году, запечатлев встречу с польскими евреями — последними выжившими и немногочисленными наследниками более чем 3-миллионной еврейской общины, которая почти полностью была уничтожена в Холокосте, а затем сокращена очередными волнами послевоенной эмиграции. Фотографии должны были стать фиксацией завершения многовековой истории еврейской общины в Польше. А новые снимки, выполненные уже после 2000 года, иллюстрируют беспрецедентное возрождение национальной еврейской жизни и культуры в Польше. «Фишман, — пишет Станислав Краевский, деятель еврейского меньшинства в Польше, — был по-настоящему поражен появлением в Польше новых поколений евреев. Понятно, что он также интересовался соответствующими институциями — такими, как завоевающий европейские музейные премии музей ПОЛИН, и такими событиями, как конкурирующие между собой мероприятия в связи с годовщинами Марта-68, как восстание в гетто. Есть много примеров того, сколь большую роль играет еврейство в жизни современной Польши. А ведь сорок лет назад было совершенно иначе: в публичном пространстве еврейская тематика была преимущественно табуирована: исключение составляли

военные события — конечно же, за исключением тех, которые могли представить поляков в дурном свете. Уже более четверти века все по-другому: евреи — это заметная часть польского мира, и в лучших, и в худших его проявлениях». Выставка будет открыта до 28 октября.

Прошения

17 июня в Варшаве в возрасте 90 лет умерла Иоанна Кульмова, поэтесса, прозаик, переводчик, которую называли польской Астрид Линдгрен. Иоанна Кульмова была автором более 20 сборников стихов и сказок для детей, на которых выросло несколько поколений. Писала также для взрослых. В ее наследии — проза, произведения для сцены, для радио, телевидения, оперные либретто. Была членом Ассоциации польских писателей, в 90-е годы выполняла функции председателя варшавского отделения Ассоциации. За выдающиеся заслуги перед польской культурой в 2012 году награждена Командорским крестом ордена Возрождения Польши. Ее творчество было отмечено золотой медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis», «Орденом Улыбки», медалью Объединения друзей книги для молодежи IBBY. Ей был присвоен титул почетного доктора Щецинского университета. Уже посмертно за поэтический сборник «37» стала лауреатом премии им. Константы Идельфонса Галчинского «Орфей».

22 июня умер Марек Каревич, фотохудожник, специализировавшийся на снимках джазовых и рок-музыкантов. Был также музыкальным журналистом, радиокомментатором и ведущим радиопрограмм джазовой музыки. «Легенда, икона, альфа и омега польского джаза и биг-бита, король фотохудожников, эталон элегантности, светский лев, бонвиван», — написал о нем главный редактор журнала «Jazz Forum». В своем архиве Каревич собрал около двух миллионов негативов. Он фотографировал почти всех польских джазовых музыкантов, а также многих мировых звезд, в числе которых Майлс Дэвис и Рэй Чарльз. Являлся также автором около полутора тысяч обложек для пластинок. Мареку Каревичу было 80 лет.

28 июля в своем доме в Ближове (Люблинское воеводство) умерла Кора (Ольга Сипович, по первому мужу Яцковская), легенда польского рок-н-ролла. Концертировала вместе с группой «Maanam» с 1976 по 2008 год, выпустила вместе с нею одиннадцать альбомов. Песни Коры вошли в историю польской музыки. Она была автором таких хитов, как «Люблю тебя, моя любовь», «Цикады на Цикладах», «Божественный Буэнос», «Старые миражи». Выступала также сольно. Свой последний

альбом «Пинг-понг — маленькие свободы» выпустила в 2012 году. Войцех Манн, прощаясь с Корой на варшавском кладбище «Повонзки», сказал:

— Ей суждено было жить в разных фазах истории нашей страны. Сначала был коммунизм, потом коммунизм с человеческим лицом, потом были разные завихрения, потом «Солидарность», потом военное положение, демократия, а под конец — пародия на демократию. И через все эти периоды Кора прошла с высоко поднятой головой и четкими, выразительными взглядами. На ее флаге всегда было начертано — «свобода».

Коре было 67 лет.

29 июля в Варшаве скончался Томаш Станько — один из крупнейших музыкантов в истории польского джаза, трубач, композитор, аранжировщик, лидер многих коллективов. Его ценили во всем мире, в том числе в Соединенных Штатах, где он прожил несколько лет и часто выступал с нью-йоркскими джазменами. Важным этапом в творческой биографии Станько явилось сотрудничество с Кшиштофом Комедой; он дебютировал с новым квинтетом Комеды на фестивале «Джаз-Джамбори» в 1963 году, а два года спустя вышла пластинка Комеды «Астигматик» с участием трубача — выдающийся альбом в летописи польского джаза. Квинтет Станько в 1968–1973 годах ставили в один ряд с лучшими группами в истории отечественного джаза. Музыкант записал около 40 авторских альбомов, писал музыку для кино. Был неоднократно награжден, в 2003 году первым из польских джазменов получил Европейскую джазовую премию. Томаш Станько прожил 76 лет.

30 июля в возрасте 75 лет в Кракове умерла профессор Мария Дзельская — историк, филолог-классик, переводчик исторических источников. В течение многих лет она преподавала в Ягеллонском университете.

Специализировалась, главным образом, на истории позднеантичного Рима и ранней Византии. Автор таких работ, как «Гипатия Александрийская», «Аполлоний Тианский. Легенда и действительность».

31 июля в возрасте 47 лет умер Игорь Мецик, известный журналист, обращавшийся в своих репортажах преимущественно к российской и украинской тематике. Начинал в «Газете выборчей», работал в «Политике», в польском издании «Newsweek», на телеканале TVN24. Был отмечен многими премиями, в том числе премиями Ассоциации польских журналистов и «Международной амнистии». Выпустил несколько репортажных книг, таких как

«14–57 до Читы. Репортажи из России», «Катюша со штыком. 14 секретов СССР», «Сезон подсолнухов». Писал о трагедии «Курска» и о войне в Донбассе. Дважды был лауреатом «Grand Press». «Я с детства двуязычный, — рассказывал журналист в одном из интервью. — Мама, русская, разговаривала со мной по-русски, отец, варшавянин, — по-польски. Ребенком часто ездил к маминой родне, благодаря чему знаю не только Россию, но и Советский Союз».

3 августа умер Петр Шулькин — режиссер фантастических фильмов, а также писатель и художник. Он снял шесть полнометражных художественных фильмов: «Голем» (1979), «Война миров. Следующее столетие» (1981), «О-би, о-ба. Конец цивилизации» (1984), «Га, га. Слава героям» (1985), «Фемина» (1990), «Король Убю» (2003). Был также автором короткометражных лент, постановщиком спектаклей Театра телевидения. Его видение мира формировали такие авторы, как Альфред Жарри, Славомир Мрожек, Бертольт Брехт или Курт Воннегут. В своих фильмах, по мнению Тадеуша Соболевского, показывал «мир, подвергнутый тотальной манипуляции. Поклонники Шулькина уже давно установили, что его фильмы, снятые в период ПНР, имеют пророческий смысл. Эти фильмы говорят о чем-то большем, чем о плохой власти, приходящей извне, — они говорят о нас». Режиссеру было 68 лет.

11 августа в возрасте 88 лет в Варшаве скончался Казимеж Карабаш, создатель польской школы документального кино, выдающийся режиссер и наставник многих поколений кинематографистов. Среди его учеников, например, Кшиштоф Кеслёвский. В 50-е годы Карабаш создал так называемую черную серию, то есть более десятка документальных фильмов, показывающих стыдливо скрываемые аспекты жизни в ПНР. В следующее десятилетие были созданы наиболее значительные его фильмы, такие как «Музыканты», «Люди в пути», «Узел», «На пороге», «Год Франека В.» Работы режиссера неоднократно отмечались премиями, среди которых гран-при фестиваля в Лейпциге, «Золотые львы» Венецианского фестиваля, главные призы кинофестивалей в Оберхаузене и в Сан-Франциско. Казимеж Карабаш стал первым в истории режиссером-документалистом, получившим титул почетного доктора Лодзинской государственной киношколы.

Гжегож Зегадло

Богини не умирают



Кора. Фото: T. Rolke/Agencja Gazeta

28 июля умерла Кора (Ольга Сипович) — рок-вокалистка, поэтесса, бескомпромиссная, сильная личность польской культуры

Я сидел на траве, где-то в центральной Норвегии, ни о чем не ведая, и вглядывался в небо, на котором с полуночи понемногу прибывала луна, когда в своем любимом доме на Расточье^[1] среди самых близких уходила Кора. Мои знакомые уже давно разошлись по палаткам, а я всё всматривался в растущий диск света, не в силах оторвать от него глаз. Я понятия ни о чем не имел, да и откуда? Папарацци, не знавшие дороги через лес, застряли в болотах Расточья, мой телефон был вне зоны действия, а утром я продолжил путешествие.

Началось лишь через несколько дней. Все великие и малые высказывались, пытаясь найти ответ на поставленный (чаще всего, самим себе) вопрос — кем была Кора? От пронзительных воспоминаний Магдалены Сьроды^[2] в «Газете выборчей» до невнятных бредней журналиста из «Онета»^[3]. Огромный разброс, крайне противоречивые мнения.

В этом нет ничего удивительного, ведь, как вспоминает Хенрика Божняж^[4]: «С Корой у людей проблемы. Многим хотелось бы наклеить на нее ярлык и успокоиться. Но Кора заставляет нас задуматься: что в ней такого есть,

И Кора задачи никак не облегчает. В книге Камиля Сиповича «Хиппи в ПНР» она поражает нас таким признанием: «Быть артистом — это не счастье. То, что артист реализовал себя — это счастье, но артистом нужно родиться.

Подводя итог своей жизни, я думаю, что чувствую себя личностью, до конца раскрывшейся в артистическом смысле. На самом деле, мне всю жизнь хотелось воссоздать рай моего детства. Оказывается, что нельзя дважды войти в одну реку, но это совсем не означает, что не следует возвращаться к этим прекраснейшим образам. Теперь я вдруг обнаруживаю, что тот пейзаж был поменьше, но и я была меньше. И оставалась с тем, что всегда было для меня спасением: с природой и с книгой. Но поскольку я и так всю жизнь была одинока — это мне как раз не мешает. Больше всего мне нравился лес... я уходила в лес через эти луга, пряталась там, словно какой-то кабан. До сих пор вижу этот пейзаж. Это те самые корни. Я должна работать, очень по-индейски...».

Нет причины не верить ей, но... Что это, собственно, такое? Самосовторение? Вытеснение? О каком «рае детства» говорит артистка? О том, в краковском подвале, где они жили всемером на площади 30 квадратных метров, с большой туберкулезом матерью и слишком часто пьяным отцом? Или, может быть, она имеет в виду сиротский приют «Каритаса»^[5] в Йорданове, где монахини били ее четками или мазали экскрементами за испачканные трусы? Не думает же она о сексуальных

домогательствах со стороны священника, которым она подверглась в возрасте десяти лет?

Магдалена Сьрода утверждает, что Кора ненавидела свое детство. Пребывание в приюте, как и последующий травматический опыт общения с церковниками, на всю жизнь оставили на ней антикатолический отпечаток. Она ненавидела духовенство, религиозную мораль, церковную иерархию и иерархов, лицемерие, ханжество и высокомерие. Кора говорила: «Если бог существует, то лишь в человеке и в природе. Если во мне вообще есть какая-то вера, то лишь в человека и в природу».

Так, где же этот рай? Может быть, это первые четыре года жизни, когда обожавшая ее мать называла ее Пёсиком или Конфеткой. Может быть, время, проведенное у тетки в Яблоново-Поморском, куда девятилетнюю Ольгу отправили после смерти отца. А может, это период, когда после серой жизни наступил красочный этап. Этого мы уже не узнаем. В шестидесятые годы она уже подросток, ее по-прежнему зовут Ольга Островская. Очень непокорный подросток. Эмоционально неуравновешенный, внутренне растрепанный, шальной подросток. Много раз она убегает из дома и, наконец, становится Корой. Именно в этот период она знакомится с Псом — Рышардом Терлецким. Как она сама вспоминает, она влюбляется в него первой, романтической любовью. Тогда всё было впервые... Пёс вводит ее в среду хиппи, в которой она, однако, не найдет успокоения. Несмотря на это, она уже не вернется домой, поскольку контакты с контркультурой дают ей шанс найти прибежище. Итак, она поселяется у ее представителей — у Психолога (Марек Зволинский) в Варшаве, в Krakове — у известного перформера Кшиштофа Немчика, иногда недолго живет в коммунах. Наконец, в «Подвале под баранами» во время одного из концертов группы «Оссиан» она знакомится с Мареком Яцковским. Как много лет спустя она вспоминает в разговоре с Сиповичем, она как будто нашла, в конце концов, столь необходимый ей покой, надежную пристань, которую обеспечивал ей увлеченный восточной культурой Яцковский.

Вскоре, в возрасте двадцати лет, она выходит за него замуж, рожает первого сына, через несколько лет второго. Ее жизнь начинает упорядочиваться, а сама она — реализовываться как артистка.

Она дебютирует в ансамбле «Оссиан» на подпевках. Мило Куртис, один из основателей «М-а-М» (дуэта с Яцковским), вспоминает сегодня, что уже тогда предсказывал ей артистическую карьеру. Однако лишь в 1976 году, когда группа изменяет название на «Маанам Электрический Душ», Кора

выступит в роли новой польской frontwoman. Одновременно она дебютирует в качестве соавтора и, наконец, автора текстов. Что тем более важно, потому что именно тогда мир разглядит в ней поэта.

Наступают восьмидесятые годы и неожиданный успех группы, начало которому положило яркое выступление на фестивале в Ополе в июле 1980 года, где Кора спела «Божественный Буэнос» — культовую до сих пор песню с собственным текстом. Это выступление в один миг сделало ее звездой, что даже саму ее привело в изумление и замешательство. Уже в том же году группа записывает дебютный альбом «Маанам», а за ним и следующие: «О» и «Ночной патруль», — появляются перспективы карьеры, в том числе международной. Группа подписывает контракты на гастроли в Германии и Голландии, начинает сотрудничать с фирмой грамзаписи RCA. Хоть «Маанам» и не покорил весь мир, восьмидесятые годы выглядят непрерывной полосой успехов. Однако некоторым членам группы этот успех, похоже, ударяет в голову, потому что к концу десятилетия художественный уровень начинает снижаться. Кора разводится с Яцковским и сходится с Сиповичем, группа распадается, Марек начинает злоупотреблять алкоголем.

В девяностые годы артистка предпринимает попытку реактивации «Маанама», она сотрудничает и с Яцковским (он станет ее сопродюсером), реализует себя в качестве солистки. Похоже, что возвращается полоса удачи. И когда уже кажется, что с этого момента всё будет только лучше, приходит болезнь. Не сразу распознанная. Ошибочные диагнозы врачей усыпляют ее бдительность, она лечит желудок.

Союз с Сиповичем, уже зрелым журналистом, художником и философом, а к тому же невероятно заботливым человеком, приводит Кору к глубоким духовным переменам. Теперь это женщина, которая ищет духовности, любви, метафизики. Она также чаще, чем прежде, высказываетсь на политические темы, участвует в дискуссиях об abortах, сексуальных домогательствах, роли Церкви в общественной жизни. Борется с авторитаризмом, глупостью и серостью. Она быстро становится «иконой свободы».

Несмотря на прогрессирующую болезнь, она, особенно в последние годы, активно участвует в общественной деятельности, подписывается под каждым письмом протеста против происходящего разрушения страны.

Кора неохотно покидает свое любимое убежище — дом ее мечты на Расточье. Здесь она самореализуется, окружая себя прекрасными людьми и красивыми предметами. И животными. В первую очередь, животными. Кошки, собаки, альпаки. Животные населяли все ее прежние дома, но именно

здесь, на Расточье, она могла жить с ними в полном симбиозе. В этом тоже есть метафизика.

Метафизической была и ночь ее смерти. Многие ощутили эту метафизику, включая меня. О самой смерти ничего умного не скажешь. Почти всё, что было сказано и написано, это, на самом деле, банальности. Исключением был муж Магдалены Сьроды, который на известие, что Кора умирает, будто бы сказал: «Это невозможно. Богини не умирают».

А точнее всех, кажется, передал эту невозможность Михал Витковский. Автор романа «Любиеvo» написал: «О Ее смерти я не сумею сказать ничего. Как человек неверующий, я остаюсь с пустыми руками. Я сказал бы что-нибудь на прощанье, но некому». Я тоже не сумею.

В ту ночь, когда безумствовали планеты, Луна, наконец, вышла из-за туч и сказала:

— Пойдем.

И она пошла.

Было 28 июля, 5:28 утра. Уже совсем рассвело. На траве, на ткани палатки и на моих волосах лежала роса, а я всё еще ничего не знал.

Перевод Владимира Окуня

1. Расточье — холмистая гряда на территории Польши и Украины — Здесь и далее примеч. пер.
2. Магдалена Сьрова — польский философ, социолог, участница движения феминисток.
3. Onet.pl — крупнейший польский интернет-портал.
4. Хенрика Бончняк — польский экономист и политик.
5. «Каритас» — католическая благотворительная организация.

Из песен Коры

*

Эта ночь на другие не похожа
Я лежу тихо, тихо, с тобою бок о бок
Час проходит за часом

*

Медленно плывут, медленно плывут лодки
На краю света, на краю встает солнце
Чем медленнее, тем красивей
Долина боли шире, шире
Медленно плывут, медленно плывут лодки

*

А планеты несутся, несутся, несутся и смеются, смеются,
смеются

А планеты несутся, несутся, несутся и смеются, смеются,
смеются

*

Не оценивай меня
Ни лучше, ни хуже
Ты просто будь, просто будь и смотри

*

Жду ветра, который распорет
Спутанные темные шторы
Стану вмиг у окна
Солнцу гляну в глаза

*

Цикады на Цикладах^[1]
Цикады на Цикладах
В ночь, когда падают звезды
И дискотека гремит

*

Уйдешь, но весь в помаде
Останется бокал
Пускай она вернется
И спросит еще раз
Whose that lipstick on the glass?^[2]

*

Люблю тебя, а Любовь моя —
Расставанья и возвращенья
И вдруг перезвон, и в теле огонь
Вот так я тебя люблю

*

Только потому, что ты никто

Можешь поболтать с другим человеком
Жизнь богата, полна секретов
В сером человеке, в сером человеке
*

Холодный край, холодный май
Кошки спят, город спит
Колдовские снятся сны
*

Так дней пролетело немало
А дерево стоит, как стояло
Под деревом сидит одиноко
Живое-неживое мое тело
Обидишь меня — так сгинешь

*

Хочу еще разок съездить в Европу
Или еще дальше в Буэнос-Айрес
Многое можно узнать в поездках
Путешествовать — это классно

*

Зачем ты меня топчешь
И для чего косишь
Хочу расти и вянуть
Как мне угодно, угодно

*Выбрал Гжегож Зегадло
Перевод Владимира Окуня*

-
1. Циклады (Киклады) — архипелаг в Эгейском море — Примеч. пер.
 2. Чья это помада на бокале? (англ.)

Юлиуш Кшижевский

Стихотворения

Отступление

Мы ехали цепью вдогонку за ночью
сквозь мертвый туман, раздираемый в клочья,
и он опускался, в хребте перебит,
на звезды, летящие из-под копыт.

Луны молодой золотая подкова,
повиснув над дверью небесного крова,
сияла, и все наши помыслы к ней
тянулись шеренгами млечных путей.

(Один из нас в очи заглядывал бездне,
другой озорную насвистывал песню,
один проповедовал, словно оракул,
другой задремал, а очнувшись, заплакал,
один произнес то, что думал другой,
и каждого мгла обступала стеной).

Мы ехали цепью вдогонку за ночью,
нам злые ветра надавали пощечин,
а ветви деревьев, пустившихся в пляс,
как крылья, росли за плечами у нас.
И в мутном прибое тумана седого
коней торопили мы снова и снова,
теряя, с надеждой своей заодно,
дороги прямой каменистое дно.

(Один размышлял о последнем пороге,
другой за винтовку хватался в тревоге,
один посмотрел на другого и вдруг
увидел кровавой зари полукруг,
другой подавил в себе крик что есть силы,
и каждый кричал, и не слышно нас было).

27.03.1940

Смерти я не боюсь. Что зубовный мне скрежет,
если каждая ночь пополам меня режет

и кладет на глаза мне под звон околосиц
пятаки своих век, серебристых, как месяц?

Я боюсь своей жизни, когда, через силу,
все брошу в темноте, вижу чью-то могилу

и, не вторя протяжному бабьему вою,
я, живой, застываю над мертвым собою.

Смерти я не боюсь. Чем верней я умру,
тем душе будет легче на стылом ветру.

13.09.1941

Самолеты

Прощается с твердью земной эскадрилья,
мы все приколочены к небу за крылья.
На этой Голгофе, где хлещет свинец,
нам впору созвездий терновый венец,
и губкой, пропитанной уксусом жгучим,
к устам нашим тянется месяц сквозь тучи,
покуда планету бескорнищ и драк
сжимает грозящий нам снизу кулак.

Под утро, промчавшись по летному полю,
огромные стерхи, мы рвемся на волю,
обшивку седой непогоды вспоров,
взлетаем над мутной грядой облаков
и лишь оперение молний блестящих
роняем на землю, сыгравшую в ящик.

О, как бы хотелось над полчищем звезд
развеять рутину насиженных гнезд,
назад никогда уже не возвратиться
и в небе остаться, как роза в петлице.

Но вот, не уйдя от беды неминучей,
как градины летом в припадке падучей,
как листья на плахе осеннего сада,
как огненный ливень в разгар звездопада,
как воинство сброшенных колоколов,
мы падаем, мир пополам расколов.

Напрасно пытаются правду о павших
узнать по скелетам обугленным нашим,
и только на крыльях, пошедших в утиль,
остались стигматы да звездная пыль.

20.03.1940

Dans le brouillard^[1]

Не имеет значения, где (в гостиничном номере,
в далеком глухом лесу, на берегу реки,
вспоротом волнами и крыльями ласточек)
— всюду приму я смерть от любви.

На чужом языке нежность прошепестит приговором,
сердце стиснув, придержит меня за плечи,
скрипнет рамой окна, как когда-то,
повеет запахом сосен,
рыбьим блеснет плавником, из воды показавшись.

Запоет гостиничный лифт, телефоны от крика охрипнут,
в чаще лесной упадет одинокое дерево,
месяц слезой растворится в реке.

Автомобиль отвезет мое бедное тело
из морга на кладбище.
Без рыданий, стонов и жалоб.

Самоубийц на рассвете хоронят, когда идет дождь
во мгле, распахнутой
на Монмартре.

Варшава, 1.07.1943

Импровизация

Можешь меня не любить. Боже мой,
ты знаешь, что думаю я о любви:
чувство из чувств, румянец, огненный взгляд,
круги под глазами — печати бессонных ночей.
Сердце твое я отдаю голубям.

Не люби меня... Но водки выпей со мной,
но опутай ночью телом своим
на простыне белоснежной, где месяц
рассыпал осенние пятна листвьев.

Мне довольно твоего тела. Блеск поцелуев
оставит свой горький вкус, а памяти узел
туго вольется в плоть, как цветущие бедра,
о которые тень ночных бабочек бьется.

Не пытайся бежать. Не поможет ложь,
не помогут руки, воздетые к небу...
Я внезапно приду, успокою, утихомирю,
губами тебя усмирю, убаюкаю грудью,

обниму руками колени и бедра твои...
сердце над сердцем стисну...

Мендзылесье, 31.10.1942

Modus vivendi^[2]

Можно жить с размахом, хлестать каждый день вино,
шляпу носить набекрень, не брать в ресторанах сдачи,
щедро сорить деньгами и чувствами заодно,
мужественно перенося все свои неудачи.

Можно также, застряв навеки в деревне, в глухи,
все понять и про жизнь, и про грядки в лучах заката,
не давая выход движеньям своей души
за пределы семейного круга и своего повята^[3].

А можно жить еще так, как я живу, например:
носить черный шелковый галстук, зимой и летом
одеваться неброско, быть образцом хороших манер,
оставвшись скромным, забытым после смерти поэтом.

Варшава, сентябрь 1943

Перевод Игоря Белова

-
1. Во мгле (фр.)
 2. Образ жизни (лат.)
 3. Повят — административно-территориальная единица в Польше, приблизительно соответствующая российскому муниципальному району.

Игорь Белов

Поэт-рыцарь



Юлиуш Кшижевский, 1939 г. Фото: Archiwum rodziny Krzyżewskich.

В сентябре 1943 года поэт Юлиуш Кшижевский в стихотворении «*Modus vivendi*» писал:

...можно жить еще так, как я живу, например:
носить черный шелковый галстук, зимой и летом
одеваться неброско, быть образцом хороших манер,
оставвшись скромным, забытым после смерти поэтом.

Это предсказание сбылось лишь отчасти. После окончания Второй мировой войны о Кшижевском действительно забыли. Его стихи ждали встречи спольским читателем более тридцати лет, пока в 1978 году издательство «Państwowy Instytut Wydawniczy» не выпустило собрание стихотворений Кшижевского с предисловием Ярослава Ивашкевича и

послесловием Петра Мицнера. Российский читатель открывает для себя поэзию Кшижевского только сейчас.

Юлиуш Кшижевский родился 28 января 1915 года в Ломже. Своего отца он не помнил – Богдан Кшижевский, подхорунжий польской кавалерии, погиб в 1919 году на советско-польском фронте. Нрав у мальчика был неспокойный, и мать отдала его учиться в кадетский корпус в Хелме, откуда он, впрочем, был отчислен. Затем Юлиуш оказался в интернате монахов-пиаристов в Кракове, откуда, в свою очередь, сбежал сам. В сентябре 1935 года он начал учебу в 3-ей городской варшавской гимназии, которую окончил в мае следующего года.

Стихи Кшижевский начал писать еще школьником, познакомившись в Кракове на уроках танцев со своей будущей женой Марией Петровской и без памяти в нее влюбившись. Вскоре состоялась и его первая публикация – в сентябре 1935 года в газете «Кузня молодых» было опубликовано его стихотворение «Словацкий». Той же осенью там были напечатаны еще три стихотворения Кшижевского – «Плоты», «Теням отца» и – в номере, посвященном Жеромскому – «Цезарию Барыке». Тогда же, живя у дяди и тети в Подкове-Лесьной, молодой поэт познакомился с Ярославом Ивашкевичем, который быстро понял, что перед ним – подлинный и при этом очень динамично развивающийся поэтический талант.

Сдав экзамен на аттестат зрелости, Кшижевский еще год учился в Центральной школе кавалерии в Грудзёндзе, потом некоторое время изучал право в Варшавском университете. До начала войны он напечатал несколько своих стихотворений в «Скамандре», «Утре труда» и «Литературно-научном курьере». В апреле 1938 года женился на Марии Петровской, а 7 февраля 1939 года у них родилась дочь Эва, ставшая впоследствии известной актрисой (одной из ее первых работ в кино была роль Кристины в культовом фильме Анджея Вайды «Пепел и алмаз»). В том же году Кшижевский начинает работать на Польском радио инспектором радиовещания, иногда выступая и в качестве диктора. Именно Юлиуш Кшижевский 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, прочитал по радио обращение к польскому народу президента страны Игнация Мосцицкого.

В составе 5-го полка Заславских уланов Кшижевский принимал участие в сентябрьской кампании, сражался в восточной части Польши. После капитуляции поэт вернулся в Варшаву. Во время оккупации он много пишет – причем все лучше и лучше. Для его стихов военного времени характерен возвышенный

романтизм, при этом они насыщены сложными и яркими метафорами, а ритм во многом напоминает боевой марш. Одно из самых известных стихотворений Кшижевского того времени – «Отступление», написанное в марте 1940 года. В нем слышатся отзвуки светловской «Гренады», которая наверняка была известна Кшижевскому в замечательном переводе Юлиана Тувима:

Мы ехали цепью вдогонку за ночью,
нам злые ветра надавали пощечин,
а ветви деревьев, пустившихся в пляс,
как крылья, росли за плечами у нас.
И в мутном прибое тумана седого
коней торопили мы снова и снова,
теряя, с надеждой своей заодно,
дороги прямой каменистое дно.

Пишет Кшижевский и любовную лирику, тем более, что личные обстоятельства этому всячески благоприятствуют – в период оккупации у него происходит бурный роман с пианисткой Кристиной Ястжембской. По одной из версий, именно окружение Кристины способствовало радикализации патриотических взглядов поэта, что и побудило его вступить в подпольную Армию Крайову и принять участие в Варшавском восстании.

В дни восстания Кшижевский был командиром взвода, сражался в варшавском районе Воля, где вместе с товарищами по оружию уничтожил немецкий танк. Неоднократно совершал рискованные рейды в тыл врага. В середине августа его взвод был брошен на защиту монастыря сестер-каноничек на улице Белянской, в районе Театральной площади, и находящегося рядом костела св.Андрея, который повстанцыдерживали в течение двух недель. В здании этого костела Юлиуш Кшижевский и погиб 26 августа 1944 года от пули немецкого снайпера.

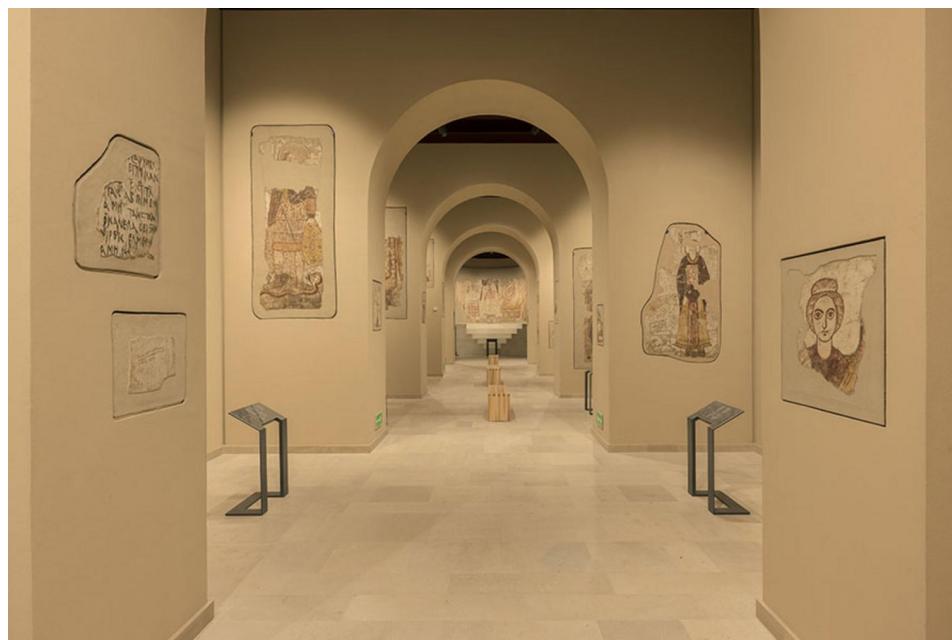
Он принадлежал к гениальному предвоенному поколению, давшему польской литературе таких ярких поэтов, как Кшиштоф Камиль Бачинский и Тадеуш Гайцы, и безжалостно выбитому свинцом. И в этой славной плеяде Юлиуш Кшижевский заслуженно занимает далеко не последнее место. Именно о нем замечательно написал Ярослав Ивашкевич, для которого гибель Кшижевского стала серьезной потерей: «Он один из тех архангелов гнева и скорби, которые, улетая с поля битвы, составили Олимп поэтов-рыцарей, ставший предметом восхищения младших поколений».

Александра Суликовская-Белчовская

Чудо из Фараса в Варшаве



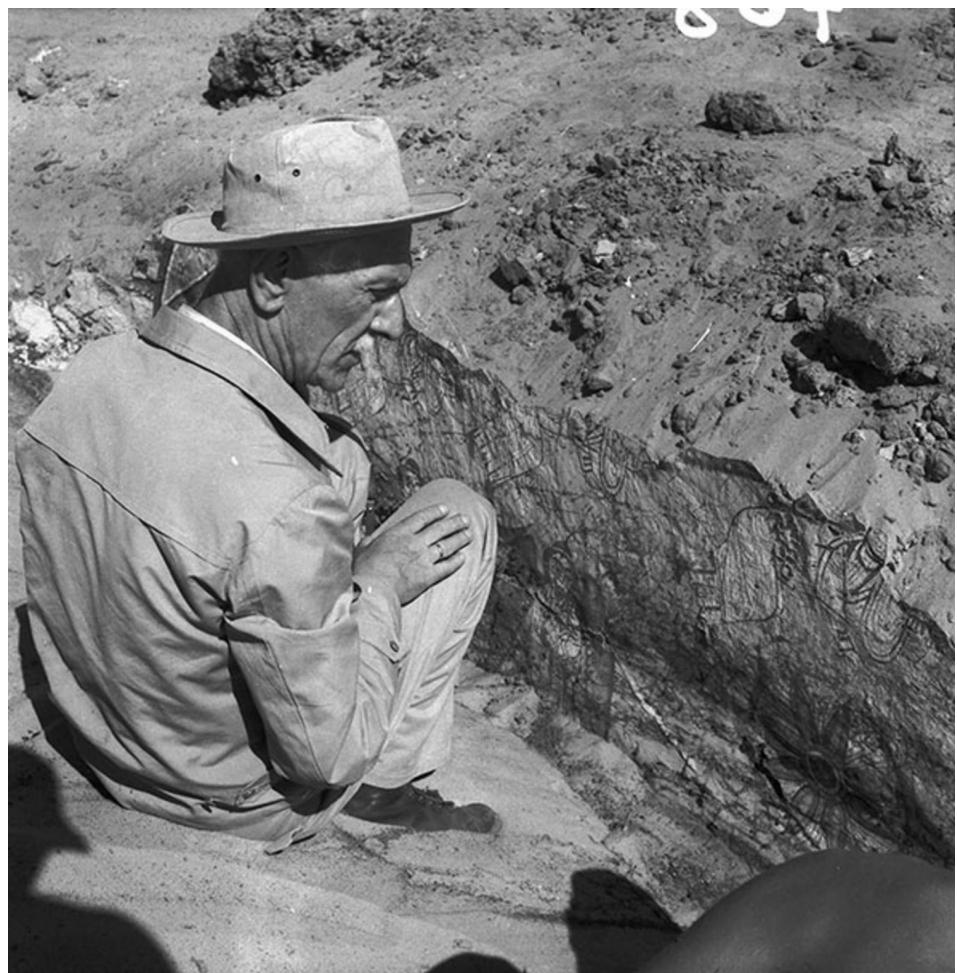
[см. галерею] 1. Большой ком в Фарасе. Перед началом археологических работ, фот. Тадеуш Биневский.



2. Галерея «Фарас» в Национальном музее в Варшаве, вид в сторону апсиды, фот. Николя Гропьер.



3.Интерьер собора в Фарасе. Восточная стена северного нефа,
Рождество Христово, фот. Тадеуш Биневский.



4. Открытие фрески в северном нефе собора. Проф. Казимеж
Михаловский, фот. Тадеуш Биневский.



5. Матерь Божья Елеуса, Фарас, XII–XIII в., темпера по штукатурке, инв. № 234045 MNW, фот. Збигнев Долиньский, Петр Лигер.



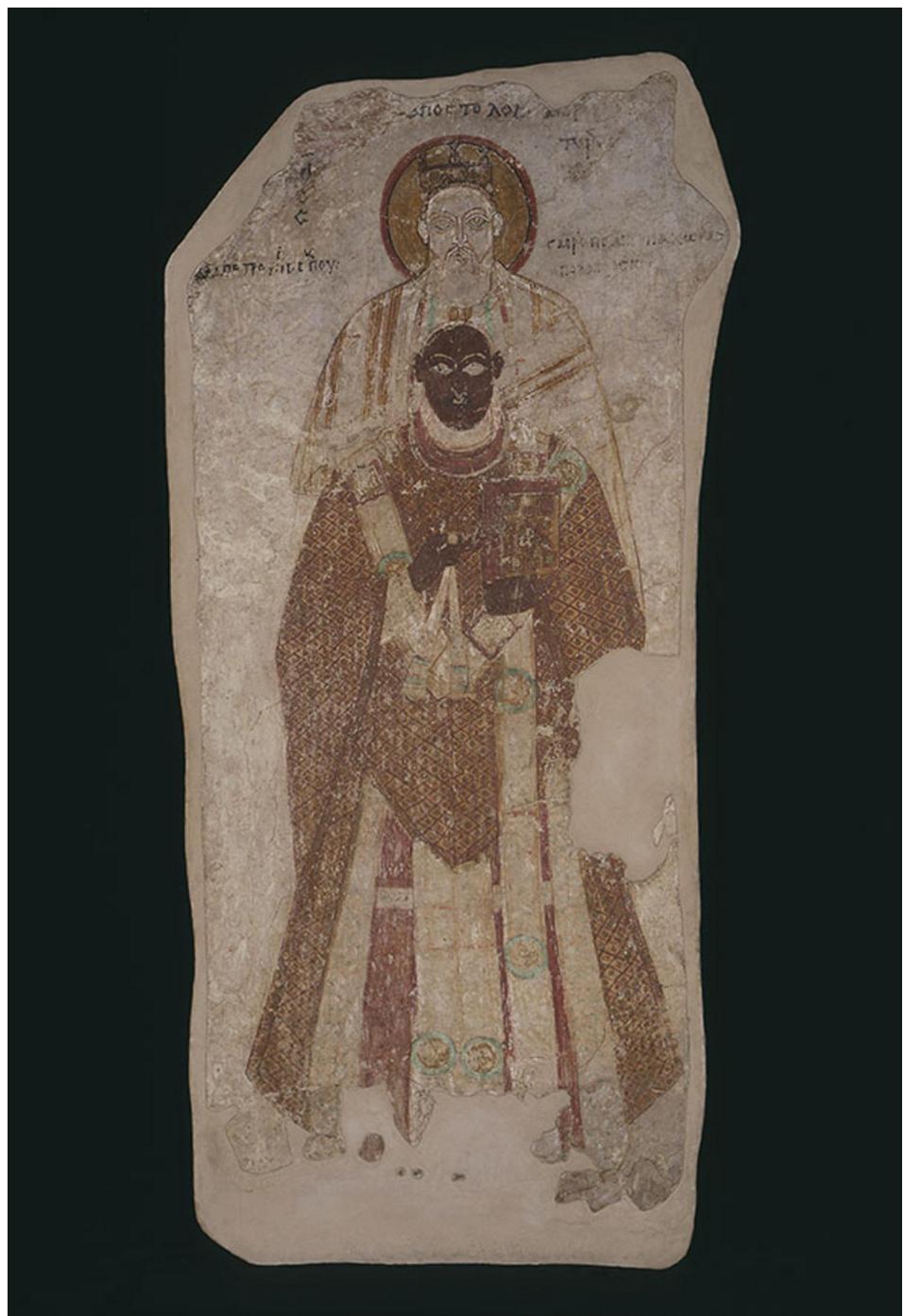
6. Галерея «Фарас» в Национальном музее в Варшаве, фрески с изображениями ангела и креста, фот. Николя Гропьер.



7. Св. Анна, Фарас, VIII-1 половина IX в., темпера по штукатурке, инв. № 234058 MNW, фот. Петр Лигер.



8. Галерея «Фарас» в Национальном музее в Варшаве, епископ
Марианос под защитой Богоматери и Христа, фот. Николя
Гропьер.



9. Епископ Петрос под защитой св. Петра, Фарас, 4 четверть X в., темпера по штукатурке, инв. № 234031 MNW, фот. Збигнев Долиньский, Петр Лигер.

«Раскопки в Фарасе мы начинали, не располагая ни соответствующим финансированием, ни инвентарными бланками, пригодными для ведения документации, нехватки же в снабжении лагеря были огромными. И всё-таки уже в середине первых трех недель мы нашли две стенописи в часовне епископа Иоанна, скрытой глубоко в песке под стенами арабской крепости. У нас не было ни цветной пленки, ни соответствующей фотоаппаратуры, лишь видавший виды

теодолит да ржавые металлические рулетки. Мы не имели ни катера, ни самолета, и если бы не сделанные открытия, мы бы смущенно опускали глаза перед другими работавшими неподалеку экспедициями, прекрасно оснащенными соответствующими транспортными средствами и самым современным вспомогательным оборудованием. Но именно нам довелось одержать победу» — так спустя годы вспоминал проф. Казимеж Михаловский открытие Фараса, его собора и находившихся там росписей^[1].

Эта победа польской археологической экспедиции проф. Казимежа Михаловского дала Национальному музею в Варшаве возможность получить собрание уникальных настенных фресок и каменных исторических памятников, включая архитектонические элементы, высеченные надписи, элементы украшения епископских гробниц и многие другие ценные предметы, привезенные из Фараса в Судане [ил. 1]. Сегодня эти экспонаты можно увидеть в галерее, носящей имя профессора, в главном здании музея [ил. 2]. Здесь находятся фрески, которые в этой части Европы могут показаться несколько экзотическими. Аскетичные фигуры святых, лица с широко раскрытыми глазами, иногда разноцветные одеяния, чернокожие правители и епископы, осеняемые дружественными жестами Христа, Богоматери или святых. Эти изображения могут ассоциироваться с хорошо известными нам иконами, хотя и отличаются от произведений, которые считаются иконами в нашей части Европы. Это стенопись, которую очень редко можно увидеть в музейном пространстве, и другие произведения, росписи, перенесенные из несуществующей уже церкви. Никакой другой музей в Европе не обладает ни подобным, ни столь обширным собранием фресок из Африки, которые, к тому же, совершенно отличны от того, что мы могли бы представить себе, думая об африканском искусстве. Многие из них относятся к VII–VIII веку, то есть к временам создания древнейших фресок, сохранившихся в церквях на Востоке и Западе. Они являются свидетельством великой, хотя и слабо известной нам культуры, которая оставила после себя лишь немногочисленные памятники. Это также великкая гордость польской археологии, консервации и музейного дела.

Эта история начинается с призыва ЮНЕСКО, оглашенного в 1958 году. Перед лицом угрозы для многих памятников на территории Египта и Судана, которые ожидало затопление водами Нила после открытия высотной Асуанской плотины, ЮНЕСКО призвало международное сообщество спасти объекты культуры и искусства. Несмотря на многочисленные трудности, проф. Михаловский был настроен решительно, поляки начали работы рядом с более чем шестьюдесятью

другими экспедициями, начав раскопки в древнем Пахорасе, т.е. Фарасе. Именно здесь, еще до Первой мировой войны, проф. Фрэнсис Гриффит из Оксфорда нашел каменные блоки с надписями эпохи фараонов. Это открытие, как и существование в Фарасе искусственного холма, называемого «ком» [ил. 1], давало надежду на интересные открытия. Годы спустя проф. Михаловский признался, что одним из стимулов, побуждавших его к действию, было стремление доставить новые памятники в Национальный музей, коллекции которого серьезно пострадали во время Второй мировой войны, как и сам город Варшава. Поляки работали в Фарасе в течение четырех сезонов, с начала февраля 1961 и до конца апреля 1964 года.

В результате работы экспедиции был открыт фрагмент города, окруженного стенами, с монастырями, дворцовой застройкой, церквями и некрополем епископов, а также собором. Такие достижения вызывали в шестидесятые годы большой интерес у прессы, охотно называвшей это открытие «чудом из Фараса». В первом сезоне, продолжавшемся немногим более месяца, с февраля — до начала марта 1961 года, был прокопан туннель сквозь искусственный холм, в котором проф. Михаловский надеялся обнаружить храм фараонов. Этого не случилось, зато экспедиция наткнулась на гробницы епископов, в которых находились их стелы, а также фрески^[2]. Это означало, что найдена уникальная церковь, на стенах которой, как оказалось, сохранился ансамбль редчайших фресок [ил. 3]. Открытое в Фарасе здание несколько раз перестраивалось. В первой четверти VII века это была пятинефная базилика с апсидой на восточной и притвором на западной стороне, которую можно было признать достаточно типичной, хотя уже несколько архаичной для церкви того периода в кругу византийской культуры. При перестройке в VIII веке здание приобрело форму близкую к центрической, что совпадало с тенденцией, господствовавшей в византийском мире со времени возведения Айя-Софии в Константинополе в VI веке Юстинианом Великим. В то время план церкви подвергся центрированию. С восточной стороны находилась апсида с синтрононом — скамьями, предназначенными для духовенства, а с двух сторон от нее были устроены помещения; северное из них выполняло, очевидно, функцию часовни, в которой готовились литургические святые дары. В XIII–XIV веке этот план был усложнен, прежде всего, за счет дополнительного разделения церкви внутри, что следовало из местной нубийской специфики^[3].

Судьба церкви неясна, но изменения в плане, в некотором смысле, отражают историю нубийской культуры, а в

особенности взаимоотношения Нубии с Византией. Они показывают первоначальную близость африканского христианства к Константинополю, их постепенное отдаление друг от друга, а потом, возможно, и повторное сближение. Начала христианства в Нубии неясны, их часто связывают с фигурами знаменитой императорской пары из Константинополя — Юстиниана Великого и Феодоры, миссии которых в сороковых годах VI века, согласно сведениям Иоанна Эфесского, конкурировали между собой за первенство в христианизации Нубии. Так или иначе, нет сомнений, что именно в VI столетии христианство восточного обряда прочно утвердилось в Нубии, а византийская культура получила здесь значительное влияние. Фоном упомянутой истории о христианизации являются различия в симпатиях августейшей пары: ведь Феодора благоволила к монофизитской церкви, а ее супруг-император — к диофизитской. Эта история показывает, что Нубийская церковь оказалась в самом центре религиозной дискуссии, раздиравшей восточное христианство в V веке, которая состояла в конфликте, касавшемся убеждений относительно природы Спасителя: монофизиты были убеждены, что Христос обладал одной божественно-человеческой природой, диофизиты же считали, что он обладал обеими, раздельными природами — божественной и человеческой. Этот спор, кульминация которого произошла на Халкидонском соборе в 451 году, хотя и труден для понимания современного человека, в ранневизантийском мире распалял умы и сердца. Если он имел влияние на нубийское христианство, то, определенно, влиял и на его искусство. Нужно помнить, однако, что отношение нубийцев к византийской ортодоксии было сложным и переменчивым, а в Фарасе в разные периоды правили то епископы, склонные к монофизитству, то — к диофизитству^[4]. Однако члены экспедиции, начиная работы в расположенной на Ниле местности, еще не знали всего этого. Ведь лишь обнаружение Фараса и последовавшие за этим открытия позволили ученым получить знания о сложной политической, религиозной и художественной истории Нубии. В Фарасе работы в большой степени состояли в извлечении песка изнутри здания; самые большие успехи пришли на время третьей экспедиции, продолжавшейся с конца октября 1962 до середины апреля 1963 года. В ходе ее, во время удаления песка из интерьеров церкви, на ее стенах, одна за другой, появлялись фрески [ил. 4]. Всего их было обнаружено почти 170, более 120 из которых были сняты со стен. Проработка и осуществление этой операции было большой заслугой в первую очередь консерватора из Национального музея — Юзефа Газы, однако из-за недостатка времени и огромного объема работы

практически все члены экспедиции включились в деятельность по консервации. Отделение росписи от стен, само по себе сложное, было тем труднее, что после очередных перестроек церкви ее стены покрывались следующими слоями штукатурки и новыми полихромиями. В результате, во многих случаях ценные и достойные сохранения росписи были спрятаны под несколькими слоями^[5]. То есть, мало того, что следовало отделить эти фрески от основы, часто требовалось разъединить их. Весь процесс состоял в стремлении укрепить росписи на стенах, а затем отделить их от первоначальной основы. На поверхность фресок наклеивался слой японской фильтровальной бумаги, марли и льняного полотна. Утюгами на длинных шестах в этот слой вдавливали смесь воска, канифоли и венецианского скипидара. Затем закрепленную таким образом фреску отрезали от стены. К полотну пришивали шнурья, которые потом привязывали к плитам, установленным наклонно к стенам, и постепенно укладывали на них отрезанный живописный слой^[6].

На основании договора с Суданом был произведен более или менее равный раздел, в результате которого 67 фресок, а также каменные объекты, архитектонические элементы, предметы из гробниц, в том числе керамика, были переданы Национальному музею в Варшаве, а остальные произведения попали в Национальный музей в Хартуме. До Варшавы путь был далекий. Из Фараса экспонаты перевезли в Вади-Хальфа баржей по Нилу, оттуда их доставили железной дорогой в Порт-Судан, где их погрузили на судно «Монте-Кассино». Через три недели оно прибыло в Гдыню, откуда произведения перевезли грузовиками в Варшаву^[7]. После того, как фрески оказались в музее, началась их консервация, которой руководили Ханна Енджеевская и Юзеф Газы. Юзеф Газы также осуществлял консервацию фресок, оставшихся в Национальном музее в Хартуме.

Первыми фресками, доставленными в Варшаву еще в 1962 году, были изображения, находившиеся первоначально с внешней стороны храма. Они, предположительно, составляли ансамбль и представляли Архангела Михаила с мечом и св. Меркурия на коне, наносящего смертельный удар императору Юлиану Отступнику^[8]. Обе фрески были показаны на выставке раскопок из Фараса, которая проходила в декабре 1962 и январе 1963 года в здании музея^[9]. Самая большая партия фресок и других произведений прибыла в Варшаву в августе 1964 года, и вот тогда началась основательная консервация всех произведений. Она продолжалась много лет, до самого открытия галереи в 1972 году. Спустя годы, благодаря щедрому пожертвованию Войцеха Павловского, стало возможным

обновление этой галереи и представление ее в новой форме, которое состоялось в октябре 2014 года.

В течение более 50 лет, прошедших после открытия Фараса, начались и продвинулись исследования нубийской культуры и искусства. В Судане работали археологические экспедиции, были открыты новые объекты, а наши знания о Нубии сильно расширились. Однако многие вопросы по-прежнему остаются без ответа. Один из них — возможно, важнейший для Фараса — это проблема связей нубийской живописи с византийскими образцами. Ведь это искусство, хотя и принадлежащее к восточному кругу и легко читаемое в его контексте, одновременно представляет собой отдельное, особое искусство, не полностью тождественное моделям, исходившим из Константинополя. Кроме того, у этого искусства, в отличие от византийского, имеется очень мало сохранившихся текстовых источников, которые бы позволили его понять и объяснить. По этой причине также осталось немало неразрешенных вопросов. Иконографическая программа нубийского храма, выдающимся примером которого служит собор в Фарасе, отличалась от традиционной византийской программы. Впрочем, полностью нам она неизвестна, поскольку верхние части стен храма, как и потолок, не сохранились до момента открытия. Росписи создавались в несколько этапов, во время перестроений церкви между VII и XIV веками, путем наложения следующих слоев штукатурки и полихромий. Это значительно усложняет возможность реконструкции идейного послания фресок как ансамбля. Самым главным местом церкви была апсида, которую, как и остальные стены здания, несколько раз покрывали росписями [ил. 2]. В центре апсиды изображена Богоматерь в окружении двенадцати апостолов. Мария опирается ладонями на плечи нубийского правителя. К сожалению, верхняя часть фрески повреждена. Место Марии в апсиде, скопление ее изображений на стенах и определенные исходные предпосылки могут указывать на то, что именно Богородица была святой покровительницей церкви. В то же время, присутствие изображения правителя в самом центре апсиды, в непосредственной близости от Богородицы и святых апостолов, ставит фигуру короля в исключительное положение^[10]. Во всей Византии, несмотря на то, что император считался здесь ближайшим другом Христа, подобных изображений в столь же важной локализации мы не найдем. Поэтому роспись на апсиде собора в Фарасе многое говорит о роли правителя, его восприятии, показывает его как фигуру, принадлежавшую к сакральному укладу мира. В Фарасском соборе, в отличие от византийских церквей, сохранилось относительно немного повествовательных изображений — иллюстрирующих важные события священной

истории и вместе с тем церковные праздники. Две такие развернутые композиции находились на восточных стенах северного и южного нефов, и это были соответственно Рождество Христово [ил. 3] и Страсты с Распятием (обе фрески попали в коллекцию Национального музея в Хартуме). В иконографической программе церкви преобладали, однако, вотивные изображения. Многие из фресок Фараса напоминают стенные иконы, и похоже, что они создавались именно с таким замыслом. Это были особые дары от верующих, которым сопутствовали слова призывов и молитв. Лучшим примером этого является находившееся на лестничной площадке изображение Божьей Матери Елеусы, т.е. Умиления, показывающее Марию, которая держит на руках прижалвшегося к ней Младенца Христа [ил. 5]. Изображение заключено в раму и снабжено надписью: «+ Много лет (жизни) нашему епископу Авве Элиасу»^[11]. Сам иконографический тип часто встречается в Византии XII века и, видимо, свидетельствует о существовании в то время близких контактов между Империей и Нубией.

Фигуры со стен Фарасского собора кажутся похожими на иконы благодаря способу их представления. Они показаны фронтально, а их позы обычно выглядят несколько неестественно; в этом смысле в них есть что-то архаическое, близкое к византийскому искусству раннего периода. Лица видны анфас, обращены непосредственно к смотрящим, а глаза смотрят прямо перед собой. Так что можно сказать, что Христос, Богородица и святые, изображенные на стенах собора, как бы приглашали верующих к созерцанию, а между ними и людьми завязывался особый диалог, следами которого являются вотивные надписи. Одна из них, сопровождающая изображение креста с апокалиптическими созданиями [ил. 6], гласит: «+ Господи Иисусе Христе (и) Крест, охрани, благослови, защищай, укрепляй (и) помогай рабу своему (sic!) Паиме, дочери Анны. Да свершится. Аминь»^[12]. Подобные надписи свидетельствуют о том, что верующие заказывали особые фрески в надежде, что их присутствие в храме и почитание изображений — заметное по следам, оставшимся от горевших свечей — могут принести им благополучие. Но, в то же время, многие фрески были расположены очень высоко над уровнем пола, вне поля зрения прихожан. Каким же образом верующие смотрели на них?

Именно таким изображением является лик св. Анны, сохранившийся на северной стене северного нефа собора, на высоте около 3 метров от пола [ил. 7]. Это художественное лицо женщины с бесплотной внешностью, головой, покрытой мафорием^[13], и большими миндалевидными глазами, которая

прикладывает ко рту палец. Фреска в монохроматической колористике снабжена подписью, указывающей, что это Анна, мать Theotokos^[14], то есть бабка Христа. Можно догадываться, что первоначально она составляла часть более крупного целого; это, например, могло быть изображение Анны, держащей на руках маленькую Марию. Тем, что наиболее притягивает к св. Анне, помимо ее метафизической,невременной внешности, является упомянутый жест пальца, приложенного к губам. Этот жест можно понимать, как призыв к тишине, созерцанию. Также это символ тайны, частью которой стала Анна. Ведь, согласно преданию апокрифов, она, будучи уже старой женщиной, стала матерью Марии, то есть по-своему участвовала в тайне появления на свет Спасителя. Это не единственная загадка, одной из них является вопрос — почему святая была лишена нимба^[15]?

Исключительной находкой в Фарасе был список епископов, насчитывающий 28 имен и содержащий даты смерти иерархов, обнаружение которого позволило упорядочить хронологию этого места. Изображения нескольких из них сохранились на стенах собора. Они принадлежат к группе многочисленных изображений, показывающих Богородицу, Христа, святых либо ангелов, осуществляющих попечение над людьми. В Фарасе сохранились такие изображения правителей, правительниц, епископов и светских особ под покровительством существ, представляющих небесную сферу. К наиболее интересным в собраниях Национального музея принадлежат изображения епископа Марианоса под защитой Богоматери с Младенцем и Христа (хотя фигура Христа, к сожалению, сохранилась в очень небольшом фрагменте) и епископа Петроса под защитой св. Петра. Фреска с епископом Марианосом — одна из красивейших в галерее [ил. 8]. Она многоцветна и декоративна, лица и одежды фигур изображены здесь с невероятным пietetом. Лицо Марии с белоснежной кожей и ясно обозначенными линиями, подчеркивающими веки, делая акцент на глазах персонажа, контрастирует с оливковым цветом лица Марианоса, который явно был родом из Египта. Это подчеркивание специфических черт персонажей указывает на своего рода портретный реализм, но, возможно, его целью было просто показать контраст между фигурами, принадлежащими к небесной сфере, и обитателями земли. Изображение снабжено подписью: «С Богом + Авва Марианос, епископ Пафораса, правоверный и благочестивейший, чтобы (жил) много лет»^[16]. Похожие слова написаны рядом с изображением епископа Петроса: «+ Авва Петрос, епископ и митрополит Пафораса, чтобы (жил) много лет»^[17]. С изображением епископа Петроса под защитой св. Петра связана интересная

история открытия останков епископа [ил. 9]. Тадеуш Дзержикрай-Рогальский, работавший в Фарасе в качестве антрополога, вспоминал, что находка останков епископа Петроса стала для членов экспедиции большой неожиданностью. Череп умершего в 999 году епископа исследователь идентифицировал как принадлежащий «представителю черной расы». «Это невозможно», — отреагировал на это Михаловский. «Пахорас зависел от религиозного центра в Александрии. Епископов сюда присыпали оттуда. Проверьте всё хорошенъко», — велел он. Однако у антрополога сомнений не было, а вскоре его уверенность была подтверждена обнаружением на церковной стене портрета чернокожего епископа^[18]. Это изображение является одной из самых интересных фресок, которые можно увидеть в галерее.

Присутствие портретов нубийцев и египтян на стенах церкви в Фарасе позволяет сохранить память о людях, живших в этом месте, память, которую удалось спасти, несмотря на то, что само здание было обречено на уничтожение. Их традиции и культура зародились и развивались далеко отсюда, но благодаря удаче Михаловского, а в первую очередь, благодаря усилиям многих людей — археологов и консерваторов — их сегодня можно увидеть в центре Европы.

Перевод Владимира Окуня

-
1. K. Michałowski, *Od Edfu do Faras. Polskie odkrycia archeologii śródziemnomorskiej*, Warszawa 1983, s. 158.
 2. Там же, стр. 162; cp. Archistrateg Michałowski. Rozmowa ze Stefanem Jakobielskim, <http://www.naukaonline.pl/naszeteksty/nauki-humanistyczne/item/1261-archistrateg-michalowski>, состояние на 11 мая 2018.
 3. W Godlewski, Pachoras. *The Cathedrals of Aetios, Paulos and Petros. The Architecture*, Warsaw 2006.
 4. S. Jakobielski, Chrześcijaństwo nubijskie w świetle najnowszych badań, [w:] A. S. Atiya, *Historia kościołów wschodnich*, przekład zbiorowy, Warszawa 1978, s. 390.
 5. Kijowska A., The Faras Cathedral: A History of Transferring and Conservation of the Wall Paintings (1061–1974), „Journal of the National Museum in Warsaw”, 5 (41), 2016, s. 70.
 6. Там же, стр. 71.
 7. T. Urzykowski, Jak polscy archeolodzy ratowali skarby z Faras? Rozmowa z dr. Stefanem Jakobielskim, „Gazeta Wyborcza”, 17 października 2014.

8. K. Michałowski, *Faras. Wall Paintings in the Collection of the National Museum in Warsaw*, Warsaw 1974.
9. Masłowska A., *Kronika wystaw Muzeum Narodowego w Warszawie 1862–2002 / Chronicle of Exhibitions at the National Museum in Warsaw 1862–2002*, T. 1, Warszawa 2002, s. 233.
10. Michałowski, *Faras...*, s. 128–142.
11. S. Jakobielski, *Inscriptions*, [w:] Michałowski, *Faras...*, s. 300.
12. Там же, стр. 298.
13. Мафорий — длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят — Примеч. пер.
14. Theotokos (греч.) — Богородица — Примеч. пер.
15. T. Dobrzeniecki, *St. Anne from Faras in the National Museum in Warsaw*, “*Bulletin du Musée National de Varsovie*”, 28, 1987, s. 49–75.
16. Jakobielski, *Inscriptions*, s. 292.
17. Там же, стр. 291.
18. T. Dzierżykraj-Rogalski, *W dwudziestolecie polskiego sukcesu w Faras. Dziennik terenowy uczestnika polskiej ekspedycji, „Kwartalnik Historii Nauki i Techniki” 27/2, 1982* s. 264.

Ремигиуш Гжеля

А теперь положи смычок на струну



Ванда Вилкомирская. Фото: Agencja Gazeta

Нечасто на пути журналиста встречается Художник, к которому он постоянно возвращается. Я не собирался писать биографию Ванды Вилкомирской, однако мой разговор с ней продолжается с тех пор, как я почувствовал себя более или менее зрелым профессионалом. В этом разговоре сплетались две притягательные для меня темы — искусство и политика. Сегодня уже трудно припомнить тот первый повод, который привел меня к легендарной скрипачке. Его заслонили более поздние искренние беседы, сердечные встречи, письма и открытки, приходившие из разных уголков мира. Ванда сообщала, что только что вернулась в Сидней или Мангейм, называла даты своих приездов в Ядвисин, Радзейовице, Варшаву, Гданьск, Лодзь. Добавляла, что всегда будет рада встрече. Наши беседы бывали профессиональными и личными. Личные случались чаще, обычно в ее любимом Гранд-отеле на Кручей, позже, когда она предприняла попытку вернуться в Польшу, также в съемных квартирах, в «Патрии» в районе Повисле или на Шпитальной.

Когда я познакомился с Вандой Вилкомирской, ее долгая блестящая карьера уже клонилась к закату. Скрипачка еще выступала, но твердила, что боится дать хоть один лишний

концерт. Пальцы скрутил артрит, но Ванда мужественно упражнялась, модифицируя технику игры. Пожалуй, она была не в состоянии представить себе жизнь без музыки. Одну из важнейших бесед этого периода я озаглавил «У меня нет ничего, кроме скрипки» (книга «Отель Европа»), потому что в доме Ванды не нуждалась, она умела создать его себе повсюду. Возила с собой миниатюрный глобус и ставила в гостиничном номере, в снятой квартире. Это был символ ее космополитизма. Ванда была гражданинкой мира, везде быстро осваивалась.

Повторяла, что одна, но не одинока. Она любила быть одна. Но любила также и общество. Вилкомирская еще занималась со студентами в Сиднее и в Мангейме, но также вела и мастер-классы для детей в Польше. «Мой брат говорит: классы, по ошибке носящие имя мастера», — шутила скрипачка. Как-то раз я спросил, можно ли мне приехать в Гданьск на один из таких мастер-классов, чтобы понаблюдать за ее работой. Ванда моментально согласилась. Отношения с учениками у нее складывались почти семейные, не школьные. Детей очень трогало, когда она, например, говорила: «Посмотри, как согревается скрипка, когда ты прикладываешь музыку к своему сердечку». Один из прекраснейших советов, которые я услышал, звучал следующим образом: «Ты заплатишь слишком высокую цену за то, что хочешь заплатить так мало». Ей не было скучно слушать учеников, одного за другим, в который раз одни и те же произведения. Ванда ни на минуту не покидала навевавший мысли о клаустрофобии зал. Она была сосредоточена и погружена в музыку. Думаю, я оказался свидетелем своего рода транса. Был ли он подобен тому, который Ванда переживала на сцене? Тогда у нее еще была скрипка.

«После многолетних концертных туров я купила очень дорогую, Пьетро Гварнери, Венеция 1734. Но не сразу к ней привыкла — хотя пела она, словно золотой соловей. У меня уже был педагогический опыт, множество концертов, хорошо оплачиваемая профессорская должность. Если у ученика недостаточно хорошо выходила какая-то фраза, я проигрывала ее и говорила: „Нечестно, что я играю на своей скрипке. Сыграй-ка на моей“. Проще всего сказать, что, мол, звук плохой. Ученик благоговейно брал в руки инструмент, но вопреки легенде скрипка сама не заиграет. Тогда я говорила: „А знаешь, дай мне свою, только мне нужно немного времени. Я дала тебе пять минут, а теперь ты дай мне пять минут“. Я играла и объясняла, что делаю: «Ближе к подставке, нажим, всем волосом». Ученики на мастер-классах робеют. Чтобы раскрепостить их, я говорила: „Возьми скрипку повыше и подержи, пока руки не устанут, а теперь положи смычок на струну и почувствуй, как рука отдыхает — она начинает

отдыхать уже в тот момент, когда ты прикасаешься к струне”». В конце концов, она решила продать скрипку. В прекрасном биографическом фильме Кристин Катажины Езёр «Я вам это сыграю» Ванда гуляет по улицам Нью-Йорка со скрипичным футляром на спине. Говорит, что скрипка никогда не была для нее ребенком. Всегда мужем или партнером. «Продавать скрипку — это было ужасно, печально», — призналась мне Ванда. То оказался самый, пожалуй, сложный для нее период. Она знала, что, возможно, никогда больше не испытает этого озарения, захватывающего полета. У нее оставались студенты. Она уверяла себя, что жизнь у нее по-прежнему наполненная, что вот теперь-то она найдет время на все, на что его долгие годы не хватало. Но понимала, что это будет уже другая жизнь. Я счастлив, что познакомился с Вандой тогда, когда она еще концертировала — быть может, в момент лучший из возможных — последний. Она была идеальным собеседником. Прирожденная рассказчица. Смеялась, что ее не надо расспрашивать, достаточно включить диктофон. За всю свою профессиональную жизнь я не встретил человека, обладавшего подобным даром рассказывать истории. Они всегда были полны деталей, неожиданных поворотов, метафор, но всегда заключали в себе также и идею. Ванда охотно погружалась в реку своей долгой жизни, быть может, надеясь обрести в ее водах бодрость... Продав скрипку, а вскоре после этого отказавшись и от преподавательской деятельности, Вилкомирская захотела убедиться, сумеет ли она жить в Польше. «Это попытка», — повторяла Ванда, оставляя себе путь для отступления.

Она обожала бродить по городу. «Однажды здесь, в Варшаве, я зашла в аптеку, хотела купить перекись водорода, потому что помню, что мама ее покупала. Маленькая старушка, еще меньше меня, подала фармацевту целый ворох рецептов, та принесла лекарства, их было много. Старушка спросила: „Скажите, пожалуйста, какое из них самое неважное?” — „Я не врач, я не имею права отвечать на такой вопрос” — „Тогда скажите, пожалуйста, какое из них самое важное” — „Этого я тоже не имею права говорить”. Я почувствовала, что сейчас взорвусь. И сказала: „Вы знаете, сегодня у меня день рождения — разумеется, это была неправда — и я обещала себе, что сделаю кому-нибудь подарок, пожалуйста, позвольте мне купить вам эти лекарства. Доставьте мне удовольствие”. Старушка расплакалась, я ее поцеловала и тоже расплакалась». Она обожала разговаривать со случайными людьми — и испытывала к ним подлинный интерес. Ходила в театр, на авторские вечера в Клуб книгоиздателя, порой участвовала в дискуссиях. Я заметил, что она порой забывает слова, а иной раз те, наоборот, могли нахлынуть стаей, сбивая с пути,

соединяясь в двойные ноты, но это по-прежнему была Ванда с ее блестящими глазами и приветственно распахнутыми объятиями. Она согласилась дать мне несколько интервью. Я сделал из них главу для книги «Свободные» — она называется «Ничто не пропало». Возникли некоторые проблемы с авторизацией, которая потребовала больше времени, чем обычно, но Ванда очень хотела, чтобы у нас все получилось. Об этой книге Мариуш Щигел написал: «Его собеседницы — женщины свободные. Не в смысле семейного положения, просто на определенном этапе жизни они уже свободны от страха критики, свободны от давления стереотипов, свободны от ожиданий окружения. (А Ванда Вилкомирская свободна и от музыки, хотя именно та вознесла ее к вершинам мировой славы). Без свободы не было бы их откровенности».

Она говорила: «Сегодня мне даже не хочется ходить на концерты. Честно — а вдруг мне сделается грустно? Так грустно, как в тот день, когда я бродила по Нью-Йорку со скрипкой за спиной, когда несла ее на аукцион и разглядывала афиши, на которых больше не появится мое имя. Нужно уметь поставить точку». «Каково сегодня место музыки в твоей жизни?» — спросил я. «Это прошлое». «Ты не слушаешь музыку дома?» «Редко, в основном фортепиано». «Закрывая глаза, ты слышишь музыку?» «О да, ежесекундно!» Ванда уверяла, что наконец свободна. Но чувствовалось, что она сама в этом не уверена. Ванда очень радовалась нашей книге и принимала участие в презентациях. Одну из них, на фестивале «Варшава Зингера» вел Ежи Киселевский. Я тепло вспоминаю ту встречу, Ванда сидела рядом с Юлией Хартвиг.

С этой книгой связывает нас и фигура Тересы Тораньской. Она годами возвращалась к Ванде. Взяла у нее великолепное интервью, хотела продолжить разговор. Ванда соединяла в себе две темы, увлекавшие Тересу — музыка и политика. Незадолго до смерти она позвонила мне и сказала: «Читаю твое интервью с Вандой и вижу, насколько по-разному мы задаем вопросы и насколько разные детали она нам рассказывает. Давай издадим общую книгу о Ванде, чтобы показать, как по-разному можно говорить об одном и том же»... У Тересы было тогда несколько идей для новых книг, она пыталась убежать от болезни и смерти. Разговоры с Тересой и Вандой в моей книге «Свободные» стоят рядом. Оба оказались последними... Моя беседа с Вандой была печальной. Как сказала бы Юлия Хартвиг, — «предотъездной».

Убежала ли Ванда Вилкомирская от своей музыки? Я долго думал, что да. Она пыталась убежать и от старости. Вернулась в Германию, при помощи Каси Езёр сняла и отремонтировала квартиру. Кормила обедом поляков, которые занимались ремонтом. Пыталась быть самостоятельной. По выходным ее

навещали бывшие студенты, играли ей. «Я с 1976 года живу одна. Мысль о том, что кто-то мог бы принимать за меня решения, для меня невыносима. Я никогда не хотела снова выйти замуж. Пан Раковский был прекрасным мужчиной, это была личность!» Величайшая любовь моей жизни — рассказывала она мне. А потом я услышал, что Ванда в Сколимове^[1]. Кто-то сказал, что она не узнала невестку. Кто-то удивился, что она ходит по лестнице, словно в забытьи, по кругу, вверх-вниз, вверх-вниз. Когда-то Ванда сказала мне, что таким образом тренирует мышцы ног и суставы. Она всегда была быстрой, энергичной, как буря. Значит, борется, — подумал я. Молодой коллекционер разместил в фейсбуке фотографию автографа, который она ему дала. «Вана Вилккомирская» — расписалась Ванда на белом листе бумаги.

Думая о Ванде, я вижу простор, голубизну, а если очень постараться, то, наверное, можно разглядеть и ее любимый Южный Крест. Она говорила мне: «Глядя на свою жизнь, я понимаю, что Кто-то, несомненно, вел меня по ней. Моя жизнь была осмысленной. Я все пытаюсь ответить на твой вопрос, почему я вернулась в Польшу. И не могу». За несколько недель до смерти она позировала фотографу Каролю Стемпковскому. На снимке еще можно узнать прежнюю Ванду, ту, которую я знал, хотя глаза печальны и смотрят вдаль. Она улыбается, зная, что эта ее улыбка останется. Застывшие руки и искривленные артритом пальцы. Она складывает их так, будто держит скрипку, держит смычок, которым сейчас наколдует ту длинную ноту первого концерта Шимановского, ноту, переносившую ее туда, откуда она возвращалась с неохотой, откуда ее уводили лишь аплодисменты, бесконечные овации. Сотни, тысячи раз она — нехотя — возвращалась. Теперь Ванда уже Там. В музыке. От которой не сумела убежать.

Перевод Ирины Адельгейм

DWUTYDZIENNIK
ruch muzyczny

1. В Сколимове под Варшавой находится Дом ветеранов польской сцены. — Примеч. пер.

Смысл награды



Арсений Рогинский. Фото: Т. Кизни.

В декабре прошлого года умер Арсений Борисович Рогинский, один из создателей общества «Мемориал». 5 июня 2018 года в польском посольстве в Москве состоялась церемония посмертного награждения Арсения Борисовича Рогинского Командорским крестом со звездой Ордена за заслуги перед Республикой Польша, присужденного ему указом президента РП Анджея Дуды. Мы публикуем фрагменты стенограммы выступлений, прозвучавших на этой торжественной церемонии.

Владимеж Марчиняк, посол Республики Польша в России:
Лично Арсений Рогинский и в целом «Мемориал» сделали очень много для того, чтобы выяснить все о Катынском преступлении, собрать информацию. В принципе, большинство из того, что мы знаем об этом преступлении, о польской операции, которую НКВД проводил в 1937–1938 годах,

мы знаем благодаря именно усилиям сотрудников «Мемориала».

Елена Жемкова, исполнительный директор Международного Мемориала:

Трудно говорить, понимая, что не Арсений принимает сегодня эту награду. Я думаю, мы все, кто в этот летний день нашли время и пришли к нему, пришли, в сущности, на вечер его памяти. Вот это ему было бы очень приятно. Не только эта награда, которой он, конечно, бы гордился. Но он был бы горд и, я уверена, говорил бы не о себе. Он говорил бы о «Мемориале», он говорил бы о том, как важно ему признание нашей работы и уважения к ней, это понятно. И он, может быть, даже говорил бы, что не считает эту награду своей. По-моему, напрасно. Потому что Польша была для Арсения особенной страной. Не только из-за жертв Катыни, но из-за культуры, о которой он много нам рассказывал, из-за песен Эвы Демарчик, которые любил напевать, из-за фильмов, про которые он часто вспоминал и удивлялся: «Как? Вы не видели этот фильм, не смотрели это?». Польша для него была важной страной, она была его сердцем. И я думаю, то, что так много сделано «Мемориалом», это, безусловно, заслуга Арсения. Поэтому горько, что его нет, но очень приятно, что в этом зале так много его друзей, и большое спасибо за эту, безусловно, заслуженную награду, которой он был бы горд.

Никита Васильевич Петров, член правления общества «Мемориал»:

Уважаемые дамы и господа, шановне паньство. Безусловно, эта награда вполне заслужена Арсением Борисовичем, и это действительно то, что должно отмечать его заслуги. И конечно, Елена права, он бы говорил: «Это не моя награда, это награда общества "Мемориал"». Он не отделял себя от общества «Мемориал» и, действительно, общество «Мемориал» стало его детищем, которое Арсений Борисович растил, пестовал. И мы его ученики. В этом отношении я горд, называть себя учеником Рогинского. Конечно, в жизни Арсения Рогинского ничего не было предопределено, но многое было предназначено именно им самим. Какой жизненный интерес ставится на первое место — это и есть выбор, который делает человек, от этого зависит и существование человека в дальнейшем, его жизнь. И Арсений Борисович Рогинский свою жизнь именно так и построил. Он главным образом посвятил свою жизнь служению правде, он стал заниматься этим, будучи еще студентом Тартуского университета, что, в общем, делать в Советском Союзе было нельзя. Безусловно. Однако в науке перспективны именно запретные темы и неожженые тропы. Арсений Рогинский

прошел очень трудный путь: родившись в лагере, он в советское время вновь был брошен в лагерь, именно за служение правде, именно за то, что он хотел вернуть ту историю, которая была запрещена. Вот этот пафос тайного знания, этот пафос служения будущему, это, на самом деле, путь настоящего историка. Нашему поколению повезло. Перемены случились на протяжении нашей жизни, и они воплотились для Рогинского как закономерный результат в том, что он и общество «Мемориал» оказались на одном жизненном пути. В этом смысле «Мемориал» как широкое общественное движение, зародившееся в 1987 году, стало движением, в котором Арсений Рогинский нашел и реализовал себя. Здесь очень много людей, которые стояли у истоков «Мемориала», мы им безмерно благодарны, и естественно, Рогинский — часть нашей мемориальной истории. Я думаю, что, к сожалению, мы можем сейчас признать, что очень узок оказался исторический просвет, в котором мы существовали, в котором не очень многое смогли реализовать из тех задумок, из тех наших штудий, которые в конце 1970-х делались тайно, а потом были реализованы в «Мемориале». Увы. Было брежневское время, исполненное апатии и ненависти, в нулевых возвращаются времена, которые теперь уже исполнены и ненависти, и подлости. Но наша задача, конечно же, сохранить себя, сохранить свое лицо, сохранить наши идеалы и продолжать то, что мы делаем. Продолжать служение истине, служение истории и, естественно, заниматься тем, чему мы предназначены были очень-очень давно, еще когда сами выбрали этот путь. Спасибо.

Александр Гурьянов, руководитель польских программ общества «Мемориал»:

Мы собрались здесь по официальному поводу — вручение ордена, но мне как-то очень трудно об Арсении говорить в таком официальном плане, потому что я давно уже понял, что Арсений — это один из трех людей, очень важных в моей жизни. Лично для меня. Я могу сказать, он — один из тех, кто меня сформировал. Хотя в тот момент, когда я познакомился с Арсением, возраст мой был уже совсем не юношеский, и Арсений был всего-то на четыре года старше меня. Конечно, он был авторитетом для нас для всех, собственно, им и остается. С такой особенностью, что этот авторитет никогда не давил. Его интеллект вызывал только желание еще больше с ним общаться, еще больше с ним разговаривать и у него учиться. Мой путь в «Мемориале» связан именно с польской темой, и нужно сказать, что у Арсения, как у профессионального историка, который к тому же первые годы специализировался по XIX веку, было гораздо более глубокое понимание сути

российско-польских отношений, их исторической обусловленности. И конечно, его интересовал не только XIX век, но и XX век со всем тем страшным, что у нас происходило. Он был генератором идей. Вот скажем, наша судебная эпопея, связанная с Катынью. Это была его идея — добиться прежде всего юридической, поименной реабилитации жертв, расстрелянных польских военнопленных и узников тюрем. Что это наша задача, и что для этого существует правовой инструмент в российском законодательстве — Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Он был вдохновителем той компании, которая длилась несколько лет и закончилась полным нашим поражением. В том смысле, что нам тогда не удалось добиться реабилитации, но все же какую-то роль эта компания сыграла. Еще одна идея, которая в головах у многих носилась, но не была сформулирована. Идея, которую он сформулировал очень четко. Для меня эта формулировка и тогда имела, и сейчас продолжает иметь огромное значение. Это касается Катыни, катынского дела. Он считал, что для нас, в «Мемориале», заниматься историей катынского дела, жертвами — это, конечно, наш долг перед памятью жертв, наш долг перед их семьями, но все же для нас, может быть, самое важное, что это наше внутреннее дело, наша российская внутренняя проблема.

Нерешенность катынского дела... Он считал, что если добиться его решённости в правовом смысле (а это совершенно конкретные шаги, Арсений сформулировал, что должно быть сделано), то, это повлияет на российско-польские отношения, и они станут лучше. Но, в общем-то, это, прежде всего, наша проблема — не улучшение российско-польских отношений, а проблема будущего нашей страны. Без этой правды будущего нет.

Ведущая:

Уважаемые дамы и господа, прошу встать. На основании статьи 138 Конституции Республики Польша указом президента Республики Польша Анджея Дуды за выдающиеся заслуги, непреклонную позицию в распространении правды о новейшей истории Польши Командорским крестом со звездой Ордена за заслуги перед Республикой Польша награждается посмертно господин Арсений Борисович Рогинский. Награду от имени президента Республики Польша вручит жене, Екатерине Михайловне Великановой, посол Республики Польша в Российской Федерации господин Владимеж Марчиняк.

Екатерина Михайловна Великанова:

Это высокая честь — высшая награда вашей страны, которой награжден Арсений Рогинский. Скорбная участь в получении

этой награды посмертно. Я полагаю, Арсений Рогинский заслужил благодарность Польши своим многолетним трудом в части восстановления правды, справедливости, памяти об убитых в Катыни, а также всех имен погибших поляков и польских граждан в годы Большого террора. Разумеется, этот его труд не был трудом энтузиаста-одиночки, он работал вместе с коллегами из «Мемориала», об этом сейчас уже много говорилось. Но, может быть, кто-то в зале не знает, что темой Катыни Арсений начал интересоваться в те годы, когда в нашей стране слово «Катынь», роковое слово для каждого поляка, невозможно было произнести вслух.

Я помню, как в конце 1970-х годов на нашей кухне, в нашей квартире был разговор полушёпотом о неком узнике № 29 Владимирской тюрьмы, получившем 25 лет за коллаборационизм, отсидевшем полностью этот срок и так и не подписавшем лживых показаний о том, что это сделали немцы, а не советские офицеры. Он был свидетелем эксгумации катынских захоронений, и он знал правду. Он был коллаборационистом, по-видимому, из-за этого он и сидел, но у него был свой собственный кодекс чести. Об этом человеке, об этом узнике № 29 тогда и шел разговор, также разговор шел о том, как предать гласности его воспоминания. И это было то время, тот день, когда в мое знание о мире вошло слово «Катынь». С Арсением Рогинским.

Потом прошло четверть века, и в 2005 году Арсений был награжден польским Орденом степени кавалера. Его вручали в Варшаве, и мы летели туда вместе, и мы были счастливы, и все были живы, и был жив великий Вайдя. Прошло еще пять лет, и в 2010 году Арсений был награжден Орденом степени офицера. Церемония происходила в Москве, и мы тоже были вместе, но счастье уже было совсем не таким, потому что далеко не все были живы. За месяц или чуть больше до этого в авиакатастрофе погибла польская делегация, которая летела в Смоленск на траурные мероприятия по поводу 70-летия катынского расстрела. Прошло несколько дней, и Арсений сказал: «Знаешь, мы ведь летели в Варшаву в 2005 году тем же рейсом». Это произвело впечатление, но еще через пару дней были более сильные впечатления, он сказал: «Ты знаешь, погиб Анджей Пшевозник, ты же была знакома с ним, помнишь, в 2005 году?».

Еще через какое-то время мы узнали, что Анджей Пшевозник был ограблен мародерами, российскими военнослужащими, по долгу службы охраняющими место, где произошла катастрофа. Это было страшно больно узнать, и было очень стыдно. Очень стыдно. До сих пор. Мне кажется, что исследовательский интерес Арсения к теме Катыни, теме Польши, истории вообще всегда сильно поддерживался вот этим чувством вины,

чувством боли и чувством справедливости, чувством правды и чувством стремления к истине.

Здесь, в этом зале, присутствуют мои сыновья Михаил Даниэль и Александр Рогинский, здесь мои внуки, которые были и внуками Рогинского, здесь наши с Арсением близкие и родные. Мы все скорбим, и мы все горды.

Борис Арсеньевич Рогинский, старший сын:

Господа, вручение ордена всегда акт символический, вручение иностранного Ордена акт дважды символический. Вручение Ордена посмертно — акт абсолютно символический. Я попытаюсь сказать о том, что значит для нас этот орден, за что мы благодарны Польше, польскому народу, польской интеллигенции.

Одним из последних моих разговоров с отцом, когда он уже был болен, был разговор о романе Станислава Лема «Солярис», о его русской экранизации. Пан Станислав был очень недоволен тем, что из этого фильма сделал Тарковский. Только через 30 лет, в 2002 году, Лем признал русский фильм, и то только потому, что увидел фильм американский. И хотя не пану Станиславу, а Фридриху Горенштейну, сценаристу Тарковского, принадлежит самая известная, самая любимая у нас фраза из этого фильма, фраза, которая все равно невольно ассоциируется с Польшей — объяснить можно понятие, а любишь то, что можешь потерять: себя, женщину, родину.

Да, таких слов нет в романе, но для нас, русских, это очень польские слова. Нет страны, которая столько бы теряла, как Польша. Нет страны, которая умела бы так любить то, что она потеряла и то, что она рискует потерять. Не ностальгия, а страстное стремление вернуть, отстоять, вернуть то, что отобрали, то, что ушло в прошлое, отстоять то, что могут отобрать в каждый момент, звучит для нас во всех польских стихах, в польских фильмах и польской музыке, будь то Эва Демарчик, Пендерецкий или Шопен.

Награда дается, есть такая официальная формулировка, «за укрепление отношений между странами и народами». Нельзя не сказать, что отношения между нашими странами очень грустные, эта история очень печальная. Наверное, никакая страна в мире не сделала Польше столько зла, сколько сделала Россия. Но отношения наши не ограничиваются отношениями жертвы и палача, не ограничиваются обидой, с одной стороны, и чувством вины, с другой. Наши отношения, как ни странно, это некое особенное товарищество по беде, товарищество и братство. Отнимая много раз у Польши свободу, Россия никогда не обретала ее сама. Как сказано в поэме Сергея Стратановского, друга отца, с которым они видались каждый раз, когда он приезжал в Питер, в поэме о подавлении Суворовым польского

восстания:

И пьют из грязной чаши мира
Россия с Польшей — две больных сестры.

Арсений Рогинский потерял отца, когда ему было пять лет. Он не любил политики, просто не терпел ее, не любил громких фраз, но когда его спросили: «Важно ли это было для Вас, Арсений Борисович (или для тебя, я уже не помню), эта потеря, определила ли она твою жизнь, твой путь, стучит ли «пепел Клааса» в твое сердце?», он ответил: «Да, стучит». Может быть, эта потеря отца сделала его историком, по крайней мере, вела его по пути историка. О потере отцов фильм Анджея Вайды «Катынь».

Теперь потеряли отца мы: в узком смысле семья, в более широком — общественность. Есть ощущение, что отец ушел из жизни. Что остается? Как мы можем вернуть хоть частичку его? Это память. Память и правда. За память и правду приходится платить. Имя Анджея Вайды, о котором мы очень много говорили с отцом в свое время... Поручику Ежи приходится за эту память и правду расплачиваться жизнью. Так же, как Мачеку в «Пепле и алмазе» за человечность приходится расплачиваться жизнью. Да, за память нужно платить. Мы, кажется, с отцом говорили о том, что «Пепел и алмаз», может быть, самый прекрасный фильм, «тебя, как первую любовь, России сердце не забудет».

Может быть, и фильм Вайды «Катынь» — это о «Мемориале», которому отец отдал большую часть своей жизни. Любить то, что ты можешь потерять, любить потери, это для нас великий урок польской культуры. Помнить о тех, кого мы любили, кто ушел... Вот эта память, мужество, для того, чтобы бороться за то, чего нас могут лишить в любой момент, неважно где — мы все в современном мире подвергаемся этой опасности — в этом для меня высокий смысл этой награды.

Записи выступлений не авторизованы
Разшифровка: Юлия Каденко и Галина Любич